

Стам С.М.: Странная комедия. Читая Данте...

Научные публикации Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского,
2000

<http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/vseob.hist./stran.com>

Содержание:

- Несколько предваряющих слов.
- Эпиграф
- Синтез средневековой культуры
- Эпопея Средневековья?
- Восходящее очищение души?
- Посюсторонность
- Противоречивость Данте.
- Милый мир.
- Данте - судия.
- Не с толпой правоверных
- Неслыханное своеволие в божьем аду.
- Оправдание любви.
- Смотреть вперед запрещено?
- Разум и вера
- Иллюзия и правда
- Проблема Беатриче.
- Крушение священной колесницы.
- Апофеоз Средневековья, или вызов, брошенный ему в лицо?
- Секуляризация нравственности.
- Эллинизация христианства.
- Проблема фортуны.
- Против жажды богатства.
- Личность.
- Доблесть.

- Проблема гордости.
- Проблема славы и бессмертия.
- К прошлому или к будущему?
- По лезвию ножа.
- Люди - черви?
- "Родится человек над берегом Инда".
- Христиане до христианства?
- Правоверный диктат или свобода мысли?
- "Что скажут персы вашим королям?"
- Блаженство Рая.
- Данте и Илахим
- К всевластной природе.
- Без страха Божия.
- Ученик эпикурейцев.
- На пути к свободомыслию.
- К реализму.
- Торжество реализма.
- Сок замысла.
- Фантазия.
- Кто же герой поэмы?
- "Вы к доблести и к знанию рождены".
- Так почему же "Комедия"?

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРЯЮЩИХ СЛОВ

В XIV–XVI веках феодальная Западная Европа пережила первый серьезный перелом во всех сферах общественной жизни. Бурное развитие городов, торговли, ремесел – в первую очередь высококачественного сукноделия – породило сильный слой богатых горожан-пополанов. В ряде городов это привело к «коммунальным революциям»: с помощью денег и в открытой борьбе горожане сбрасывают власть сеньоров и городских дворян-грандов, добиваются независимости, превращаются в могучую экономическую и политическую силу. И это происходит прежде всего в Италии.

На этой почве возникают глубокие сдвиги в общественном сознании: отвергается сословное неравенство, обличается роскошь и властолюбие католической церкви и особенно папства, зарождается научный интерес к природе, пробуждается чувство личности, потребность в свободе познания, деятельности, мышления. Отвергается религиозный аскетизм, презрение к человеку, его телу, жажде деятельности и знания. Возникают новые, человеческие – духовные, творческие потребности. Рождается новая нравственность.

Новая этика порождает и новую эстетику – новые идеалы человеческого поведения и художественного творчества, обращенного уже не к «силам небесным», а к природе и человеку. Зарождается и быстро набирает силу и влияние новая культура – культура Возрождения, изливающаяся ярче всего в изобразительном искусстве.

Возрождение вырабатывает новый идеал человека – свободной, волевой, целеустремленной, доблестной, творчески деятельной личности, исполненной высокой гражданственности. Чтобы выработать и отстоять этот новый идеал, требовались знающие, мыслящие и смелые люди, великие таланты, гении. Одним из самых первых в этом ряду явился пламенный гражданин Флоренции и великий поэт Данте. Еще до создания своего главного творения он выступил со смелыми и глубокими трактатами, где превыше всех наслаждений ставил познание, отстаивал великую ценность народного языка и искал путей к прекращению войн и установлению всеобщего мира.

Но в условиях господства средневеково-церковной идеологии развивать эти идеи было трудно и даже опасно. Нужны были герои – и очень смелые, и очень осторожные. Именно этими качествами обладал поэт и мыслитель Данте Алигьери. Изгнанный из родной Флоренции, скитаясь по всей Италии, он написал огромную поэму, которую назвал «Комедией», а ближайшие потомки и поклонники прибавили эпитет «Божественная», т. е. «совершеннейшая», «нечеловечески прекрасная».

В «Комедии» Данте подверг беспощадной критике феодально-церковные порядки времени: в Италии и почти по всей Европе – царство ненасытной жажды богатства и безжалостной несправедливости. Но поставив своей задачей «дружить с правдой», Данте обязан был соблюдать великую осторожность. Очевидно, в первую очередь по этой причине, что-бы говорить свободнее, Данте и придумал фантастическое путешествие в загробное царство: все «события», размышления, обуревающие поэта сомнения в догматах религии и горячие споры с нестигаемыми приверженцами правоверия происходят в Аду, Чистилище и даже в Раю. Но и там – с соблюдением возможных предосторожностей.

Иным представляется, что Данте не имел собственной четкой идейной позиции, что он словно бы метался между берегами – старым и новым. Так ли обстояло дело в действительности? Почему инквизиция жгла его поэму, когда народ уже распевал его стихи? Почему она пыталась сжечь самого поэта, а после его смерти – даже его останки? Данте в своей «Комедии» не раз взывает к богу, но не кто иной, как Данте, «втихомолку» вводит в Рай «еретиков» – противников официального учения церкви, сторонников

рождавшихся материалистических учений и объявляет святыми Сигера Брабантского, Иоахима Флорского. Именно Данте бесстрашно выступает в защиту веротерпимости: важно не вероисповедание, важен сам человек, достоинства его личности.

Данте писал в начале XIV века, но споры вокруг его «Комедии» не прекращаются и поныне. Нелегко под противоречивым, аллегорическим текстом прочесть и понять глубинный подтекст. Нелегко ответить на вопрос, почему поэму, полную описания ужасов Ада и Чистилища, да и того зла, что творится на земле, поэт назвал «Комедией». Так попытаемся же приблизиться к пониманию этих вопросов. Ведь перед нами одна из ярчайших и труднейших ступеней подъема человеческого духа на пороге Возрождения.

ЭПИГРАФ

О вы, разумные, взгляните сами,
и всякий наставленья да поймет,
сокрытое под странными стихами! (1*)

К своей знаменитой «Комедии», разделенной на три части – «Ад», «Чистилище» и «Рай», Данте не дал эпиграфа. Приведенные выше стихи взяты из IX песни «Ада». Они, как нож, врезаны в текст после описания неожиданной встречи путешественников (Данте, напоминаем, в его хождении по Аду сопровождает Вергилий) с тремя отвратительными фуриями, грозившими смертью. Они, несомненно, символизируют инквизицию, страшных лап которой во что бы то ни стало нужно избежать. И автора «Комедии» спасает его мудрый и энергичный друг Вергилий.

Далеко не всякому читателю удастся понять и сами стихи, и то, почему они находятся именно там. Между тем приведенные строки как нельзя более удачно помещены там, где им и должно быть. Но если бы Данте поставил эти стихи в качестве эпиграфа ко всему произведению, они были бы тоже к месту и помогли бы читателю раньше и выше подняться к пониманию всех глубин «наставления» поэта и, более того, помогли бы почувствовать, с какой любовью и болью за людей поэт-мыслитель создавал творение, как много он сказал людям не только своего поколения, но и грядущих веков.

Поэтому – да простится нам такое «вмешательство» в авторский текст и решимость поставить эту терцину эпиграфом к нашей работе – очередной попытке понять исполненную трагизма «Комедию» Великого Флорентийца.

1*. Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М., 1967. Ад. IX, 61-63; далее: А. – Ад, Ч. – Чистилище, Р. – Рай; отсылка будет идти в тексте сразу за приведенным стихом.

СИНТЕЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ?

Прошло почти семь столетий с тех пор, как Данте бросил в мир свою потрясающую «Комедию». С тех пор о ней написаны горы литературы. Кажется, все выяснено. Но мы читаем это творение снова и снова. И восхищаемся и в то же время натываемся на неясности и недоумения – они все еще остаются. Осмелюсь высказать сомнение: вполне ли внимательно мы прочли эту поэму, вполне ли добрались до того самого главного, что ее автор называл «соком замысла»?

Известна концепция, выдвинутая неотомистами: Данте – это высшее выражение «средневекового гуманизма». У нас эта концепция не получила поддержки. И – вполне естественно, потому что в феодальном обществе, где свободное мышление и действие суверенной личности рассматривались как греховное противодействие божьей воле, где идеалом человека был смиренный, нищий духом раб божий, – для гуманизма с его идеалом высокого достоинства человека, его непрерывного умственного и нравственного развития и творчества не могло быть места.

Но и у нас порой еще пишут: поэма Данте – это монументальный синтез средневековой культуры. Однако, что же это за синтез культуры Средневековья, где римские папы брошены вверх ногами в пылающие адские ямы? Где сама Римская церковь объявлена «Вавилонской блудницей»? Где отсутствует краеугольная идея религии – идея страха божьего? Где нет ни проповеди презрения к миру, ни проповеди покорности и нищеты духа?

Нет, замкнуть Данте в рамки средневекового сознания невозможно. Вот почему Ф. Энгельс, подходя к проблеме гораздо глубже, назвал Данте «последним поэтом Средневековья и вместе с тем первым поэтом Нового времени». Этой или близких точек зрения придерживаются в наше время многие историки литературы. Однако справедливо ли такое рассечение надвое?

ЭПОПЕЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ?

Именно так – как эпопею Средневековья определил в свое время сущность дантовой «Комедии» Валерий Брюсов. С некоторыми модификациями подобное понимание и поныне можно встретить в нашей литературе. Но что это должно означать? Что Данте любовался Средневековьем, тем обществом, в котором он жил? И воспел его в «Комедии»? Или призывал современников-читателей полюбить ту эпоху, в которой им привелось жить?

Ничего подобного в поэме Данте мы не найдем. Автор не восхищается, не любит сущим. Напротив, он возмущается, негодует против царящего зла, заполонившего свет. Изображенные им картины путешествия по нижним ярусам Ада – это своего рода сводка отвратительных земных дел – коварных измен и гнусных убийств – убийств соперников, родственников и даже родных братьев ради завладения их замками, богатствами и властью, чем богата история итальянской феодальной нетитулованной, титулованной и

высокотитулованной светской и духовной знати XIII века. Страшная история графа Уголино, правителя Пизы, которого схватил и заточил его кровный враг – архиепископ (!) пизанский Руджиери, заточил не одного, но вместе с двумя сыновьями и двумя малолетними внуками и лишил их какой-либо пищи, – едва ли найдет себе много аналогий в бесчеловечной истории человечества. Отец грыз свои пальцы, маленькие дети умирали у него на глазах, старший сын сказал: «Отец, убей нас всех и всех съешь! Нам будет легче» (А., XXXII, 123-135; XXXIII, 1-78). В Аду Уголино, впившись острыми зубами, неустанно и остервенело грызет затылок своего злейшего врага и губителя архиепископа Руджиери.

В данном случае перо Данте взволновано не политикой, а страшным нравственным падением властителей Италии – той самой бесконечной чередой обманов, подлых предательств и убийств; и жестокости, неизменной жестокости. Этой поистине адской картине поэт отдал большую часть XXXII и XXXIII песней «Ада». Вот что волновало Данте. Вот в чем, а не только в любовных зарисовках природы прорывался его потрясающий реализм.

Суровый Дант, как назвал его Пушкин, в высшей степени критичен. У него сердце болит за любимую Италию, которая превратилась в «кабак» (bordello). Он не может примириться с непрерывными раздорами и войнами. Их зачинщиков, а равно и тех, кто их воспевают, он ненавидит, – будь то провансальский талантливый поэт Бертран де Борн или Магомет. А конца раздорам и войнам не было видно. Вот почему поэт называет свой век «диким веком». Нет, если уж воспользоваться терминологией Брюсова, то Дантова «Комедия» – это эпопея отрицания Средневековья.

Но, может быть, видя зло средневекового мира, поэт средневековому реагирует на него? Ссылается на «первородный грех» или «козни дьявола»? Может быть, призывает презреть бренный мир, бежать от него и отдаться покаянию или, по меньшей мере, погрузиться в пассивное созерцание? Нет, у Данте мы не найдем ни аскетизма, ни квиэтизма. Поэт зовет читателей к стойкости, к твердости воли в защите правды и справедливости на земле:

Как башня стой, сколь ветры ни бушуют.

Это не средневековая этика покаяния и смирения. Это нечто принципиально новое.

Как бы утопичны ни были социальные идеалы Данте, важна их общая направленность. Характеризуя «Пса», который придет и загрызет волчицу жадности, губящую все доброе, Данте придает ему три решающих нравственных качества:

Честь, любовь и мудрость (А., 1, 104).

Ни слова о религиозном благочестии, о послушании воле бога. Только три важнейших, человеческих добродетели. И ни слова об отношении бога к господству этой волчицы в мире или о его помощи в трудной борьбе с ее засильем. Поэт верит, что победит хищного зверя мудрый и доблестный человек, который создаст на Земле новый политический и нравственный порядок.

Тем, кому творчество Данте представляется религиозным, средневековым, полезно вспомнить слова флорентийского мудреца, сказанные еще в «Пире»: «Все человеческие действия должны служить определенной цели, а именно жизни» (2*). В «Комедии» Данте настойчиво продолжает ту же линию, земную, человеческую. Устами Вергилия Данте утверждает:

... Господне слово

Велело людям жить и процветать (А., XI, 107-108).

О «первородном грехе», перечеркнувшем это слово, о необходимости постоянного покаяния и бегства от мира – ни звука.

2*. Данте. Пир, IV, VI, 7 // Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968. С. 214.

ВОСХОДЯЩЕЕ ОЧИЩЕНИЕ ДУШИ?

Для произведения, целиком посвященного путешествию автора по загробному миру, первым встает вопрос: зачем? чего ради? чего искал там поэт?

До сих пор не оставлена старинная версия: Данте хотел показать путь очищения души, ее восхождения от греховности к исправлению и, наконец, – к райской чистоте и блаженству. Но где же восходящее очищение в поэме? Уже в Аду мы видим не одних тиранов, лицемеров и жадных златолюбцев, но и людей, верных своему долгу, смелых мучеников свободной, благородной и чистой любви, людей несгибаемой воли, героически бесстрашных поборников истины, неутолимой жажды знания. А Лимб Ада полон великих поэтов, ученых, мыслителей и героев, каких напрасно искать в Раю. Это люди истинно высокого духа, вся «греховность» которых – только в том, что они не были христианами, как правило, жили до возникновения этой религии.

В Чистилище еще встречаются высокие умы и смелые души, подобные Марко Ломбардо, но их гораздо меньше, и им недостает воли и неукротимости. Души Чистилища никаких очистительных подвигов не совершают и не собираются совершать. Они только поют славу господу и, выбиваясь из сил, карабкаются вверх по крутому склону горы или ищут более пологих и легких путей подъема на

... горный склон,

Ведущий вверх стезею очищений (Ч., XIII, 2-3).

Но вот этих-то духовных очищений, какого-то нравственного роста, чему, казалось бы, и должно служить Чистилище, читатель в нем и не находит.

В Раю личность не расцветает, не возвышается духовно. Она растворяется в неподвижной иерархической соподчиненности «блаженных», феерических переливах света, цвета и звука и непрерывном славословии вседержителя. Нет, это не апофеоз человеческого духа.

Таким образом, трехступенчатая лестница поступательного восхождения душ никак не может служить, и в поэме Данте не служит, путеводителем одухотворения человека, его восхождения к высшему нравственному совершенству.

В Раю преобладают благочестивые резонеры, холодные схоласты или чуждые жизни мистики, чьи индивидуальности, как правило, вообще не раскрыты (ведь они должны были раствориться в боге), и все ограничивается перечислением их богоугодных заслуг.

Что же касается личности автора «Комедии», то она, воплощенная в Данте-герое поэмы, и в Аду поражает читателя своим благородством, мужеством, человечностью. Она и в Аду непричастна злу и грязи, и в Чистилище не совершает каких-либо подвигов очищения.

По сюжету, у врат Чистилища, по слову его привратника Катона Утического, Вергилий отмывает лицо Данте от копоты Ада, осевшей на нем. Но никакого нравственного усилия это не требует. А далее время от времени появляется ангел и, без каких-либо заслуг поэта перед богом и даже без молитв, своими крылами стирает с его лба очередную латинскую букву «Р» (reccatum – грех) – из семи начертанных на нем чьейто «священной» рукой при вступлении в эту часть загробного царства. При этом тело Данте становится легче (Ч., XXII, 7), но опять-таки в душе поэта никаких возвышающих сдвигов не происходит.

Правда, Вергилий, не сумев разрешить сомнений Данте, уговаривает его:

Стремись быстрее достигнуть исцеления

Пяти рубцов, как исцелились два,

Изглаженные силой сокрушения (Ч., XV, 79-81).

Но в том-то и дело, что никакого сокрушения, никакой удрученности, никакого чувства раскаяния (*esser dolente*) во взглядах Данте не испытывает.

ПОСЮСТОРОННОСТЬ

Почти вся гигантская поэма Данте протекает в запредельных, потусторонних областях, но во всех вопросах, сомнениях, наблюдениях, выводах преобладает и захватывает читателя Дантова (если будет позволено так выразиться) «земность», его посюсторонность. И в космических далах, и среди райской феерии, и в богословских спорах Данте-герой поэмы остается сыном Земли, о судьбе детей которой печалится, к их счастью ищет наиболее надежные дороги и тропинки. Он прежде всего человек. Он проникнут земной человечностью даже на вершине горы Чистилища, даже перед лицом «грифона» – Христа.

Его человечность проявляется в чувстве любви к Беатриче, главной героине поэмы, прототипом которой стала его возлюбленная, рано ушедшая из жизни. Он делает свою героиню святой, помещает в Рай.

И в «Зазеркалье» герой Данте не перестает думать и скорбеть о делах, творящихся в мире, о нелегких судьбах родной Флоренции, всей Италии и обсуждать эти вопросы с ушедшими (Ч., XXVI, 70-90). Он неустанно спрашивает души Чистилища о прошедших временах и о ныне живущих на земле людях. Он обсуждает с ними мирские обычаи и нравы, особенно в родной Флоренции (см.: Ч., XXIII, 40-54, 36-78, 85-102; XXIV, 10-48). И встречает живой, человеческий отклик.

В потустороннем мире Данте широко раскрывает себя как политического поэта. Внимательный читатель не может не поразиться дантовской ненависти к деспотизму и остроте его политической сатиры. Всю «Комедию» пронизывает дух высокой гражданственности. Именно Данте явился подлинным родоначальником политической поэзии – итальянской, национальной и – по сути дела? – общеевропейской. Петрарка как политический поэт имел в его лице великого предшественника.

И еще одно: страждущие в Чистилище души поэтов живо интересуются стихами живых поэтов Италии XIII века, поэзией «сладостного нового стиля» и самого Данте. И Данте делится с ними своим пониманием поэзии, если угодно, – своим художественным методом (Ч., XXIV, 49-63).

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ДАНТЕ

Поэма Данте исполнена противоречий, вне которых ее многосложное содержание, ее подтекст, «сок ее замысла» не могут быть раскрыты. Мало сказать, что это проистекало из противоречивости мировоззрения поэта. Важно выяснить, какими противоречиями жизни

они были порождены, какие тенденции в борьбе идейных противоположностей брали верх в сознании великого поэта, какое влияние его поэзия оказывала на общественное сознание, куда указывала стрелка его компаса.

В «Комедии» немало мест, где явлен религиозный пиетет ее автора. Скажем, у входа в Чистилище его Данте, «благоговением объятый», припадает к святым стопам привратника, моля открыть ворота, и при этом трижды ударяет себя рукой в грудь, в знак искренности его просьбы (Ч., IX, 109-111). А потом Данте восхищается смирением богопослушных людей, изображенных на мраморных рельефах религиозного содержания, которыми устлана дорога в Чистилище (Ч., X, 97-98).

Более того, автор «Комедии» еще возводит человеческую доблесть к богу:

... Тот ее дарит,

Кто может все в могуществе великом (Ч., VII, 122-123).

Доблесть еще не рассматривается как природное свойство или как качество, выработанное, воспитанное и совершенствуемое человеком.

Данте остается в рамках религиозного сознания. Самый источник своего поэтического вдохновения поэт возводит к богу.

... Все, что сердцу вожделенно,

Все благо в Нем... (Р., XXXIII, 103-104).

Но собственных мне было мало крылий;

И тут в мой разум грянул блеск с высот,

Неся свершенья всех его усилий (Р., XXXIII, 139-141).

Но он уже не может не относиться к старому критически. В одном из эпизодов поэмы, увидев в небе Юпитера священного орла, Данте восклицает:

О чистый светоч!...(ты)

... мне явил, что правый суд

Нисходит с неба, в чьей ты блещешь сени! (Р., XVIII, 115-117).

И вдруг немедленно продолжает:

Молю тот Разум, где исток берут

Твой бег и мощь, взглянуть на клубы дыма*,

Которые твой ясный луч крадут.

И вновь разгневаться неукротимо

На то, что местом торга сделан храм,

Из крови мук возникший нерушимо (Р., XVIII, 118-123).

Итак, от папской курии, да и от всей иерархии «волков грызливых» восходят к небу «клубы дыма», затмевающие нечестивые дела папства и отсутствие на земле правды и справедливости.

И каков же вывод? В стихах, полных горечи, Данте призывает бога «разгневаться неукротимо» и обрушиться на нечестивую церковь.

Едва ли Данте забыл, что гневливость для христианина – грех. А ведь он призывает бога обрушить на церковь неукротимый гнев! Это не просто критика, это мятежный призыв. Заметим, что гневная, мятежная филиппика произносится не где-нибудь, а в Раю, где «только любовь, тишь и покой».

В своей интересной работе М. Л. Абрамсон справедливо отмечает: «Процесс самоутверждения человека – процесс длительный и мучительный» (3*). И, добавим от себя, – противоречивый. Данте-герой поэмы внимательно слушает в Раю длинную речь Томаса Аквината (Р., X). Но в томист-ский хоровод Данте-автор вводит и «еретического» Сигера Брабантского, которого в жизни Аквинат жестко критиковал, а в Раю (по воле Данте, разумеется) называет «ясным умом», который «неугодным правдам поучал» (Р., X, 136-138). Может быть, следовало бы «лекцию» Аквината и его оценки философов сопоставить со взглядами насельников адского Лимба: тогда яснее стали бы и противоречивость Данте, и то, какие тенденции брали верх в его мировоззрении. Наверное, пригодилось бы и освещение отношений Данте к флорентийским эпикурейцам и аверроистам.

Несомненно, Данте противоречив. Но не от слабости мысли. Тот, кто отрывается от старого видения мира (можно сказать, уже почти оторвался) и жадно тянется к новому (можно сказать, уже ухватился за него), не может избежать этого противоречия.

3* Абрамсон М. Л. От Данте к Альберти. М., 1979. С. 75.

МИЛЫЙ МИР

Много тяжелого, страшного, отталкивающего встретил Данте-герой поэмы в «запредельном путешествии», много людей («душ») повидал – хороших и добрых, но страдающих, а еще больше недобрых, несправедливых, раскаявшихся и нераскаявшихся в злых поступках, совершенных «там» – в земной жизни. Но как часто ему приходилось слышать: «Ну, как там – в такой-то области, в таком-то городе – там, в «милом мире»? Или: «Когда вернешься в милый мир, напomini людям (или кому-то конкретно) обо мне. Ведь я там жил». Данте-автор очень хорошо знал, как горек земной мир, и в своей поэме бичевал его несправедливость, но разлюбить его не мог. Ведь он и бичевал его потому, что хотел сделать лучше, потому что любил его, любил людей. И для сурового Данта этот мир оставался «милым миром», как и для его героев.

Данте всем сердцем любил Землю и ходящие над нею солнце, планеты и звезды. Он был чужд аскетического презрения к Земле, ее горам и равнинам, морям и рекам, лесам и полям, растениям и животным, населяющим ее людям. Он любил красу земную, был на редкость наблюдателен, чутко улавливал поэтические движения природы и искусно переводил их на язык поэзии:

Уже заря одолевала в споре

Нестойкий мрак, и, устремляя взгляд,

Я различал трепещущее море (Ч., I, 115-117).

Данте умел видеть и слышать природу, а в стихах передать ее волшебную красоту. Можно сказать, что поэт музыкально воспринимал рассветы, восходы и заходы солнца и поведение животных и птиц. Он умел наслаждаться природой и передавать это наслаждение читателю:

И как перед рассветными лучами

Благоухает майский ветерок,

Травой напоенный и цветами... (Ч., XXIV, 145-147).

Или:

Как иногда багрянцем залиты

В начале утра области востока,

А небеса прекрасны и чисты,

И солнца лик, поднявшись невысоко,

Настолько застлан мягкостью паров,

Что на него спокойно смотрит око (Ч., XXX, 145-147).

Или:

День уходил, и неба воздух темный

Земные твари уводил ко сну

От их трудов... (А., II, 1-3).

Жизнь живых существ органически связана с периодическими изменениями в природе и гармонирует с ними. И суточные световые изменения, и жизнь лесных птиц тоже гармонически взаимосвязаны. Поведение птиц чутко откликается на едва заметные атмосферные колебания и переходы в природе.

Как юный аист крылья иногда

Поднимет к взлету и опустит снова,

Не смея оторваться от гнезда (Ч., XXV, 10-12).

И согласованность групповых, стайных действий перелетных птиц:

Как в воздухе сгрудившийся отряд

Проворных птиц, зимующих вдоль Нила,

Порой спешит, вытягиваясь в ряд (Ч., XXIV, 64-66).

Сколько чуткости, понимания, любви к братьям нашим меньшим заложено поэтом в такие, в сущности, лирические стихотворения:

Как птица, посреди листвы любимой,

Ночь проведя среди птенцов родных,

Когда весь мир от нас укрыт, незримый,

Чтобы увидеть милый облик их
И корм найти, которым сыты детки, –
А ей отраден тяжкий труд для них, –

Час упреждая на открытой ветке,
Ждет, чтобы солнцем озарилась мгла,
И смотрит вдаль, чуть свет забрезжит редкий (Р. XXIII, 1-9).

Поэт не просто чутко, но любовно подмечает скромные, а то и сильные проявления у животных (больше всего у птиц) трогательных, порою героических эмоций и действий, ища в них природные подтверждения и даже образцы для поведения людей.

Как голуби, на сладкий зов гнезда,
Поддержанные волею несущей,
Раскинув крылья, мчатся без труда... (А., V, 82-84).

От взгляда поэта не ускользают и под его пером расцветают даже ма-лые проявления целенаправленных действий живых существ:

И как во рву, расположась вдоль края,
Торчат лягушки из воды,
Брюшко и лапки ниже укрывая (А., XXII, 25-27).

Какая наблюдательность! Какая любовь ко всему живому!

И еще:

...Лягушка выставить ловчится,
Чтобы поквакать, рыльце из пруда,
Когда жнее страда и ночью снится (А., XXXII, 31-33).

А здесь уже, через меткие зоологические наблюдения проглядывает тяжелый крестьянский труд. Ноты человеческих отношений поэт улавливает у мелких насекомых, известных своим трудолюбием и общительностью:

Так муравьи, столкнувшись где-нибудь,
Потрутся рыльцами, чтобы дознаться,
Быть может, про добычу и про путь (Ч., XXVI, 34-36).

И какое знание крестьянского труда и крестьянских забот, какое сочувственное их изображение:

Покуда год не вышел из малюток
И солнцу кудри греет водолей
А ночь все ближе к половине суток,

И чертит иней посреди полей
Подобье своего седого брата,
Хоть каждый раз перо его хилей, -

Крестьянин, чья кормушка не богата,
Встает и видит – побелел весь луг,
И бьет себя пониже перехвата;

Уходит в дом, ворчит, снует вокруг,
Не зная, бедный, что тут делать надо;
А выйдет вновь – и ободрится вдруг,
Увидев мир сменившим цвет наряда
В короткий миг; берет свой посошок
И гонит вон пастись овечье стадо (А., XXIV, 1-15).

И труд, и отдых земледельца хорошо знакомы поэту. Зная им цену, Данте находит в них источник поэзии и поэтизирует с уважением, не допуская никакой слащавости. И все это – природа, человек и его труд. И радости земные.

Можно сказать, что Данте воспевал труд. И не только земледельческий, но и, так сказать, индустриальный.

Вот знаменитый венецианский судостроительный и оружейный Арсенал:

И как в венецианском Арсенале

Кипит зимой тягучая смола,

Чтоб мазать струги, те, что обветшали,

И все справляют зимние дела:

Тот ладит весла, этот забивает

Щель в кузове, которая текла;

Кто чинит нос, а кто корму клепают;

Кто трудится, чтоб сделать новый струг;

Кто снасти вьет, кто паруса латает... (А., XXI, 7-15).

Природа, животные, человек, труд – вот чем красна жизнь на земле. Особенно – природа. Данте интересуется природой, ищет правильных методов ее познания. Он прислушивается к тем сдвигам в отношении к природе, которые пробиваются в XIV веке даже в схоластике, где появляется физическое направление. Он уже знает, что человеческое познание начинается с ощущения, которое затем осмысливается мозгом, знает, что научные выводы должны проверяться опытом.

Все эти новшества, на которые церковь смотрела косо, поэт предпочитает излагать устами Беатриче, – она же святая, а Данте, его герой – только мирянин, мучимый сомнениями в вопросах веры. И Беатриче растолковывает поэту:

«Так с вашей мыслью должно говорить,

Лишь в осязаемом черплющей познание,

Чтоб разуму затем его вручить» (Р., IV, 40-42).

И еще:

«Сужденья смертных ложны, – мне сказала, –
Где не прибегнуть к чувственным ключам» (Р., II, 53-54).

«Тебе бы опыт сделать не мешало,
Ведь он для вас – источник всех наук» (Р., II, 95-96).

По мере развития поэмы натуралистическая тенденция в ней усиливается, и в целом, с оговорками, позицию Данте, видимо, ближе всего будет отнести к пантеизму в том его варианте, где, при допущении идеи бога, природа занимает не подчиненную, а самостоятельную, порой даже ведущую роль.

ДАНТЕ – СУДИЯ

На вратах Ада Данте начертил страшные, как он сам признается, слова:

«Я с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте упованья» (А., III, 8-9).

Но рядом – и слова странные:

«Был правдою мой зодчий вдохновен.
Я...
Первою Любовью сотворен» (А., III, 4–6).

Конечно, *Primo Amore* на языке Дантовой поэмы означало бога, и этот же смысл ясно выражен в роковой надписи. Но ведь существительным в данном словосочетании остается любовь. Следовательно, учреждение Ада, пропасти вечных мук рассматривается поэтом, сколь это ни странно, как благое дело, как акт любви.

Однако противоречие это вполне закономерное в сознании человека, любящего человечество, но еще не порвавшего с религией. Ведь, решившись спустить своего героя в бездну подземного царства, Данте-автор замечает, что тот

Приготовлялся выдержать войну
И с тягостным путем, и с состраданьем (А., II, 4-5).

Но ненависть к царящему в мире злу и горячее желание помочь человечеству выбраться из его «бедственного состояния» оказываются у Данте-героя сильнее и страха бездны, и пыток, и сострадания.

Здесь, правда, вновь возникает вопрос о том, верил ли Данте в реальность потустороннего мира и загробного воздаяния? Внимательное прочтение «Комедии» не позволяет дать на этот вопрос однозначный ответ. Но великолепное знание горькой правды реальной, земной жизни и гениальная способность наполнить пульсирующей жизнью вымысел, а подлинные факты вылить в аллегорическую форму «очевидного чуда» – все это позволило Данте смелыми, широкими мазками написать миромасштабное полотно жизни средневековой Европы на пороге глубокого перелома и, указав людям на едва занимавшую зарю, призвать их шагнуть навстречу веку, который уже приближается и который уже «не дикий».

Повсеместное засилье зла, насилия, несправедливости вызывало у Данте отвращение и гнев. Вот откуда его «суровость». И если страх вечных мук в Аду может устрашить хоть кого-то, может остановить акт зла и несправедливости, то и сила страха должна быть использована в борьбе со злом. Вот почему аду в «Комедии» отдано первое место, вот почему Данте не жалеет жутких красок, чтобы изобразить изощреннейшие телесные мучения бестелесных адских душ. И вот почему то тут, то там мы слышим от Данте-героя поэмы возгласы одобрения жестокому божьему суду. Вот откуда эти озадачивающие слова, начало которых уже было приведено выше, над воротами Ада:

Был правдою мой зодчий вдохновен:

Я высшей силой, полнотой всезнанья

И Первою Любовью сотворен,

Входящие, оставьте упованья (А., Ш, 4-3, 9).

А вот – в недрах Ада:

О Высший Разум, как искусен ты

Горе и долу, и в жерле проклятом,

И сколько показуешь правоты! (А., XIX, 10-12).

Мысль Данте всегда обращена к земле, к земным бедам человечества. И там, где в его поэме божий приговор карает реальное земное зло, Данте-герой своим судом этот приговор оправдывает. Так – в отношении фальшивомонетчиков в десятом рве Ада, где

... Служительница бога

Суровая карает Правота (А., ХХ1Х, 55-56).

Это сказано прежде всего о жестоко мучимых в огненных ямах, головою вниз, римских папах – Николае III, Клименте V и других «церковных торгашах», которые «всех обогнали в скверне» (А., XIX, 82). Данте-герой поэмы приемлет, одобряет чинимые божьей волей жестокие наказания злодеев, разбойников лжецов, обманщиков, жадных златолюбцев, жестоких насильников, тиранов, предателей, святокупцев, особо ненавистных ему зачинщиков раздоров и войн.

Но сколько поправок вносит поэт в то, что традиционно представляет христианская религиозная литература как божьи приговоры, сколько раз прямо или косвенно дезавуирует их, заменяя своими, или же самовольно, вовсе не в согласовании с учением о добродетелях и пороках, осуждая одних грешников и милуя или превознося, даже санкционируя, других. А то – вообще позволяет себе неслыханные нововведения, которые никак не согласуются с церковным правоверием и представлениями о Аде.

НЕ С ТОЛПОЙ ПРАВОВЕРНЫХ

Среди первых песней поэмы одна заслуживает особого внимания. В ней рассказывается, что, едва перешагнув, вместе с Вергилием, порог Ада (а точнее, еще не Ада, а только адских «сений») Данте был оглушен:

Там вздохи, плач и иступленный крик
Во тьме беззвездной были так велики,
Что поначалу я в слезах поник.

Обрывки всех наречий, ропот дикий,
Слова, в которых боль, и гнев, и страх,
Плесканья рук, и жалобы, и вскрики

Сливались в гул, без времени, в веках,
Кружащийся во мгле неозаренной,
Как бурным вихрем возмущенный прах.

– Чей это крик? – в ужасе спросил Данте. И вот ответ Вергилия:

«... То горестный удел

Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел.

.....

Их память на земле невоскресима;
От них и суд, и милость отошли,
Они не стоят слов; взгляни – и мимо!»

.....

И понял я, что здесь вопят от боли
Ничтожные, – которых не возьмут
Ни бог, ни – супостаты божьей воли.

Вовек не живший, этот жалкий люд
Бежал нагим, кусаемый слепнями
И осами, роившимися тут» (А., Ш, 22-66).

Что же все это значит? Что это за «вестибюль» Ада? И как это: «их не возьмут ни бог, ни супостаты божьей воли»? Ведь заперты эти души в темных «сенях» Ада, видимо, не без божьей воли, да и слепни и осы тоже кем-то на них должны быть напущены. Да это же просто Ад, одно из его отделений – и только. Их мириады – людей, не сделавших в жизни ни большого добра, ни большого зла. Ни в злодеяниях, ни в нарушении правоверия Данте их не обвиняет. Вины перед богом у них нет: покорны, послушны («как все»), «как все» полны страха божьего, они не злодействовали, но и подвигов добра и героизма не совершали (что, кстати, могло стать причиной греховной гордыни). Они были просто «рабами божьими» (этих слов в поэме нет). Кто же и за что бросил их в вечный мрак на съеденье слепням и осам? Очевидно, – сам автор «Комедии». Он был убежден, что люди призваны «взлетать», а тот, кто только потребляет, существует и по-корствуется, – все равно что и не живет вовсе.

Бросается в глаза: Данте почти на два столетия предвосхитил принадлежащее Леонардо да Винчи уподобление людей чисто потребительского отношения к жизни, чуждых каких-либо умственных, творческих интересов и порывов, – колбасам, наполняемым с одного конца и опорожняемым с другого. В сцене, изображенной Данте в «сенях» Ада, уже четко выражен новый, гуманистический подход к человеку как к деятельной, целеустремленной, творческой личности, чем и определяется его ценность.

НЕСЛЫХАННОЕ СВОЕВОЛИЕ В БОЖЬЕМ АДУ

Но этим нововведением своевольный судия Данте не ограничивается. Он шагает дальше и смелее. Вокруг пропасти, ведущей в недра Ада, Данте рисует некую обширную закраину –

Лимб, который тоже относится к Аду, но где пыток и мучений нет. Здесь пребывают язычники – выдающиеся люди Античности. Они в Аду не за грехи, а потому, что не были крещены; ибо, как утверждает церковь (в «Комедии» Данте устами Вергилия):

«...Не спасут

Одни заслуги, если нет крещенья...» (А., IV, 31-32).

Данте-герой поэмы не может примириться с таким тюремным отношением к великим поэтам, художникам, героям Древности:

Стеснилась грудь моя от тяжелой боли

При вести, сколь достойные мужи

Вкушают в Лимбе горечь этой доли (А., IV, 43-45).

И вот навстречу путешественникам выходят великие поэты Античности: Гомер, Гораций, Овидий, Лукан. Они приветствуют Вергилия и Данте. И в уста последнего автором вкладываются гордые слова:

И эта честь умножилась весьма,

Когда я приобщен был к их собору,

И стал шестым среди столького ума (там же, 100-102).

Далее идут первый консул Римской республики Брут, мать известных реформаторов братьев Гракхов, Юлий Цезарь и другие выдающиеся исторические герои Древнего Рима.

Вокруг Вергилия рассказываются знаменитые философы – Сократ, Платон, Аристотель, Демокрит, Анаксагор, Гераклит; римские философы и ученые – Цицерон, Сенека, Эвклид, Птолемей, врачи – Гиппократ, Гален. Позднее автором добавляется знаменитый римский сатирик Ювенал (см.: Ч., XXII, 13-15).

Данте, не зная греческого языка, демонстрирует незаурядное знание истории и культуры Античности, ее героев – мужчин и женщин – исторических и мифологических. Данте-судия своей волей освобождает этих язычников от положенных им церковным правоведем адских мук.

Он помещает героев Античности в изобретенный им самим «приадский» Лимб, где расстилаются зеленые луговины и протекают мирные ручейки, на берегах которых они ведут между собой мирные беседы об истории, философии, медицине и астрономии, – поистине райский уголок культуры. Рождается вопрос: это свободное сообщество осужденных, но помилованных, неправовверных интеллигентов и героев здесь, внизу, у самой закраины адской пропасти, – не задуманный ли поэтом с самого начала противоположный полюс той »Белой розе» – пышной, строго расчисленной по степеням святости, но духовно пустой, которой увенчана вершина Рая?

Но всего этого мало. Дерзость поэта позволила ему избавить от адских мук и поместить на тех же зеленых луговинах Лимба не только древних язычников (ну, жили до Христа, что с них возьмешь?), но и (неслыханное дело!) современных иноверцев. Это двое ученых арабов: среднеазиатский врач и философ Ибн-Сина (Авиценна, конец XI–XII в.) и испанский философ и врач Ибн-Рошд (Аверроэс, XII в.) – основоположники материалистического истолкования философии Аристотеля в рамках широкого фи-лософского движения аверроизма.

И более того, перечисляя запертых в Лимбе античных деятелей, Данте словно мельком бросает:

Поодаль я заметил Саладина (А., IV, 129).

Это не врач и не философ, это мусульманский полководец. Курд, султан Египта, Салах-эд-Дин (Саладин), который, как известно, в 1187 году отвоевал Иерусалим у крестоносцев. Тут нужно на один момент вернуться к событиям, совершившимся почти столетием ранее. В 1099 году, после долгой осады, крестоносцы овладели Иерусалимом, вырвавшись на улицы города, они убивали всех без разбора – мужчин, женщин, детей, младенцев, ходили забрызганными кровью по пояс и очень этим хвалились. Отвоевав Иерусалим, Саладин кровавой оргии не устраивал; взяв много пленных, он никого из них не убил. Разоружил и предоставил полную свободу идти, куда пожелают. Одно выставил условие: с собой забрать только то, что можно унести в руках. Он отлично понимал, что они захотят вернуться на родину. Но, чтобы дойти до моря, нужно было пройти безводную Иудейскую пустыню. Разве что единицам удастся запастись пищей и, главное, водой для такого перехода. Действительно, дошли единицы, и их рассказ ошеломил европейцев. Подумать только: «неверный» сарацин, завоевав город, пленных не убивал, а, отобрав оружие, предоставил право идти на все четыре стороны! Такого благородства средневековая Европа не слыхивала. Вот почему Данте и Саладина, несмотря на то, что он разгромил крестоносцев, за его благородство осмелился поместить в Лимбе, в кругу не знающих ни мук, ни пыток благородных духом иноверцев.

ОПРАВДАНИЕ ЛЮБВИ

Вернемся к поэме. Данте, сопровождаемый Вергилием, движется по мрачным пропастям Ада. Он смотрит, ужасается и судит. Он не может взирать равнодушно на все, что перед ним разворачивается:

Уже среди новых пыток я опять,
Среди новых жертв, куда ни обратиться,
Куда ни посмотреть, куда ни стать (А., VI, 4-6).

Но вот поэт видит сплетенные и неразлучные, носимые адским ветром фигуры Франчески и Паоло,

... Которых вместе вьет
И так легко уносит буря эта (А., V, 74-75).

В трагической истории Франчески да Римини (Франчески Полента), послужившей сюжетом для знаменитой V песни «Ада», многое остается неизвестным и спорным. Согласно одной из старинных версий, беря Франческу в жены, синьор Римини, уродливый (по одним данным – горбатый, по другим – хромой) и злобный Джанчотто Малатеста, на акт венчания сам не поехал, а послал своим «заместителем» (что в те времена допускалось) своего младшего брата Паоло, красивого и обходительного. И, возможно, уже тогда Франческа полюбила именно его. Естественно, это чувство должно было только усилиться, когда Франческа познакомилась со своим нареченным мужем. Несмотря на все обряды, освященные церковным таинством, естественная, свободная любовь к Паоло победила. Нашелся доносчик. И, застав влюбленных вместе, Джанчотто убил обоих. Это произошло в 1283 (или в 1286) году и ужаснуло всю Италию.

Конечно же, церковь, по понятиям Данте, должна была оказаться на стороне убийцы: ведь Франческа и Паоло нарушили освященное богом (церковью) таинство брака, – никакие человеческие чувства не могут служить здесь оправданием. «Царь вселенной им не был другом» (См.: А., V, 91). В глазах церкви, Франческа – великая грешница и Паоло – вместе с нею.

Данте-герой поэмы встречает осужденных и мучимых влюбленных, неразлучных и в любви, и в муке, – в Аду, во втором круге, где Данте-автором караются сладострастники. По просьбе поэта Франческа рассказывает ему,

Сочувственному к муке сокровенной (А., V, 93),

свою трагическую историю. И Данте-герой восстает против «божьего суда». Поэт не кричит, не неистовствует. Он горячо, всем сердцем сочувствует, сострадает:

Скорбящих теней сокрушенный зритель,
Я голову в тоске склонил на грудь (А., V, 109-110).

Поэт не может скрыть своего чувства:

... Франческа, жалобе твоей
Я со слезами внемлю, сострадая (А., V, 115-116).

Для него эти мученики не сластолюбцы, не блудодеи. Их любовь свободна, искренна и потому чиста. Она

Любовь, любить велящая любимым (А., V, 103), (4*)

– та истинная любовь, которую боготворил Данте-поэт. Поэтому примириться с жестоким божьим приговором его герой не мог.

Дух говорил, томимый страшным гнетом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Мое чело покрыла смертным потом;
И я упал, как падает мертвец (А., V, 139-142).

Вот это, выразительно охарактеризованное Данте-автором неодолимое человеческое сострадание, и этот обморок перечеркивают «правый суд всевышнего».

М. Л. Абрамсон очень верно отметила, что уже предтечи ренессансной поэзии – поэты «сладостного нового стиля» не просто воспевали любовь, но, предвосхищая гуманистов, «рассматривали любовь как средство совершенствования человека» (5*). Эта гуманистическая поэтизация самого поэтического человеческого чувства в ходе развития гуманизма сыграет исключительную роль в процессе выработки гуманистического идеала человека, развитого всесторонне, в том числе и как эмоционально высокоразвитой личности. В то же время эта позиция давала исток той светлой линии феминизма, которой так привлекательно прошита вся ткань культуры Возрождения.

4* Быть может, точнее было бы перевести «влюбленным»?

5*Абрамсон М. Л. Указ. соч. С. 67.

СМОТРЕТЬ ВПЕРЕД ЗАПРЕЩЕНО?

В четвертом рве восьмого круга Ада, где наказуются прорицатели, Данте-герой поэмы не может спокойно видеть, как ужасно исковеркано человеческое тело, когда голова на вывернутой шее обращена назад. Он сострадает этим людям. Данте-автор явно призывает и читателя сострадать им. Более того, он уверен (или только пишет, что уверен?), что и бог им сочувствует. Он вкладывает в уста своего героя такие слова:

Читатель, – и господь моим рассказом

Тебе урок да преподаст благой, –

Помысли, мог ли я невлажным глазом

Взирать вблизи на образ наш земной,

Так свернутый, что плач очей печальный

Меж ягодиц струился бородой.

Я плакал, опершись на выступ скальный (А., XX, 19-25).

Но тут же устами Вергилия называет такое сочувствие к наказуемым – безумием.

«Ужель твое безумье таково?

.....

Не те ли всех тяжеле виноваты,

Кто ропщет, если судит божество?» (А., XX, 26-30).

Сознает ли Данте свое непослушание богу? Очевидно, сознает. Но осуждая себя устами Вергилия, он устами Данте-героя все-таки продолжает роптать против такого бесчеловечного наказания человеку только

За то, что взором слишком вдаль проник (А., XX, 38).

Значит, дело не только в сострадании. Перед нами слегка прикрытый протест против средневекового запрета человеку пытаться проникнуть мыслью в будущее. Очевидно, Данте симпатичен человек, устремленный взглядом в будущее, хотя оно запрещено.

В этих несогласиях, поправках, самовольном отходе от средневековых религиозно-нравственных предписаний, в замене их, по сути дела, гуманистическими вердиктами (выказанными или подразумеваемыми) – главное. Данте, вероятно, еще до того, как взялся за перо, уже оттолкнулся, отплыл от берега нерушимого правоверия, от церковной этики. И это – ведущая тенденция в обнажившемся противоречии.

РАЗУМ И ВЕРА

Вся «Комедия». Данте разворачивается в темных ущельях и на просторах загробного царства – от Ада, через Чистилище и до небесных высот Рая. Но примечательно, что, начиная свое потустороннее странствие, Данте-герой поэмы обращается не к богу и не к каким-нибудь святым, а к разуму:

О благородный разум, гений свой

Запечатлей моим повествованьем! (А., II, 8-9).

От страшных зверей, окруживших его в темном лесу, Данте ищет спасения не в покаянии, не в молитвах, не в аскетическом самоуничижении, а в разуме. Воплощением разума является в «Комедии» поэт-язычник Вергилий, который укоряет своего младшего собрата в неразумии:

«Так что ж? Зачем, зачем ты медлишь ныне?

Зачем постыдной робостью смущен?» (А., II, 121-122).

Покорной робости, какой учила церковь, Данте-поэт устами Вергилия противопоставляет разумное мужество. Когда грозная надпись на вратах Ада пугает Данте, Вергилий отвечает голосом разума:

«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;

Здесь страх не должен подавать совета» (А., XIII, 14-15).

Страх выступает как антитеза разума, его затмеватель. Разум – как освободитель человека от рабства страха. Но не будем торопиться с заключением, что перед нами уравновешенное торжество рационалистического начала. Спора нет, Вергилий – это Античность, античная мудрость, трезвость мысли. Но это Вергилий в Средневековье, когда в авторе «Энеиды»

видели чуть ли не предвосхитителя христианства. И в «Комедии» Данте Вергилий, как уже говорилось, в значительной степени христианизован. Он сокрушается, что в жизни верил в бога не так, как нужно, и в Рай ему доступа нет. И перед Данте-героем поэмы Вергилий появляется усилиями Беатриче – уже блаженной, обительницы Рая.

Но и у такого Вергилия нет полного согласия с Данте, его спутником. У автора «Комедии» то и дело возникают сомнения в вопросах веры, недоумения, а то и прямые несогласия с канонами правоверия. И как это ни парадоксально, в поэме заблуждения в вопросах веры младшему поэту «разъясняет» все тот же полуязыческий Вергилий; он же и наставляет на путь истинный.

Противоречивость очевидна. Она пронизывает всю ткань поэмы. Однако дантова «Комедия» не мечется беспомощно между двумя берегами. Вполне возможно уловить, какая из двух тенденций наступает и упрочивается и какая упорствует, но отступает.

Отвергая права разума на постижение тайны божества, Вергилий переходит в прямое наступление на человеческую жажду знания и даже на столпов античной учености:

«Ты видел жажду тщетную таких,
Которые бы жажду утолили,
Навеки мукой ставшую для них.

Средь них Платон и Аристотель были
И многие». И взор потупил он
И смолк, и горечь губы затаили» (Ч., III, 40-45).

Христианизированный Вергилий, вопреки себе, осуждает жажду знания и даже могучие порывы разума великих мудрецов Античности, в том числе, получается, и самого себя. Данте-поэт прочно стоит на стороне человеческого разума. Его герой не возражает Вергилию, но и не спешит согласиться с ним. Данте выражал противоположные взгляды уже в «Пире», да и в «Комедии» тоже: достаточно вспомнить манифест познания и воли к новым открытиям, провозглашенный в Аду устами Улисса. Что же касается загробных мучений, то, тщательно их описывая, Данте сам же их перечеркнул, когда один из наказуемых на трудном подъеме на гору Чистилища свалился в изнеможении, жалуясь на истощение. Вот ответ Данте-героя:

Как можно изнуряться, – я сказал,
– Там, где питать не требуется тело? (Ч., XXV, 20-21).

Проблема познания Вергилием и Данте решается в поэме по-разному. Вергилий внушает своему младшему собрату:

«Поистине безумные слова –
Что постижима разумом стихия
Единого в трех лицах божества!

.....

О род людской, с тебя довольно quia
Будь все открыто для очей твоих,
То не должна бы и рождать Мария» (Ч., III, 31-39).

Божественная тайна иррациональна, человеческой логике не подчиняется. Данте устами Вергилия затронул самый нелогический и, вместе с тем, центральный момент всего христианского вероучения: рождение Христа от духа святого. Это – мистика, и потому для человеческой критики и вообще для человеческой логики недоступна. Вергилий признает эту нелогичность: да не посмеет человеческий разум, с его вечным «почему?» касаться этого вопроса. Да и других божественных тайн – тоже. Человеку достаточно «квиа», что полатыни значит – «потому». Все так – потому что так. Или иначе: Почему? Ответ: потому. Данте-герою поэмы этого «потому» недостаточно, вот ему и приходится выслушивать наставления Вергилия и Беатриче. Данте, как правило, с ними не спорит, но и не выражает своего согласия.

Тот, кто утверждал: «Познание есть высшее совершенство нашей души, и в нем заключается наше высшее блаженство» (6*), кто был убежден, что люди «к доблести и к знанию рождены» (А., XXVI, 120), не мог принять посмеяния Аристотеля и Платона, утверждений, что жажда знания тщетна и приносит ищущему истины только муку. Но Данте-героя поэмы пытается убедить в этом новообращенный Вергилий. Данте любит и Беатриче, и Вергилия, но автор «Комедии» не допускает абсолютизации этой любви. Данте-герой поэмы любит своих друзей, но еще более он любит правду. Эти люди, по замыслу поэмы, нужны главному герою и как друзья, и как оппоненты. Да, – и как оппоненты, потому что ложная мысль, воюя против верной, яснее обнаруживает свою ложность и тем самым помогает отточить понимание истины.

В IV песни «Рая» Беатриче читает Данте целую схоластическую лекцию по проблеме свободы воли. Поэт восхищается ее «небесной» мудростью и даже заявляет:

Таких глубин мой дух в себе не встретит,
Чтоб дар за дар воздать решился он;

Пусть тот, кто зряч и властен, вам ответит (Р., IV, 121-123).

Иронию в этой терцине Данте-поэт не считал необходимым маскировать. Кажется, он устами героя полностью признает свою некомпетентность в философии и полностью выражает согласие с теологическим толкованием свободы воли: как воли, целиком послушной велениям бога. Но, сделав жест глубокого почтения в сторону «непреложной (божественной) Правды, вне которой правды нет», Данте вдруг утверждает (почти дословно повторяя известные слова Абельяра), что

... У корня истины встает

Росток сомненья (Р., V, 130-131),

и делает вывод:

... Так природа властно

С холма на холм ведет нас до высот (там же, 130-131).

Оказывается, что к истине нас ведет природа – через сомнение, порождающее росток истины, и далее – «с холма на холм», – от одного усилия разума («стремления») к другому, следующему, и выше – к истине. У Беатриче в поэме истина (божественная) налична; ей нужно только приобщиться и ей подчиниться. У Данте же к истине ведет непрерывный ряд усилий естественного разума. Так, вроде бы и не споря, устами Данте автор поэмы опровергает теологические силлогизмы, вложенные в уста Беатриче, и открывает дверь разуму, которому и вручает права командования человеком.

В свое время А. Н. Веселовский, крупный знаток истории зарубежной литературы, не сомневался: «Данте был человек строго религиозный и не пережил тех острых нравственных и умственных колебаний, отражение которых видели в «Convivio» (в «Пире») (7*).

Строго религиозный? Но современную ему церковь, во всяком случае папство, он называл Вавилонской блудницей. Не знал умственных и нравственных колебаний? Но как же упорный и острый спор со священным орлом о веротерпимости; бесконечные сомнения в вопросах правоверия, признание во внутреннем душевном раздоре по этим вопросам. Данте доказывает сам себе устами Беатриче незыблемость прежних истин. В его поэме она тратит много усилий и схоластической учености (как правило – бесплодно), чтобы развеять религиозные заблуждения Данте-героя поэмы (см.: Ч., XVII, 25; Р., XX, 46; XIX, 9; XXIV, 24; XXX, 142 и мн. др.). Тонкая пелена бездоказательных выводов тут и там прорывается чередой упрямых фактов.

Несомненно, сама сюжетная обстановка поэмы может толкнуть к поверхностному ее пониманию: путешествие по загробью, Ад, Чистилище, Рай, муки грешников, речи святых: о чем тут спорить? – религиозная книга. Да и само название не оставляет сомнений: «Божественная комедия». Все ясно: религиозная литература. – Разумеется, это шарж, но, к сожалению, не беспочвенный. Не всякий читатель знает, что свою поэму «Божественной комедией» Данте никогда не называл: он назвал ее просто «Комедия». Слово «божественный», как отмечалось в предисловии, означало бы «превосходный, нечеловечески прекрасный». Такое самохвальство было чуждо Данте. Эпитет «Божественная» появился у «Комедии» в XIV веке и, вероятно, с легкой руки Джованни Боккаччо, который в открывшемся флорентийском университете читал специальный лекционный курс о творчестве Данте.

6* Данте. Пир. I., I, 1. С. 112.

7* Веселовский А. Н. Данте // Новый энциклопедический словарь. СПб. 1913. Т. XV. Кол. 549. Подобного мнения придерживались, да и теперь еще, пожалуй, придерживаются многие. Сам А. Н. Веселовский позднее круто изменил свою точку зрения.

ИЛЛЮЗИЯ И ПРАВДА

Особое место в Раю – песни XV, XVI, да и во всей «Комедии» занимает тема встречи Данте с его прапрадедом, основателем рода Алигьери – Каччагвидой. Это едва ли не самый патетический момент поэмы. Не бог и не святой – в Раю наибольшее волнение и радость поэта вызывает обыкновенный мирянин, флорентиец, живший в XII веке, – прародитель Данте. (Его, без какой-либо на то церковной санкции, в райские кущи ввел великий потомок, тоже человек вполне светский).

Видимо, Каччагвида был выходцем из рядовых горожан, был посвящен в рыцари германским королем Конрадом III, к крестоносному войску которого в Италии он примкнул во времена 2-го крестового похода 1147–1149 гг. Очевидно, Каччагвида был из числа крепких молодых людей простого звания. На это достаточно ясно намекает сам рассказчик-родоначальник:

«О прадедах моих скажу лишь это;

Откуда вышли и как звали их,

Не подобает мне давать ответа» (P., XVI, 43-45).

Вероятнее всего, это были потомки более ранних иммигрантов из соседних сел и кастеллов.

И о чем же повествует Каччагвида как герой поэмы в Раю? Ничего божественного, ничего о райской жизни. Он рассказывает своему великому потомку историю их общего рода – в связи со штрихами набросанной истории родной Флоренции. И это, сугубо земное и гражданское больше всего интересует и восхищает его слушателя. Устами своего далекого предка Данте возносит хвалу Флоренции старых времен:

«Флоренция...

.....

Жила спокойно, мирно и смиренно» (Р., XV, 97-99).

Каччагвида восхваляет старую Флоренцию на дантовский, гражданственный лад. Он видит в ней

«... Прекрасный мирный быт граждан

В гражданственном живущих единеньи» (Р., XV, 130-131).

И, очевидно, его праправнук, автор поэмы, верит в эту идиллию, – нужно же было поэту что-то противопоставить царству лжи и несправедливости его времени. Но иллюзорность благолепного прошлого раскрывается в самом рассказе Каччагвиды. История старой Флоренции оказывается историей подъемов и падений богатых и властных родов, историей их постоянного соперничества и скрытой (а то и открытой) борьбы, историей исчезновения отдельных городков и местечек контадо и даже историей приспособления грандских родов к входящему в силу богатому пополанству, что явно расходится с утверждением, будто Флоренция жила «благоустановно» (Р., XVI, 44-45, 88-93, 100-101, 115-118, 131-132, 136-138, 149).

А иллюзия, оставаясь иллюзией, вместе с тем несла в себе элементы политического идеала самого Данте, идеала, который не ограничивался мечтой о всемирной справедливой монархии, но, как это ни парадоксально, нес в себе и некоторые элементы пополанского коммунального демократизма.

Речь Каччагвиды в Раю – чисто политическая речь. Она чужда душеспасительной дидактики. Рассказчик целиком захвачен историей рода Алигьери и историей родного города со всеми завоеванными у маркграфов Тосканских вольностями и привилегиями, и борьбой между различными родами, их подъемами и упадками, всей сложной политической жизнью во Флоренции XII и, главным образом, XIII веков. Пред нами злободневная политическая речь, охватывающая материал вплоть до событий переворота Черных гвельфов в 1301 году. И автор «Комедии», гордясь рыцарством своего рода, заставляет далекого предка, основателя дворянской династии, говорить пополанским языком XIII-XIV веков и, перечисляя симпатичных ему грандов XII столетия, заключить:

«При них народ господствовал так славно...» (Р., XVI, 151).

Так идеализация прошлого оборачивалась оболочкой отнюдь не ретроградных, а актуальных идей дантовской современности. Идеализация стародавней Флоренции в устах ее гражданина XIV века была формой осуждения и неприятия насущной политической реальности.

Так богаты содержанием эти песни «Комедии», так убедительно они свидетельствуют, что и при описании Рая главные интересы Данте остаются на земле, в его родной Флоренции. Именно эту, земную жизнь поэт хочет показать и понять так, чтобы ее смысл поняли и его читатели – живые люди на живой земле. При всей противоречивости, и Рай выказывает Данте реалистом. И – гражданином.

ПРОБЛЕМА БЕАТРИЧЕ

Нередко представляют, что Беатриче – одна из самых ясных или даже самая «прозрачная» фигура дантовой «Комедии»: прекрасная молодая флорентинка, очаровавшая юного Данте, рано умершая и оплаканная им в его знаменитой «Новой жизни». И, по безусловному убеждению поэта, вознесенная вышними силами в райские кущи. В ее славу писалась «Комедия». Любовь, возникшая на Земле, не гаснет и в небесах: яркими, теплыми, порою обжигающими вспышками человеческой сердечности озаряет она холодные уголки вселенной, изображенной Данте.

Но небесная Беатриче в поэме обогащена софистикой философии Аквината. Беатриче рассуждает «вслед Фоме» (Р., XIV, 6-7). Данте-автор заставляет блаженную Беатриче вести ученые споры с Данте-героем поэмы, стараясь ее устами рассеять сомнения в вопросах религии, высказанные его устами.

К этому должно добавить немаловажный момент: по замыслу поэмы, именно Беатриче по воле небесных сил передает поэту разрешение посетить потусторонние владения бога. Она, как упоминалось, делает это через посредство Вергилия, каковому и поручает водительство живого поэта через Ад.

Но в душе Данте-автора жива любовь к той женщине, которая пленила его в ранней юности, безвременную кончину которой он оплакал в своих стихах и во имя которой он решился создать эту грандиозную поэтическую эпопею. И его Беатриче тоже не может сбросить, вовсе скрыть своей любви к поэту, той, которой он так ждал на земле и которую решил нарисовать в поэме. Отзвуки их взаимного чувства прорываются редко, но они не могут не волновать читателя. Данте – живой и не святой – свои чувства выражает открыто:

Сто сот желаний, жарче чем костер,
Вонзили взгляд мой в очи Беатриче (Ч., XXXI, 118-119).

И далее: Мои глаза так алчно утоляли
Десятилетней (8*) жажды жгучий зной
Что все другие чувства мертвы стали;

Взор здесь и там был огражден стеной
Невнятия, влекомый неуклонно
В былую сеть улыбкой неземной (Ч., XXXII, 1-6).

Беатриче не равнодушна к этим, к ней обращенным порывам искреннего чувства Данте, но ее реакция гораздо сдержаннее: взгляд, улыбка, – но и этого уже много для обожающего ее поэта. Больше же всего она отвечает укоряющей речью, в которой слиты и женская ревность, и осуждение любых мирских (особенно философских) увлечений, и обличение религиозных сомнений Данте, и его отступлений от правоверия.

Новая, небесная Беатриче восхищает Данте-героя поэмы. Он убежден, что она

Гармонией небес осенена (Ч., XXXII, 144).

Но гармония эта оказывается глубоко противоречивой, как и образ Беатриче, созданный автором «Комедии». Данте не замечает, что его Беатриче, укоряя поэта за неверность в его любви к ней после ее смерти, делает это не с небесных высот, а из недр того самого «грешного мира», который она призывает презирать, но от которого, получается, она сама не может полностью оторваться, который продолжает ее волновать. Ясно, что такой мучительно хотел ее видеть Данте.

Вместе с тем на протяжении почти всей «Комедии», особенно во время «полета» в небесные сферы, Беатриче, волей автора, являет другой лик. Она не устает упрекать поэта в религиозных сомнениях, в увлечении рационалистической философией, в недостаточном правоверии, преподает ему своеобразную «азбуку томизма». Так, в XXVIII песни Рая главный герой выслушивает целую лекцию по богословско-схоластической «астрономии» райских небес и «чинов». Любопытно, однако, что Беатриче стремится всю эту догматическую софистику как-то увязать с разумом, так чтобы и разум был «утоляем до конца» (Р., XXVIII, 107-108). Разум допускается догматически, только как подпорка религии. Но без разума дело уже не обходится. Очевидно, так Данте понимает Фому.

Данте-герой поэмы, как правило, не спорит. Он молчит. Но за этим молчанием нельзя не услышать ноты иронии. Например, во время катастрофических метаморфоз священной колесницы. Пассивное наблюдение Беатриче за тяжкими испытаниями и дьявольским извращением колесницы церкви и полная пассивность самого Грифона (Христа) во время этих пертурбаций выглядят, по крайней мере, странно.

Более того, Беатриче и сама активно включается в критику современной церкви, по крайней мере низовой, приходской, ее проповедников, да и умонастроения прихожан:

«Теперь в церквах лишь на остроты падки

Да на ужимки; если громок смех,

То куколь пыжится, и все в порядке» (Р., XXIX, 115-118).

.....

«А стадо глупых с пастбища бредет,

Насытись ветром...» (Р., XXIX, 106-107).

Но еще более значительные слова вложил Данте в уста возлюбленной и одновременно оппонентки его героя:

«Затем, что силой воли не задуть,

Она, как пламя, борется упорно,

Хотя б его сто раз насильно гнуть».

Пусть потом он сам же устами Беатриче пытается схоластически ограничить смысл этих слов, – они остаются великолепной, смелой декларацией свободы человеческой воли в мире, якобы подвластном сверхчеловеческим силам. Более того, Беатриче, эта поборница богопочитания и страха божьего, бросает в мир неслыханно смелый и дерзкий вызов:

«Бояться должно лишь того, в чем вред

Для ближнего таится сокровенный;

Иного, что страшило бы, и нет» (А., II, 88-90).

Неслыханная, гуманистическая ересь! Это ведь получается, что и страха божьего не существует, быть не должно. Есть только человек, и только о нем, о его безопасности, его достоинстве, о его благе должна быть забота. Устами «божественной» Беатриче Данте выразил свою человечность.

И – однако... Попытаемся рассмотреть вышесказанное ближе, конкретнее. Вот, например, Данте ищет объяснения нравственного несовершенства земной жизни людей – распространения зависти. Его героя не убеждают заверения Вергилия, что спасение от зависти – только в любви к богу, в которой будто бы «мое» превращается в «наше».

Теперь я даже меньше утолен, –

Ответил я ему, – чем был сначала,

И большими сомненьями смущен (Ч., XV, 58-60).

На что Данте-автор отвечает устами Вергилия:

«... Ты снова дал уму

Отвлечься в сторону земного дела...» (Ч., X, 64-65).

И излагает еще ряд богословских софизмов. Но, видимо, и сам не очень верит в убедительность этих «доводов»:

«Когда моим ответом ты не сыт,

То Беатриче все твои сомненья,

И эти, и другие, утолит» (Ч., XV, 76-78).

Данте-герой поэмы не возражает, но никак не выказывает своего согласия.

Еще один момент: устами Беатриче автор поэмы высоко оценивает свои творческие стремления периода создания «Новой жизни» и их реализацию в «Комедии». Однако при этом его героиня оговаривает: это осуществилось не только благодаря его таланту, чему причастна природа, в частности – «расположение звезд», «Но милостью божественных щедрот» (Ч., XXX, 112).

И, главное, – далее: после смерти Беатриче герой поэмы, по ее словам, увлекся философией, светскими (ложными) науками, а к ней охладел.

«Он устремил шаги дурной стезей.

К обманным благам, ложным изначала.

Чьи обещанья – лишь посул пустой» (Ч., XXX, 130-132).

Речь, очевидно, идет о тех занятиях философией, в которые погрузился реальный Данте после смерти Беатриче в стремлении искать истины на путях рационального мышления. С этого «ложного» пути Беатриче пыталась увести его Данте-героя «в снах и наяву», «чтобы ты от всех сомнений был свободен» (Р., VII, 121). Но безуспешно. Тогда она решилась на крайнее:

«Так глубока была его беда,

Что дать ему спасенье можно было

Лишь зрелищем погибших навсегда» (Ч., XXX, 136-138).

Очевидно, по мысли Беатриче, путешествие по Аду должно было утратить Данте и вернуть его на путь смиренной богопослушности, нерассуждающей веры, Но требуемого раскаяния, облитого слезами (Ч., XXX, 145), отречения от велений разума благочестивые (хотя и очень противоречивые) наставники от поэта так и не добились.

Как убедительно показала «Комедия», путешествие по загробью привело ее главного героя к противоположным выводам. Он ненавидит зло и несправедливость и одобряет их наказание, но он не может мириться с отвратительным, унижающим калечением человеческого тела, не может примириться с жестокими наказаниями свободной и чистой любви, с безжалостным преследованием инаковерия и инакомыслия, смелого, неустрашимого порыва к познанию. Он презирает тех, кто «меж добром и злом», кто в своем послушном небокопительстве не проявил своей воли и не оставил благодарной памяти у потомков. Он прославляет бесстрашных искателей знаний, новых открытий. Он отвергает слепой страх (страх божий) и славит могущество человеческого разума и человеческой воли. Данте-автор сумел убедить себя в правильности такой позиции.

Противоречивость, пронизывающая «Комедию» Данте, быть может, ярче всего проявляется в сложной фигуре Беатриче. На протяжении II и III кантик она только и делает, что «перевоспитывает» бесстрашного и своемысленного поэта, и она же, особенно в I кантике, хотя отнюдь не только там, провозглашает свободомысленные и своевольные идеи: бояться нужно только того, что может принести вред другому; «иного, что страшило бы, – и нет».

Значит, повторимся, страха божьего нет, не должно существовать. Так осталось ли место для самого бога? Отдавал ли себе Данте отчет в том, что устами Беатриче он высказал, в сущности, атеистическую мысль? И даже если на минуту оставить общемировоззренческий аспект и попытаться ограничиться этическим: никакой внешней понуждающей силы нет – есть только человек и человечество и – отношения между людьми. Какая глубокая, какая смелая, какая гуманистическая мысль! Устами Беатриче ее впервые высказал Данте – и заложил первый камень фундамента будущей великой гуманистической идеологии.

В образе Беатриче особенно ярко проявилась способность Данте насыщать своих героев противоречивым духом эпохи. При этом дантовские, передовые, раскрепощающие душу мысли высказываются устами оппонентов Данте-героя поэмы.

Потом, в полпути на небеса, споря с «заблудшим» поэтом, он устами Беатриче будет вносить «поправки и уточнения» в эту формулу и ограничивать свободу человеческой воли ее согласованностью с волей божества, но это не может заслонить глубокой правды ее первоначальной, гуманистической декларации. Объективно ее декларация воли звучит как героический вызов ввергнутых в огонь и камень героев-богоборцев дантовского Ада – Одиссея, Капанея, Фаринаты.

Но и позже, при всех оговорках, Данте через Беатриче продолжает прославлять волю человека, утверждая, что даже страх не должен побуждать волю склониться перед насилием, иначе, смирившись с ним, она (воля) сама становится пособницей насилия, сливается с ним (Р., IV, 73-80, 100-111):

«А если в чем-либо она (воля) покорна,
То вторит силе» (Р., IV, 79-80).

И хотя по сюжету Беатриче ведет речь о твердости благочестивых побуждений воли, самый принцип безусловной покорности человеческой воли велениям божества и непротivления злу, присущий религиозной этике, – отвергается.

Беатриче и позднее выступает у Данте горячей поборницей свободы воли человека, объявляя ее излюбленным даром бога:

«Превысший дар создателя вселенной,
Его щедроте больше всех сродни
И для него же самый драгоценный, –

Свобода воли...» (Р., V, 19-22).

При этом Данте заставляет Беатриче начисто забыть, что, согласно Библии, именно проявление перволюдьми своей воли, несогласной с волей бога, явилось причиной изгнания людей из Рая и вечного проклятия рода человеческого.

Данте отдал свою возлюбленную небесам. Но он отдал ее не всю.

Она осталась и дантовской и порой говорит языком Данте-гуманиста. Здесь очень важно уловить (как, впрочем, в «Комедии» в целом) соотношение текста и подтекста. Становится ясным, что Беатриче, как защитник правоверия, как оппонент определенного скептицизма и вольномыслия, необходима поэту: 1) как наиболее удобный способ для выражения его глубоких религиозных сомнений; 2) как средство вуалирования этих сомнений, для создания впечатления, что он не хочет отступать от правоверия или готов вернуться к нему.

Не забудем, что Беатриче – любимый образ творца «Комедии». Данте не мог не внести в него того, что больше всего его волновало: и новые, смелые, гуманистически направленные нравственные порывы, и помыслы, и свои нараставшие сомнения в отношении религии, церкви, политики, и, с другой стороны, богословские контр-идеи, которые окружали его со всех сторон, и в спорах, в борьбе с которыми поэт отстаивал главное, ранне-гуманистическое направление своего мировоззрения. Отсюда и яркость, привлекательность и поразительная противоречивость образа святой флорентинки.

Именно в ее санктификации, совершенной исключительно волей поэта, и коренится, в первую очередь, эта нераздельная противоречивость, если угодно – двойственность Беатриче. Данте вознес ее на небо – и потому неизбежно произвел глубокую метаморфозу в образе очаровательной молодой горожанки. Ее земная красота, доброта, достоинство, обаятельность – вроде бы, сохранились. И вместе с тем в Чистилище, в Земном раю, и особенно в Раю небесном, в образе Беатриче верх берут ученая холодность, правоверная назидательность; томистская теология вытесняет живое чувство любви к миру, к природе, женское обаяние.

8* Имеется в виду десятилетие со дня смерти Беатриче.

КРУШЕНИЕ СВЯЩЕННОЙ КОЛЕСНИЦЫ

Беспокойная, ищущая мысль великого флорентийца обращены к Земле, к живым людям, но он еще не в состоянии предметно представить себе на Земле идеального – суверенного, свободного, достойного, нравственного человека. Он хочет перенести этот идеал на небо, но в представляемом им чопорно-холодном Эмпирее он никак не может раскрыть человеческое совершенство своей героини.

Отстаивая католическое правоверие, его Беатриче решительно выступает против каких-либо новых идейных исканий, против свободомыслия:

«О христиане, полно торопиться,

Лететь, как перья, всем ветрам вослед!

Не думайте любой водой омыться!

У вас есть Ветхий, Новый есть завет,
И пастырь церкви вас всегда наставит;
Вот путь спасенья, и другого нет» (Р., V, 73-78).

Все очень просто. Но уже сказано:

Ваш пастырь жвачку-то жует,
Да не раздвоены его копыта (9*).

То есть истины от папы не жди. А относительно «другого» пути спасения Данте еще в Раю поспорит со священным орлом о «человеке, что родился над берегом Инда».

Но и Беатриче негодует по поводу наличного состояния церкви. Данте заставляет ее зло смеяться над современниками – невежественными приходскими священниками. Под видом проповедей они несут с амвона несусветную чушь, лишь бы позабавить прихожан и побольше их привлечь в храм:

«Куколь пыжится», и прихожане довольны.

Данте через Беатриче не боится подвергнуть уничтожающей критике самое папство начала XIV века. В символической картине позорного падения и извращения «священной колесницы» церкви, изображенной в XXXII песни Чистилища, Беатриче свидетельствует полное перерождение католической церкви, вступившей в союз с дьяволом и отдавшей власть «могучего гиганта» – французского короля. Не боясь повторять слова еретиков, Данте вкладывает в уста Беатриче утверждение, что утопающая в роскоши церковь превратилась в Вавилонскую блудницу. Более того, Беатриче требует от Данте запечатлеть позор в поэме, чтобы это стало ясно всем людям:

«Для пользы мира, где добро гонимо,
Смотри на колесницу и потом
Все опиши, что взору было зримо» (Ч., XXXII, 101-103).

Заметим, что действие происходит почти на пороге Рая небесного. Здесь Беатриче выступает как истинный рупор смелой, граничащей с ересью критики опозоренного папства.

В этой символической сцене, как отчасти было отмечено, читателю остается непонятной полная пассивность «коня», везущего колесницу (Христос). Быть может, Данте хотел сказать, что все дело Христово подверглось извращению или что сами силы небесные равнодушны, а может, бессильны исправить извратившуюся церковь и исцелить страждущее человечество?

Так или иначе, позорная несостоятельность католической церкви в этой фантастической сцене показана с предельной откровенностью. Нужно искать какое-то другое спасение, другой выход для человечества. Нужны радикальные перемены. В поисках выхода автор поэмы заставляет Беатриче приходить к тем же пророчествам и идеалам, что были выдвинуты Иоахимом Флорским (и подхвачены великим поэтом). Именно Беатриче, все еще мягкой и светлой, дал Данте возможность выразить эти идеи с наибольшей четкостью.

Беатриче уверенно разъясняет своему другу, что очень скоро (в пределах жизни живущих поколений)

«Так хлынет светом горняя страна,

Что вихрь, уже давно предвозвещенный,

Носы туда, где кормы, повернет,

Помчав суда дорогой неуклонной;

И за цветком поспеет добрый плод» (Р., XXVII, 144-148).

Здесь, в полном согласии с хилиастическим учением Иоахима, Данте устами Беатриче выражает веру в близкое наступление вселенского переворота, который должен коренным образом изменить земные порядки в лучшую. «правильную» сторону, когда, наконец, люди получают возможность наслаждаться не только «прелестью листьев» (религиозных обетований), но и «сладостью плодов», т. е. когда эти обетования реализуются в полноценные блага, доступные всем.

Выслушав эту многозначительную тираду Беатриче, Данте-герой поэмы не менее многозначительно резюмирует: блаженная «правду вскрыла мне» (Р., XXVIII, 2). Единомыслие поэта и его блаженной наставницы в оценке иоахимитского идеала не подлежит сомнению. Ясно, что оно впитало единомыслие автора поэмы.

9* Согласно Библии, «чистыми» признаются только парнокопытные животные, остальные – «нечистые».

АПОФЕОЗ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, ИЛИ ВЫЗОВ, БРОШЕННЫЙ ЕМУ В ЛИЦО?

«Комедия». Данте настолько сложна и противоречива, что задача ее аналитического определения нередко сбивает с толку исследователей. Скажем, в одной из ранних статей уже названный выше А. Н. Веселовский назвал «Комедию» Данте «поэтической энциклопедией средневекового мирозерцания», но позднее пришел к совершенно иному выводу: «Такое объективное создание, какова комедия Данте, возможно только на развалинах прошлого, с которым сознание уже порешило» (10*).

Действительно, идейные и нравственные принципы Данте решительно расходятся с принципами, одобряемыми церковью. Он не скрывает своих симпатий к «еретикам» авероистам; восхищается героизмом эпикурейца Фаринаты, которого изображает презирающим самый ад; он с уважением упоминает мифологического Капанея, открытого богоборца; он всей душой сочувствует Франческе да Римини, караемой за чистую, но «беззаконную» ее любовь; он обоснованно героизирует Улисса, пламенного поборника знания, вопреки божественным запретам зовущего людей к новым открытиям; прославляет языческих античных, а также мусульманских поэтов, ученых, доблестных воинов; прославляет «еретиков» – Сигера Брабантского, Иоахима Флорского, отстаивает принципы веротерпимости, чуждой Средневековью.

Объективный анализ «Комедии» Данте убеждает: нет, это не апофеоз Средневековья и не поэтическая энциклопедия средневекового мирозерцания, а начало нравственной и политической критики, начало отрицания несправедливого, жестокого Средневековья с его постоянно воюющими тиранами и его идеалами аскетизма, богобоязни и покорной пассивности.

Эта критика была призвана разбудить современников. Устами Вергилия Данте провозглашает, требует:

«Ленивых надобно будить, а сами

Они не расшевелиятся никак» (Ч., XV, 137-138).

Данте спустился в царство умерших, – для того чтобы разбудить живых. Поэт отправил себя в потусторонние царства не из любопытства и не потому, что хотел бежать от мира, а, напротив, потому, что оттуда, из заповедья, было лучше увидеть, легче понять и показать людям всю кривду мира реального – его социальную и политическую несправедливость, его моральную уродливость. Парадоксально, но факт: двигаясь потусторонней дорогой,

Данте сумел невиданно ярко осветить действительность своего времени. В средневековой оболочке видения рождался неслыханно смелый реализм.

Зачем Данте писал поэму? В самой поэме об этом сказано достаточно ясно. В Раю, на восьмом небе, апостол Петр, произнеся негодующую филиппику против современного папства, завершает ее прямым призывом к поэту:

«И ты, мой сын, сойдя к земной судьбе,

Под смертным грузом, смелыми устами

Скажи о том, что я сказал тебе» (Р., XVII, 64-66).

Очевидно, и самый Рай, и самый бог не в силах справиться с ожиревшим и закусившим удила папством. – Требуется поддержка со стороны людей!

Чего искал Данте в загробье? Не ужасов. Собственно пытки и муки, стенания и вопли истязаемых грешников почти не показаны. И даже идущие в огне и под огненным дождем в его поэме люди рассказывают о себе, о своих грехах, чего, наверное, не сделали бы на земле, спрашивают поэта о делах на родине. Спорят и судят по вопросам политическим и нравственным. И им это доставляет наибольший интерес, а тем более – автору и читателям. Особенно привлекает свобода признаний и отношений – ведь они уже осуждены. Здесь можно говорить открыто почти все, что хочешь, чего, наверно, ни за что не сказал бы на земле. Данте избрал загробье как наиболее подходящее место для откровенного разговора о жизни, о действительности, о мечтах (да, и о мечтах!) этих людей.

Данте однажды называет свое произведение «священной поэмой» (*lo sacrate poema*) (Р., XXIII, 62), и сакральных сюжетов и моментов в нем немало. Но все это путешествие по потусторонним владениям бога наполнено постоянными помышлениями и рассуждениями о земле, о людях, о человеческой любви, о несправедливости земных порядков, о гнилости церкви, о путях оздоровления жизни человечества. И так – от первых строк «Ада» до последних строк «Рая». Данте верил в жизнь и возможность на Земле жизни разумной и счастливой.

Смысл дантова путешествия по загробью – не в том, чтобы душеспасительно запугать людей адскими муками и терзаниями, а в том, чтобы показать людям на Земле все политическое и нравственное непотребство их реальной жизни и призвать их к жизни разумной, активной, целеустремленной – истинно человеческой. Такую задачу мог поставить (и выполнить!) только гуманистически мыслящий поэт. За мистической фразеологией в «Комедии» Данте прорывается почти не скрываемый протест и призыв. Только поняв это, мы поймем парадоксальное: автор «Божественной комедии» был любимым поэтом Карла Маркса. Почти всю «Комедию» Маркс знал наизусть и порой, когда собирались друзья, читал целые «песни» из творения Данте. Что привлекало

пламенного революционера к «Божественной комедии», как в те времена было принято называть поэму Данте? Надо думать, непримиримость к общественному злу, обличение царящей несправедливости, папства и – непреклонность воли поэта, звавшего людей вперед, к лучшей, человеческой жизни.

10* Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л., 1939. С. 537.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ПРАВСТВЕННОСТИ

Основу средневековой этики составляли три богословских высших добродетели: вера, надежда, любовь. Из этой основы выводились требования: смирение, покорность, долготерпение, любовь к богу и, следовательно, богопослушание – иными словами, послушание церковным и светским властям, представляющим бога на земле.

В начале XIII века под давлением жизни – роста городов, бурного развития ремесла и торговли и не без влияния «новооткрытой» античной культуры в литературу и в жизнь начинают пробиваться, а затем и закрепляться представления о «естественных», или, как вскоре их стали называть, «основных» добродетелях. В соответствии с античной традицией, основных, светских добродетелей четыре: мудрость, справедливость, мужество и умеренность. Четыре «естественных» добродетели не отменяют трех «богословских», но постепенно вынуждают их потесниться.

В небе Данте четыре «естественные» добродетели сияют как лучезарные звезды.

И он пленился четырьмя звездами,

Чей отсвет первых озарял людей.

Казалось, твердь ликует их огнями (Ч., I, 23-25).

Эти стихи могут быть поняты так: Данте был убежден, что «естественные» добродетели были созданы одновременно с первыми людьми и ими присвоены, и лишь позднее (после «первородного греха»(?)) были придуманы и введены в обязанности людей «богословские добродетели».

Данте увидел эти четыре звезды в южном полушарии неба. И с горечью отмечает:

О северная сирая страна,

Где их сверканье не горит над нами (Ч., I, 26-27).

Несомненно, имеется в виду Италия, где, по убеждению поэта, остро недостает этих «основных» добродетелей-доблестей. И в потустороннем мире главные помышления поэта – о земле, о родине. Поэт-гуманист жаждет развития «естественных» добродетелей в родной стране.

Данте, повторим, очевидно, был убежден, что «основные», естественные добродетели возникли раньше «высших» и что под влиянием этих «звезд» воспитывались лучшие люди Античности. В Чистилище в роли стража – тень Катона Утического, бесстрашного защитника римской рес-публики. У Данте он – благообразный старец, исполненный достоинства и благородства.

И некий старец мне предстал пред очи,
Исполненный почтенности такой,
Какой для сына полон облик отчий (Ч., I, 31-33).

Источник его благородства – обладание четырьмя основными, естественными добродетелями-доблестями:

Его лицо так ярко украшалось
Священным светом четырех светил,
Что это блещет солнце – мне казалось (там же, 37-39).

Вопреки средневековой традиции, первейшие, естественные доблести объявляются священными. И здесь – ростки гуманизма. Кстати, о трех «богословских» добродетелях такого не говорится.

Правда, затем Данте восхищается трехзвездьем «высших» добродетелей (вера, надежда, любовь) и принимает объяснение Вергилия:

«... Те, что ты видел до рассвета,
Склонились, все четыре, в должный срок;
На смену им взошло трехзвездье это» (Ч., VIII, 88-93).

Но в описании выезда христианской священной колесницы Данте сводит тех и других вместе: у правого колеса плясали «три женщины» – три богословские добродетели, у левого – четыре женщины – четыре «естественных» светских доблести (см.: Ч., XXIX, 121-139). А в XXI песни Чистилища Данте-герой поэмы снова попадает в блаженный хоровод четырех

красавиц – нимф и звезд одновременно, т. е. опятьтаки – в круг прекрасных «естественных» доблестей (Ч., XX1, 103-111).

И, хотя они говорят поэту, что он будет в кругу «тех трех, чей взор острее направлен», несомненно, Данте-автор хочет, оставаясь в рамках католической догматики, сблизить, примирить тех и других – богословские и светские добродетели. Душою, мыслью, новой нравственной ориентацией – он всецело в мире четырех благородных естественных, человеческих доблестей.

Он заставляет современников признать реальность и жизненность новой, светской этики. Правда, при этом Данте хвалит и «богословские» добродетели. Читателю оставалось думать и оценивать. Читательской мысли было от чего оттолкнуться. Напомним, что, обрисовывая того «Пса» (человека, разумеется), который справится с отвратительной волчицей жадности богатства (А., I, 104), Данте, как необходимыми условиями, наделяет его тремя высшими достоинствами человека: честью, любовью и мудростью.

Факты убеждают: если новая, светская, т. е., в сущности, гуманистическая, нравственность начала ступать твердой ногой и требовала места и свободы на земле самой первой страны европейского развитого Средневековья, значит она уже родилась и, отстаивая свои принципы в борьбе, явится одной из важнейших идейных опор приближавшегося Возрождения.

Данте заложил основу еще одной важной позиции гуманистической этики. Речь идет о соотношении и социальной ценности – с одной стороны, созерцательности, с другой – деятельности. Заснув в Чистилище, Данте-герой поэмы видит сон: юная и прекрасная Лия на лугу собирает цветы и плетет венок. Ее сестра Рахиль целыми днями глядится в зеркало. Лия поясняет:

«Ей красота ее очей мила,

Как мне сплетенный мной убор цветочный.

Ей любо созерцанье, мне – дела» (Ч. XXVII, 106-108).

Налицо несомненный спор с нравственными принципами религии. Ветхозаветная легенда ставила благочестиво-созерцательную Рахиль неизмеримо выше легкомысленно деятельной Лии. Эту же идею превосходства религиозного созерцания над практически-человеческой, хотя и благодетельной, деятельностью – воплотила новозаветная притча о Марфе, хлопотливо-заботливой, чтобы накормить и напоить усталого гостя – Христа, и о пассивно созерцательной Марии, которая только сидит у ног Иисуса и созерцает его, – где и рассказчик, и, главное, сам Христос на стороне Марии. Данте порывает с этой традицией, как через два столетия порвет с ней Микеланджело в скульптурном обрамлении своего

«Моисея»: астеничной, созерцательной, исступленно-молитвенной Рахили противопоставлена полнокровная, раскованная, как сама природа, Лия.

Против религиозно-созерцательной нравственности Данте выдвинул новый этический идеал – человека, творящего красоту.

Но творчество требует творца – суверенной личности, стойкой в своих убеждениях, не боящейся свободно мыслить. Надо сметь и уметь выработать в себе эти качества. А ведь страха на пути немало. Это ясно показывает «Комедия». В самом начале задуманного «потустороннего» путешествия страх не раз закрадывается в душу ее главного героя. Его упрекает Вергилий:

«Зачем постыдной робостью смущен?

Зачем не светел смелою гордыней?» (А., II, 122-123).

Церковью гордыня считалась грехом. Но творец, который не боится поднять пласты, давно заросшие травой, под которой золото, который может убедительно ответить на коренной вопрос – почему? и умеет доказать новизну открытого, – такой имеет право гордиться тем, что сделано, что добыто.

В Аду Данте предостерегает себя устами Брунето Латини, что его творчество может вызвать злобу, оскорбления. На что устами Данте-героя по-эмы отвечает себе:

..... Лишь бы не корила

Мне душу совесть, я в сужденный миг

Готов на все, что предрекли светила (А., XV, 91-93).

Не страх божий, не грозящие адские кары определяют поведение нового человека, а новая, совсем не каноническая сила – высокотребовательная совесть суверенной, высоконравственной личности. Данте, подчиняясь только велениям своей совести, не отступит в своей поэме от правды, какая бы судьба его ни ждала. Для религии нравственный человек тот, кто подчиняется всем каноническим правилам и покорен богу. Для Данте нравственность человека определяется неотступным служением правде и высокими требованиями к самому себе, диктуемыми выработанной в душе неподкупной совестью. Это коренные основы начинавшей складываться новой – гуманистической этики.

ЭЛЛИНИЗАЦИЯ ХРИСТИАНСТВА

Дантов Ад полон тех же (или чуть внешне измененных) чудищ, какие пугали, терзали и мучили грешников языческого Аида. Уже у входа на христианских грешников набрасывается свирепый трехглавый Цербер (А., VI, 13-21). Дьяволов, чертей здесь нет – их злобные функции выполняют античные кентавры и иные мифологические чудища. Древнегреческое чудовище Герион, якобы некогда царившее на каком-то острове за Океаном и затем убитое Гераклом, – тоже тут. Данте превратил его в отвратительное морское чудовище, которое обслуживает седьмой круг Ада (А., XVII, 1-27). К тому, что уже было сказано на этот счет, можно добавить что свирепым стражем адского Стигийского болота выступает древнегреческий мифический персонаж – царь лапифов Флегий (А., VIII, 19-24). В действие вводится греческая мифическая волшебница Эрихто (А., IX, 23).

Новоприбывших грешников в Аду судит и определяет норму наказания Минос – мифический царь древнего Крита. На страже четвертого круга Ада свирепым стражем поставлен древнегреческий бог Подземного царства – а потому и богатства – Плутос (Плутон) (А., VI, 115; VII, 1-15). В Аду казнится и мифический Ясон – за обман обольщенных им женщин. Тут же и распутница Фаида из комедии Теренция «Евнух».

Никакого противопоставления. Данте намеренно перемешал и соединил древнегреческую мифологию и древнеримскую литературу: вымысел есть вымысел. Все «начальство» дантовского Ада мифологично. Царит древнеэллинская мифология. Часть наказуемых – оттуда же. Подключение сюда «героинь» из римской литературы должно было помочь читателю ясно почувствовать всю несерьезность «потустороннего мира», начиная с древних его корней.

Но древний Аид – это не объект для посмеяния. Древнеэллинское наследие живо для Данте. И мифология для него жива. В Чистилище (XXI, 50-51), в Раю (XII, 10-12) Данте называет появившуюся радугу творением Ириды, посланницы Юноны. В Земном раю, встретив четырех нимф – «естественных добродетелей», Данте называет их богинями (dee) (Ч., XXXII, 8).

Душа поэта полна глубочайшего уважения (быть может, следовало бы сказать – обожания) к античной (языческой!) культуре, разумеется, прежде всего – к литературе, поэзии. И как его герой счастлив, когда автор поэмы, своею властью избавив от адских мук «великие тени», возглавляемые Гором, приобщает его к «их собору».

«И стал шестым среди столького ума» (А., IV, 101-102).

Так начинался великий союз новой, ранне-гуманистической литературы со своей античной предшественницей. Эта далекая предшественница не была христианской, не знала многого того, что принесут и что отбросят Средние века, но она уже в высокой степени обладала человечностью, и потому рождавшаяся новая литература жадно протягивала руки к античной, к тому, что было, казалось бы, давно ушедшим прошлым.

В поэме Данте образы Земного рая (Ч., XXVIII) постоянно переплетаются с образами античной мифологии. Порою Данте называет христианский Рай «высоким Олимпом». Христианского бога Данте иногда называет Гелиос (Р., XIV, 96), Солнце (Р., XV, 76-78).

Приступая к III кантике – к Раю, где должен быть показан апофеоз христианской религии, Данте ищет духовной поддержки и вдохновения не у христианского бога, не у Христа, не у святых, а у языческого бога Аполлона и от него ждет награды – лаврового венца:

О Аполлон, последний труд свершая,
Да буду я твоих исполнен сил,
Как ты велишь, любимый лавр вверяя.

Войди мне в грудь, и вей, чтоб песнь звенела (Р., I, 13-15, 19).

Аполлона Данте призывает:

О вышний дух, когда б ты мне помог
Так, чтобы тень державы осиянной
Явить в мозгу я впечатленной мог (Р., I, 22-24).

Языческий бог должен помочь христианскому поэту наиболее ярко и выразительно изобразить христианский рай! От того же языческого бога христианский поэт просит и лаврового венца (Р., I, 25-27).

В своем небесном путешествии к Эмпирею Данте залюбовался красотой планеты Юпитера и блаженством обитающих на этой планете душ. Он хочет изобразить это поразительное зрелище. Но опять обращается не к богу и не к святым, а к Пегасее – музе Аполлонова гнезда:

Ты, Пегасея, что даришь умом

.....

Пролей мне свет.....

Дай мощь твою коротким этим строкам! (Р., XVIII, 82-87).

Чем все это объяснить? Видимо, средневековая поэзия, и чем дальше, тем больше, выходила из-под прямого влияния церкви («Песнь о Роланде», куртуазная поэзия, поэзия сладостного нового стиля). Поэты все чаще обращались к античной поэзии и к античной мифологии. И эта тенденция дает очень ясно себя почувствовать в «Комедии». В лесу голых деревьев, из ломких сучьев которых при надломе сочится кровь (лес самоубийц), в голос одного из них Данте вложил слова:

«Мой город – тот, где ради Иоанна

Забит былой заступник; потому

Его искусство мстит нам постоянно» (А., XIII, 143-145).

(Покровителем античной Флоренции считался бог войны Марс; с победой христианства его сменил Иоанн Креститель).

Примечательно, что в дантовом Раю прославление учений и деяний церковных святителей то и дело перемежается с примерами из библейской и церковной истории и мифологии со сходными моментами истории и мифологии античной (11*).

Продолжая традицию средневековой церкви, но осторожно придавая ей скептический поворот, Данте в своем Аду расширяет и обновляет круг мучимых, и особенно круг мучителей, за счет персонажей античной истории, в частности мифологии.

Попробуем подвести некоторые итоги. Прежде всего отметим возрастающий интерес не только к античной мифологии, но и к ее светской культуре. Для церкви это был интерес вполне односторонний: расширялся круг грешников, подлежащих наказанию, расширялся круг караемых в Аду и там же – круг карателей. Язычество по-прежнему осуждалось, но политеизм уже не представлял сколько-нибудь значительной политической или идеологической угрозы. Нежелательной для церкви, угрозой для правоверия оставалась только светская по преимуществу ориентация античной литературы, и именно это повышало интерес к ней в обществе.

Но нельзя не видеть и другого, противоположного процесса: своеобразного сближения, смешения двух религий, – нет, не в догматике и не в историческом обосновании, разумеется, а в осуждении и наказании своемыслия и богонепослушания. В христианском Аду, как рассказывает Данте, жестоким карам подвергаются Улисс и Диомед – за то, что они много способствовали падению и разрушению Трои, из которой, как считалось, вышли предки римлян; за гибель Ахилла и за похищение этими хитрецами-данайцами большой статуи Афины-Паллады, которая-де охраняла Трою (А., XXVI, 55-63).

Таким образом, христианский бог и его суд ставятся в один ряд с античными, языческими. Они почти однозначны: христианский суд защищает языческие святыни. Только один пример: в Чистилище Гуго Капет, первый король средневековой Франции, каясь в преступной политике французских королей, оплакивает также преступления мифологических и исторических властителей – как античных, языческих, так и библейских (Ч., XX, 103-117). Зло не имеет вероисповедания. Само по себе вероисповедание не избавляет от зла.

Это для Данте было несомненно. Он показал почти непосредственную преемственность от одной религии к другой божьего гнева и божьих приговоров. Очевидно, Данте не видел принципиальной разницы между божествами двух враждующих религий, да и в их отношении к людям (см.: А., XXVI, 52-142).

11* См.: Рай, I, 10-36, 67-69; II, 7-9, 16-21; 17, 22-24, 40-63, 82-87, 103-108; V, 64-72; VI, 1-3, 31-93; VIII, 1-9, 124-132; IX, 97-102; X, 64-69; XI, 64-69; XII, 10-12; XIV, 96; XV, 25-30, 124-129; XVII, 1-3, 46-47; XVIII, 82-87; XXI, 5-6, 25-27; XXII, 139-144; XXVII, 61-63; XXX, 125; XXXIII, 65-66, 96.

ПРОБЛЕМА ФОРТУНЫ

В гуманистической литературе термин «фортуна», «судьба» употребляется очень часто; смеем утверждать, что широко ввел его в круг понятий Данте. Он же пытается дать этому термину более четкое и мотивированное определение: «Власть на земле отдана фортуне, как в других областях правят другие боги». В свете могучего влияния на Данте античной поэзии эту формулу понять нетрудно. Но в христианской религии множественность богов? и распределение между ними различных областей управления? – но называть фортуна «богиней», подобно другим богам, властвующей над своей областью, – тут уж известное восприятие элементов политеизма несомненно. Хотя он носит скорее художественный, чем религиозный характер.

Однако отсюда возникает надежда на фортуна. Но ведь тем умаляется сила и значение Провидения, сокращается сфера его всемогущества, всевластия божества.

Естественно, что для церковной морали, исходившей из того, что

«Небесный промысл, правящий землей

С премудростью...» (Р., XI, 28-29),

допущение существования фортуны и борьбы людей с нею означало нарушение принципа провиденциализма, т. е. абсолютной власти божественного провидения. Но фортуна и борьба с нею врывались в жизнь, и церкви приходилось с этим считаться.

Вместе с тем и для антропоцентризма допущение существования фортуны, которой в известной степени подчинена личность и с которой личность обязана бороться, тоже содержало в себе некую уступку религиозной нравственности. Ведь вера в судьбу не снимает возможности и необходимости бороться с нею же самой, – человек должен стать сильнее своей судьбы. Это путь к признанию человеческой жизненной силы и человеческой целеустремленной веры, творческой деятельности. Этим путем пойдет гуманизм.

Но у рассматриваемой проблемы есть и обратная сторона. Церковь немало выступала против независимой от бога судьбы-фортуны. Но она же, и чем дальше, тем больше, допускала и признавала реальность и деятельность фортуны. Ведь это позволяло снять с Провидения большую часть (если не целиком) ответственности за царящую в мире несправедливость.

Признавая реальность фортуны, гуманизм тоже вступал в противоречие с его основополагающим принципом антропоцентризма: человек – суверенная личность, непрерывным творческим трудом, борьбой с препонами фортуны, обстоятельствами, непрерывно работая над самосовершенствованием, должен сам максимально приблизиться к идеалу человека высокой совести и такого творчества, которое будет служить духовному возвышению потомков и которого они никогда не забудут.

Для антропоцентризма допущение существования фортуны и потребности борьбы с нею тоже содержало в себе, казалось бы, уступки спиритуализму, но исторически служило ступенью к наступлению на него, поскольку, обосновывая обязанность и возможность победы человека над фортуной, вело к полному торжеству ренессансного гуманизма.

ПРОТИВ ЖАЖДЫ БОГАТСТВА

В поисках путей исправления человеческого общества, в поисках устранения общественного зла Данте не возводит глаза к небу, он пристально вглядывается в жизнь людей и приходит к выводу, что одно из важнейших зол, которое ее портит и губит, – жадность, жажда богатства. Некоторые историки-ренессансисты видят в этом ограниченность Данте, отразившего будто бы страх средневекового городского мелкого товаропроизводителя перед рождавшимся и наступавшим капиталом. Наверное, данные процессы не ускользали от внимания и Данте, но взгляд его был несравненно шире:

Будь проклята волчица древних лет,

В чьем ненасытном голоде все тонет

И яростней которой зверя нет! (Ч., XX, 10-12).

Никакого протеста против новых форм собственности. Никакой защиты, никакой идеализации старины. Жадность богатства с древних лет пожирает общество. Феодальная жадность – на земли, замки и самовластье – вот источник зависти, вражды, раздоров и войн.

Перед нами, по сути дела, новое для того времени понимание зла: не как чисто морального порока или недостатка добра в том или ином человеке, а как прямого следствия богатства и жажды еще большего богатства. Зло коренится в корыстных, материальных интересах.

Данте убежден, что жадность пожирает человека:

О жадность! Не способен ни единый

Из тех, кого ты держишь, поглотив,

Поднять зеницы над твоей пучиной! (Р., XXVII, 121-123).

Жадность, страсть к богатству сдает и духовных пастырей, и самое папство. В Чистилище, среди наказуемых за жадность, Данте встречает тень папы Адриана V, родом графа. Тот, каясь (как и его спутники), признается: «прилипла к праху душа моя»:

«... Жадность там порыв любви к благому

Гасила в нас и не влекла к делам» (Ч., XIX, 121-122).

Подобных примеров в отношении высшего духовенства и именно папства в поэме достаточно. О том, что богатство порабощает душу, в XV веке будет писать Альберти. Данте обличает во всепожирающей жадности христианских королей, особенно французских, начиная с Гуго Капета и кончая Филиппом IV (см.: Ч., XX, 45-96). Данте заставляет Гуго Капета признаться и покаяться в захватнической политике его потомков и преемников:

«О жадность, до чего же мы дойдем,

Раз кровь мою(12*) так привлекло стяжанье?» (Ч., XX, 82-83).

Данте ищет и не находит той силы, которая могла бы избавить общество от ненасытной волчицы жадности богатства. К богу он не обращается. Не скрывая своего недоверия, обращается к астрологам:

О небеса, чей ход иными понят,

Как полновластный над судьбой земли,

Когда же придет тот, кто эту тварь изгонит? (Ч., XX, 10-15).

Данте все-таки хочет верить, что найдется человек, полный «чести, любви и мудрости», который сумеет справиться с всепожирающей волчицей жадности (А., I, 101-104). Но при этом – ни слова упования на божественную силу или страх божий.

Ответа Данте не находит. Но самая настойчивость, с которой снова и снова поэт поднимает этот вопрос (и с какой горячностью!), свидетельствует о его глубоком равнодушии к вопросам социальной несправедливости. Как жаждал он радикальных благотворных перемен – не на небесах, а здесь, на Земле, для живых людей.

В идейном потоке Ренессанса проблема жадности, богатства, порабощающего душу, звучит громко и почти постоянно. С этой «волчицей» воевали и Петрарка, и Никколо Никколи, и Поджо, и Альберти, и Манетти и порою приходили к весьма примечательным экономическим выводам.

12* То есть потомство.

ЛИЧНОСТЬ

«Комедия» Данте потрясает. И не только ужасами адских пыток и несправедливых приговоров, но и выразительностью, мужеством, героизмом отдельных персонажей. А больше всего – грандиозностью замысла и творения самого поэта.

Это не автобиография, и Данте не ищет, как бы поубедительнее найти черты самоценной личности. Он сам – живой человек, с его слабостями и стойкостью, с его героическим порывом – ярчайшая Личность, какой не знала и не могла знать средневековая литература. Эта личность противоречива, порой ставит в тупик и вместе с тем неодолимо привлекает к себе. Перед нами могучее первоначало самосознания новой, суверенной раннегуманистической личности только занимавшейся зари Возрождения. Она непрестанно преодолевает собственные слабости и даже страхи, но не теряет целеустремленности.

Некоторым авторам кажется, что итальянские гуманисты долго и кропотливо искали, как бы, подражая античным классикам, высказать что-то свое, выявить свою самобытность, скрупулезно добавляя какие-то свои слова и детали, и так будто бы рождалось новое. Данте показал, что новая, самосознающая, свободная личность и новое, свободное искусство рождались не как робкая новая деталь, подрисованная к старой картине, а как поражающая своей новизной цельность, явившая из преодоления старого новый идеал в искусство и новую личность мыслящего художника.

Чем определяется личность нового художника и его творчества? Прежде всего – свободой. Человек, руководимый собственным разумом и волей, – свободен. Свобода – первейшая основа суверенной личности и ее творчества. Свобода – бесценный дар. Недаром в поэме мудрый Вергилий говорит о Данте:

«Он восхотел свободы столь бесценной,
Как знают все, кто жизнь ей отдает» (Ч., I., 71-72).

Это устами Вергилия Данте говорит о себе. При этом о божьей воле – ни слова, в понятие Данте эти сюжеты не входят.

Видимо, на проблеме свободы в «Комедии» следует, хоть немного, остановиться. Дальше Чистилища Вергилий сопровождать Данте не мог, не пускали – не христианин. Перед расставанием Вергилий подытоживает пройденный ими путь и приобретенный Данте опыт:

«Все кручи, все теснины мы прошли...»

Путеводителем был разум:

«Тебя мой ум и знания вели» (Ч., XXVII, 130-132).

Теперь Данте сам, через подземное царство, увидел и постиг все утесы и пропасти жизни, обогатился опытом и разумом. А потому

«Теперь своим руководись советом...» (там же).

.....

..... Тебе во всем простор!» (Ч., XXVII, 130-132, 157).

И Вергилий завершает:

«Свободен, прям и здрав твой дух; во всем
Судья ты сам...» (Ч., XXVII, 140-141).

Вот свободная, суверенная личность. Вот ее право судить, по законам совести, самого себя и – весь мир. И – ни слова о боге и его воле. Вергилий, которого Данте стремится, насколько возможно, приблизить к христианству, о боге и его благодати здесь, видимо, совершенно забыл. Человек, постигший все вершины и пропасти жизни, должен жить уже не предписанными канонами, а собственным разумом, уметь критиковать собственное поведение и свои помыслы, руководиться собственным советом. Его дух здоров и свободен от каких-либо предписаний. Ему во всем простор. И во всем он сам себе судья. Суровая, но завидная доля!

А где же божья воля, вне которой человек – ничто? Где божий суд, страшиться которого – вечная обязанность человека? Ничего этого нет. Есть только свободная, ко благу направленная воля человека, руководимого своим разумом. Вергилий заключает:

«... Я над самим тобою

Тебя венчаю митрой и венцом» (Ч., XXVI, 141-142),

т. е. императорскими регалиями. Человек в отношении самого себя возведен в царское достоинство. Данте уже знает, что такое свобода суверенной личности. Личность – это не только свобода, суверенность, уважение. Личность – это еще и ответственность, обязанности. Личность – это ответственность перед обществом. Каждый человек должен сам отвечать за свои поступки.

В загробье тяжко наказуемые, узнав, что Данте – живой и что, следовательно, должен вернуться на землю, просят его попросить их родственников помолиться об облегчении их участи. В Чистилище к Данте обратился Сорделло:

«Скажи в том мире, за простором вод,

Чтоб мне моя Джованна пособила

Там, где невинных верный отклик ждет» (Ч., VIII, 70-72).

Аналогичные просьбы повторяются. Наконец, Данте ставит под сомнение веру в облегчение участи грешников молитвами других людей. Тут сказался не только дантовский скептицизм, но и его новый, индивидуалистический подход гуманиста: каждый человек должен сам отвечать за свои поступки. В ряде моментов Данте выступает как зачинатель гуманистического индивидуализма. Личность не падает с неба и не рождается в готовом виде. Она вырабатывается в длительной, упорной жизненной борьбе. Прежде всего – в борьбе с самим собой, с собственными недостатками и слабостями. Человек должен постоянно находиться в преодолении трудностей и собственного несовершенства.

Мы видим выражение этих идей в «Комедии». Сколько раз ее герой в своем путешествии проявляет слабость, нерешительность, медлительность, просто страх! Его волю будит, его наставляет, его вдохновляет Вергилий. Благодаря усилиям Вергилия, благодаря твердой воле этого воплощенного разума, развивается, совершенствуется, оттачивается личность самого поэта, создателя «Комедии». Вергилий – это второе «я» Данте. Устами, поступками Вергилия Данте раскрывает свое несовершенство и сам преодолевает его. Непрерывное внутреннее развитие обязательно для человека. Только тогда складывается личность. Это прекрасно выразил Данте:

«... Взор во мне крепчал,

... так как я при этом

Менялся сам, себя во мне менял» (Р., XXXIII, 112-114).

Действительно, с каждым разом в признаниях собственных слабостей и в их мужественном преодолении, в следовании велениям разума все отчетливее вырисовываются и захватывают читателя благородная стойкость, непоколебимая верность своим убеждениям, поистине доблестная личность поэта, мыслителя, зачинателя великих идей гуманизма – Данте Алигьери. И Данте неодолимо пленяет читателя. Вот реальное воплощение гуманистического идеала личности. Вот подлинный и главный герой «Комедии».

Гордость своей мыслящей личностью и своим грандиозным творением Данте пронесит через всю «Комедию». Правда, в Чистилище он сетует, что за свою гордость ему после смерти придется нести наказание: у подножия горы Чистилища носить на себе – на голове, на плечах непомерно тяжелые камни (см.: Ч., XIII, 136-138). И тем не менее в поэме Данте снова и снова говорит о своей гордости – созданной им «Комедии» и о том, что ей суждена долгая историческая жизнь.

ДОБЛЕСТЬ

Доблесть предъявляет к личности высокие требования. Она должна быть тверда в своих убеждениях, выношенных разумом и жизненным опытом. Она должна стоять выше «общепринятого» мнения толпы, выше «стадного инстинкта».

Эти требования (против собственных слабостей) чеканно формулирует Данте и вкладывает их в уста не какого-то святого, а Вергилия – воплощенного Разума:

«Не все ль равно, что люди говорят?

Иди за мной, и пусть себе толкуют!

Как башня стой, которая вовек

Не дрогнет, сколько ветры ни бушуют!» (Ч., V, 12-15).

«Иди за мной» – значит следуй за велением разума. А не за мнением и предрассудками толпы. В своих убеждениях будь непреклонен. И пусть никакие ветры не собьют тебя с избранного пути.

Личность должна дорожить временем, чтобы постоянно трудиться на пользу людям, ведя их к высоким идеалам. Как говорит в поэме Данте, Вергилий учил его неоднократно:

Не тратить времени, что без труда,

И это слово я воспринял внятно (Ч., XII, 83-87).

Это уже не средневековое отношение к труду и времени. В новом, товаропроизводящем городе и труд и время бесценны. Труд не наказание, посланное людям богом, а нелегкий, но жизнеобеспечивающий центр приложения энергии, путь физического и духовного совершенствования человека. Личность, идущая подобным путем, не может не стать доблестной. Даже французский король Гуго Капет, кающийся в Чистилище, встретив Данте, не может не выразить своего восхищения:

«В тебе, живом, сияет благодать» (Ч., XX, 42).

Значит, «благодать», человеческое благородство, доблесть возможны; достижимы для хорошего, целеустремленного, высокого душой человека здесь, на живой Земле.

ПРОБЛЕМА ГОРДОСТИ

Гордость не была новым явлением в средневековой Италии. Как дворянская спесь, «право» на самовластье, презрение к простолюдинам – пополам, заносчивость и презрение вообще к людям не их круга – все это, как дворянская гордыня, было достаточно хорошо известно и ненавидимо в народе. За ней тянулся шлейф ревности, зависти, губительной вражды, раздоров и локальных войн. «Гордыня» феодальных властителей терзала Италию.

Одного из таких спесивых гордецов Данте поместил в Чистилище на тяжелейшей работе по перетаскиванию огромных камней у подножия горы. Это Омберто Альдобрандески, граф Сантафьори, из рода графов Тосканских, которые прежде владели Флоренцией, но в 1115 году были свергнуты победившей флорентийской коммуной.

Омберто сам дает себе краткую, но выразительную характеристику:

«..... заносчивый и резкий,
Я стал людей так дерзко презирать,
Что сам погиб...

.....

Меня, Омберто, гордость удручает
Не одного; она моих родных
Сгубила всех.....» (Ч., XI, 63-69).

Такова дворянская гордыня. Очевидно: здесь словом «гордость» обозначается самомнение, заносчивость, феодальное самовластье, дворянская спесь – все, что лучше обозначается словом «гордыня». Церковь, феодальная по природе, обычно смотрела на это сквозь пальцы. Но напор общественного недовольства, связанного с поднимавшимся освободительным коммунальным движением, заставлял и церковь изменить позицию. Тем более, что эти особенности общественного поведения вызывали и усугубляли зависть, ревность, политические интриги и раздоры.

Однако церковь не прекращала своей вековой борьбы против гордости мыслящих и творческих людей, которые имели смелость выражать по отдельным религиозным вопросам какие-либо сомнения, создавали произведения литературы, которые уже выходили за канонические рамки. Это именовалось недопустимой гордостью в отношении богоустановленного вероучения. И нужно было обладать глубоким знанием жизни и смелостью, чтобы отстоять свои убеждения и свои творения. Да, как мы видим, требовалось много гордости и смелости, чтобы в сложной общественной атмосфере и под недреманным оком церкви, под видом благочестивого путешествия по загробью критически взглянуть на благословляемый церковью земной мир и показать его повседневные язвы.

Не случайно Данте устами своего героя выражает беспокойство, что за его гордость ему тоже после смерти грозит такое же тяжкое наказание с перетаскиванием непосильных камней:

Гораздо большим ужасом смущен
Мой дух пред мукой нижнего обрыва;
Той ношей я заране пригнетен (Ч., XIII, 136-138).

Не будем торопиться с выводами. Данте безусловно учитывал греховность, с точки зрения церкви, своей гордости – гордости поэта и мыслителя. Но на протяжении всей «Комедии» он и не помышляет от нее отречься. Устами наиболее ценных ушедших людей – и

Каччагвиды, и Брунетто Латини (да и не только их) поэт очень высоко оценивает «Комедию» и ее общественное значение. Это наполняет его нескрываемой гордостью. Так раскрывается подлинный Данте. Что же касается тирады об «ужасе» поэта при мысли о грозящем ему после смерти наказании тяжелым камнеошением, то, очевидно, нужно еще разобраться, сколько здесь от осторожной самозащиты и сколько от едва закамouflированной иронии. Тот, кто в том же Чистилище, где нет ни тел, ни питания, заставляет своего героя с изумлением слушать, как некая грешная душа жаловалась на истощение, едва ли мог искренне верить в существование потустороннего мира, сочиненного запуганным религиозным сознанием и живописно изображенного воображением поэта («fantasia») (13*).

Проблема человеческой гордости решается с самого начала поэмы путем (неслыханная гордость!) пересмотра божьих приговоров и вынесения своих, зачастую противоположных; в прославлении великих гордецов Античности, в беседах с Брунетто Латини, Марко Ломбардо, с Каччагвидой; в декларируемом поэтом стремлении к славе. Человеческая гордость поэтом не только не осуждается, она превозносится – более того, она вменяется в нравственные обязанности человека.

И это постулируется с самого начала – там, где во тьме преддверия ада мечутся и стонут души тех, кто при жизни был лишен гордости, жил равнодушно, «меж добром и злом» и не оставил потомкам никакого доброго (иле даже худого) следа. Именно по этой причине упомянутых стадных небокоптителей Данте не пускает не только в Рай, но даже в Ад.

В сущности, вся поэма Данте пронизана новым, гордым самосознанием человека, перечеркивающим краеугольные требования религии – нищеты духа, покорности, духовного рабства. Под видом гордости, осужденной церковью как грех, поэт осуждает жестокость и тиранию. Против них восстает свободная совесть гуманиста.

В Чистилище у Данте возникает разговор со знаменитым в свое время книжным миниатюристом Одеризи из Губбьо. Он был убежден в ненадежности земной славы, в ее изменчивости, ибо она греховна. Данте как будто соглашается:

И я ему: Правдивый твой рассказ

Смирил мне сердце, сбив нарост желаний (Ч., XI, 118-119).

Данте словно бы сожалеет о своей гордости, готов отказаться от славы. Но сколько раз, и до и после этой встречи, Данте будет высказывать гордое стремление к славе, которое должно быть присуще каждому. Но в том же разговоре с Одеризи автор «Комедии» вложит в уста своего собеседника совсем не покаянные, а очень лестные слова о славе – заветной мечте поэта. В них – понимание Данте неодолимости прогресса в культуре и, более того, пророчество Ренессанса.

Остро ощущая приближение новой культурной эпохи, Данте устами древнеримского поэта Стация (I в. н. э.) с гордостью повторяет известные слова подлинного Вергилия:

«Век обновленья ждет:

Мир первых дней и правда у порога» (Ч., XXII, 70-71).

Предчувствие нового духовного подъема у Данте естественно сливается с горячим обращением к античной поэзии и культуре. Так, приступая к третьей кантике своей эпопеи («Рай»), завершающей «священную Комедию», Данте обращается не к богу и святым, а к античному, языческому богу поэзии Аполлону:

О Аполлон, последний труд свершая,

Да буду я твоих исполнен сил,

Как ты велишь, любимый лавр вверяя.

.....

Я стал бы в сень листвы, тебе желанной,

Чтоб на меня возложен был венец,

Моим предметом и тобой мне данный (Р., I, 13-27).

Поэт признается, что его сердце согрето жаждой лаврового венца – жаждой поэтической славы (см.: Р., I, 33).

Что это: оговорка? забывчивость? – в христианском Раю просить лаврового венца у языческого бога? Отнюдь, Данте прекрасно знал, что христианская церковь отвергает «мирскую славу» как силу, отвлекающую от христианского учения и от послушания богу, а потому и отвергает ее как «грех гордыни». А поэт Данте жаждет именно мирской – поэтической, человеческой славы. Поэтому он должен обратиться к языческому богу древности, покровителю поэзии Аполлону, одобрявшему стремление к славе. Нужно не упускать из виду, что самоутверждение личности в быстро росших городах Италии во второй половине Средневековья закономерно уводило личность из аскетических рамок религии и не могло не привлекать ее к земле и ее радостям и далее – к гуманистическим идеям, находившим дополнительную опору в античной религии, и главным образом в мифологии древних, – и то, и другое было ближе к земле и к людям. Жажда славы начала рассматриваться как явление не только допустимое, но и желательное, похвальное.

Еще более удивительно другое: обращение к языческому богу – и где? – в христианском Раю – не вызывает негодования ни апостола, ни высших вероохранительных сил. Поэта не

проклинают, не изгоняют как святотатца. Видимо, наблюдения Данте, новые веяния жизни начали достигать и высот церковной власти: нельзя же лишаться паствы.

Каноническое правоверие вынуждено было осторожно отступать. И пусть Джованни Доминичи и в XV веке будет проклинать светские книги, великий Данте полтора столетия назад поэтически доказал, что без свободы воли и мысли личности, и тем более личности поэта, без земного, человеческого творчества, без впитывания истинно человеческого, что несет в себе античная культура, невозможен ни новый человек, ни его идеалы, ни подлинное его бессмертие.

Данте первым открыл дверь в полный свежего воздуха мир гуманизма. Не перешагнув через частокол средневековых христианско-церковных взглядов, этого нельзя было сделать.

13* Dante Alighieri. La Divina Commedia. Milano, 1984. Paradiso, canto XXXIII, 142.

ПРОБЛЕМА СЛАВЫ И БЕССМЕРТИЯ

В XIV песни Рая апостол Яков экзаменует поэта: что есть надежда?

И Данте отвечает:

Надежда, – я сказал, – есть ожиданье

Грядущей славы (Р., XXV, 67-68).

Если под «грядущей славой» понимать бессмертное блаженство на небесах, то такой ответ может быть признан вполне правоверным, тем более что к сказанному Данте добавляет:

... Ценность прежних дел

И благодать – его обоснованье (там же, 68-69).

Но если припомнить, что только что, в первых терцинах той же песни поэт четко высказал свою (и совсем иную) сокровенную мечту:

В ином руне, в ином величьи звонком

Вернусь, поэт, и осенюсь венцом

Там, где крещение принимал ребенком (Р., XXV, 7-9),

то станет ясно, что поэт надеется совсем на другое бессмертие и славу – вполне земную и человеческую память и славу за его великое и правдивое поэтическое творение. Так в правоверной форме Данте выражает отнюдь не «небесные», а реальные, земные надежды (можно сказать, уверенность) в осуждаемой церковью земной, человеческой славе в поколениях и поколениях потомков. В сущности, в творении Данте рождались, утверждали себя новые, гуманистические идеалы человеческого поведения, человеческого существования. И одновременно вырабатывались приемы литературной защиты новых идей в условиях сохранения старых общественных институтов и преобладания старой общественной атмосферы.

Желанье славы, более того, уверенность Данте в его посмертной славе выражает твердую убежденность поэта в правильности избранного им пути, в том, что его поэзия – плод титанического труда и вдохновения будет понята и принята народом и поможет «жизнь оздоровить».

Для этого нужно было обладать не только исключительным поэтическим даром, но и героической смелостью. И хотя церковь отвергала стремление людей к славе – это грех, ибо слава принадлежит только богу, и только его нужно славить, – время начало выдвигать светских людей, жаждущих славы и достойных ее. И первым был Данте.

Своей жажды славы Данте не скрывал. Правда, в обоснование этой славы, наряду с достославными делами, поэт включает и божественную благодать – в Раю, да еще в ответе апостолу, этого нельзя было не добавить. Но ведь сама надежда Данте совершенно не соответствовала религиозному канону. Вместо надежды на «спасение души» – надежда на славу в грядущих поколениях! Вполне земная надежда, свободная от «божественных» ценностей. Очевидно, перед нами не правоверье, а только его видимость. Данте же не сомневался: слава великих земных дел, слава благородного творчества – вот единственно реальная основа бессмертия.

Вернемся к XIV песни Рая. Поразительно, но апостол-экзаменатор не возражает против очевидной ереси поэта. Видимо, по Данте, и душам апостолов в Раю стало не под силу отвергать то, что, не спросясь у них, ввела в практику жизнь, все больше и тверже ориентировавшаяся на личность.

Отношение Данте к бесцельным душам, «кто меж добром и злом», – это отвержение небокопительства, всесветного и вечного мешанства, это не личности. Личность начинается с целеустремленной деятельности во имя блага людей и через это – к славе. Чисто потребительское отношение к жизни отвергается.

Земное, творческое происхождение долгой славы несомненно для Данте. Свою мысль он вкладывает в уста глубоко уважаемого им предка – Каччагвиды:

«... Ликуют духи, чьи в земной долине

Столь громкой славой прогремели дни,

Что муз обогащали бы доныне» (Р., XVIII, 31-32).

Устами Беатриче Данте утверждает: бессмертие – в долгой-долгой памяти потомков о славных делах и творениях:

«Упятерится этот сотый год;

Тех, чьи дела величьем пресловуты,

Вторая жизнь вослед за первой ждет» (Р., IX, 40-42).

Что же хочет сказать поэт? – Реальная жизнь сильнее потусторонней.

Человеческую личность как новое социальное и культурное явление открыло Возрождение. Разумеется, и феодальное общество состояло из отдельных людей, но люди эти входили в него не сами по себе, а, как правило, как члены определенных сословий, корпораций, общин, гильдий, цехов, орденов. Только будучи членами определенных корпораций, орденов, братств и выполняя их уставы, обычаи, требования, они становились признанными, «законными» членами общества. Их повседневная деятельность, поведение, самое их мышление определялись и контролировались этими корпорациями, каковые были органами защиты и органами принуждения. Личные инициативы отдельных членов корпораций или пресекались, или лишались защиты со стороны корпорации, а это могло поставить одиночку в положение изгоя. Весь этот корпоративный порядок санкционировался (а то и прямо контролировался) церковью, особенно в том, что относилось к идеологии и нравственности. Всякое новшество в духовной жизни, как правило, принималось в штыки и могло грозить новатору нешуточными последствиями. Чтобы сказать и отстоять новое слово в науке или поэзии, требовалась личность.

Эти обстоятельства необходимо учитывать, если мы хотим понять то, что в самом начале XIV века написал в своей «Комедии» Данте и почему он написал это в такой неожиданной, крайне своеобразной, очень яркой и очень противоречивой форме. «Комедию» написал не просто талантливый поэт. Ее написал поэт гениальный. Это было творение гениальной личности.

Что такое личность, Данте понимал. Это прежде всего свобода, духовная свобода. Вспомним еще раз слова Вергилия, устами которого говорил Данте:

«Теперь своим руководись советом:

.....

..... тебе во всем простор.

Свободен, прям и здрав твой дух; во всем

Судья ты сам...» (Ч., XXVII, 131, 138, 140-141).

Совершенно новое историческое явление: свободно мыслящий суверенный человек, свободная, мыслящая личность.

Труд поэта нелегко. Трудна и небезопасна каменистая тропа к успеху, к славе. Встретив в Земном Раю семь муз (снова античный мотив), Данте вспоминает, как во славу поэзии

... ведал голод, стужу, скудный сон.

Как нужно было понимать время и свое место в нем, чтобы сказать:

... Я вышел пред зарей...

... Из скорбных мест... (Ч., VIII, 58-59).

И потому гениальный поэт и великий труженик имел полное право заявить:

Себе награды я прошу по праву.

Пусть для меня прольется Геликон (Ч., XXIX, 37-40).

Церковное осуждение земной славы не только не пугает поэта – оно даже не приходит ему в голову. Для него это давно пройденный и забытый этап. Поэт полон сознания ценности своего труда и закономерности своего притязания на славу.

Античное культурное наследие будет активно осваиваться гуманистами. Но они не будут копировать античных классиков, как не копировал их и Данте. Они создадут совсем новую культуру, какой не знало прошлое, – культуру Ренессанса.

Вопреки тяжким ударам судьбы, какие выпали на долю великого поэта-изгнанника, Данте сохранил и противопоставил судьбе невиданную стойкость личности, высочайшее чувство человеческого достоинства и благородной гордости поэта и борца, до конца верного своим идеалам. Вот почему в его великой эпопее он остается главным героем. Его личность раскрывается через раскрытие и осмысление духовного мира его лучших и худших (да, да, и худших!) героев, обличаемых и отвергаемых поэтом. Нужно понять, почему и как, казалось бы, предельно противоречивый автор при внимательном чтении предстает на страницах «Комедии» как поразительно цельная, монументальная личность. Нужно постичь общественное значение «Комедии», автор которой на заре XIV века решался сделать и блестяще осуществил самый трудный – первый шаг к великой культуре Возрождения.

Церковь порицала стремление людей к славе: человек не должен превозноситься, он не должен забывать, что он – раб божий. Слава принадлежит только богу. Славить бога должны постоянно – и хоры «блаженных» в Раю, и толпы голодных прихожан на Земле. Таким образом, в состав «божьей славы» входило все, что творилось в эпоху Данте не только в небесах, но и на «грешной» земле, и правду об этом до будущих поколений донесет Данте своей великой «Комедией», и слава этого исполинского творения по праву и справедливости принадлежат ему – поэту и мыслителю. Не станем заблуждаться, Данте понимал это не хуже нас. Исполинским трудом, в труднейших условиях, под угрозой костра, но исполненный любовью к людям, он написал грандиозную «Комедию», слава которой не пройдет никогда. И в этом – подлинное бессмертие Данте. Пройдет два столетия, и величайший из великих, прославленный уже тогда на всю Европу, да и за ее пределами, Микеланджело, сдерживая слезу, скажет: «О, если бы мне славу Данте!» Проблема славы органически связана с проблемой бессмертия. Данте не сомневается, что тот, кого он отметил «в своих созвучьях», будет известен «из рода в род» (А., XXXII, 91-93). Он был уверен в долговечности – нет, в вечности его творения – его «Комедии». Данте знает цену своему великому творению и не сомневается в ожидающей его славе.

Выражает это, как правило, чужими устами: «Да светит слава по следам твоим!» – восклицает Якопо Рустикуччи – флорентиец, палимый огнем в Седьмом круге Ада (А., XVI, 66) за свой эпикуреизм. В бессмертной славе своей поэмы и своего имени Данте не сомневался и тогда, когда спрашивал имя у грешника, замороженного в лед:

Я жив, и ты бы утешенье встретил, -

Был мой ответ, – когда б из рода в род

В моих созвучьях я тебя отметил (А., XXXII, 91-93).

Вся XXXI песнь Ада – это встреча путников со скованными в глубокой яме пропасти Ада гигантами древнегреческой мифологии – сынами Земли – страшными и злонравными великанами, которые когда-то пытались свергнуть Зевса и других богов. Но были побеждены Зевсом и ввергнуты в преисподнюю вместе с Эфиальтом и Антеем, а с ними и царь Немврод, неудавшийся строитель Вавилонской башни. Уговаривая Антея спустить

путников вниз – в ледяной Коцит, Вергилий не только славословит, но даже заверяет Антея, что Данте

«...Будет рад

Тебя опять прославить во вселенной» (А., XXXI, 126-127).

Очевидно, Антей вызывал симпатию Данте, во-первых, как могучий сын Земли, а во-вторых, как богоборец, не побоявшийся восстать против всевластного владыки мира.

В Раю прашур поэта Каччагвида выражает убеждение, что «Комедия» сделает ее автора бессмертным:

«Но не завидуй тем, кто ставит сети;

Давно отмщенной будет их вина,

А ты, как прежде, будешь жить на свете» (Р., XVII, 97-99).

Уже в Раю можно слышать:

«Тех, чьи дела величием пресловуты,

Вторая жизнь вослед за первой ждет» (Р., IX, 41-42).

Новые идеи уже настолько проникли в общество, что в конце своей поэмы Данте просит бога не о прощении грехов, не о райском блаженстве, а о земной славе и бессмертии:

И даруй мне такую мощь речей,

Чтобы хоть искру славы заповедной

Я сохранил для будущих людей (Р., XXXIII, 70-72).

Правда, Данте говорит о божьей славе (tua Gloria) – о чьей еще славе можно говорить перед престолом Божиим? Но, очевидно, и передача божьей славы грядущим поколениям зависит от силы человеческой поэзии.

К ПРОШЛОМУ ИЛИ К БУДУЩЕМУ?

Со страниц литературы о Ренессансе еще не вовсе ушла мысль об античных источниках литературы Возрождения, о подражательности первых шагов творческой деятельности ранних гуманистов – писателей, поэтов. Творчество Данте, и прежде всего его «Комедия», не позволяют принять эту, чуждую фактам точку зрения.

Данте взял в путеводители Вергилия, к которому он исполнен чувства уважения и даже преклонения. Он не скрывает своего восхищения великими поэтами и героями Античности, которых смело своей волей освобождает от адских мук. Присоединяясь к ним, он польщен и выражает свое с ними единоподушие.

Но Данте не подражает им и не стремится к этому. Мотив путешествия Энея к его умершему отцу Анхизу в Аид – только частный прием, выхваченный из совершенно иного художественного целого, прием, служащий совсем иным художественным и идейным целям. А в поэме нет ничего общего с «Энеидой», с античной литературой и вообще с каким бы то ни было предшествующим поэтическим произведением. Все совершенно ново.

Грандиозная поэма Данте своей неслыханной оригинальностью служит убедительным доказательством новизны, самородности ренессансной литературы и всей культуры Возрождения. Культура Ренессанса и ее поэзия родились не из подражательских опусов, не из эпигонских – где-то мелких поправочек, дополненьицев, ученических парафразов. Великая культура Возрождения выросла на своей, новой социальной, этической и эстетической почве. И «Комедия» Данте – первейшее тому доказательство.

Грандиозная эпопея Данте, писавшаяся свыше десяти лет, явилась словно вдруг, неожиданно и необъяснимо, словно какая-то исполинская скала, зародившаяся где-то в недрах земли, стремительно прорезала толщу земли и моря и вознеслась над ними и как невиданная стрелообразная башня, чья вершина едва различима где-то в верхних слоях атмосферы. Так рождался Ренессанс.

Куда же направлена эта стреловидная башня? Куда зовет поэзия ее строителя? О чем он мечтает? Не опасаясь быть обвиненным в святотатстве, в Раю, в обители высших небесных сил, Данте прежде всего обращается не к ним, а к античному языческому богу Аполлону и от него ждет вдохновения и лаврового венца. Данте волнует не «очищение души от грехов», а расцвет свободного человеческого духа, свободной поэзии на земле. Пройдя все ужасы потустороннего мира, герой поэмы не утратился. Он, как и автор, смотрит вперед. Он полон оптимизма:

За искрой пламя ширится вослед:

За мной, быть может, лучшими устами

Взнесут мольбу, чтоб с Кирры был ответ (Р., I, 34-36).

Как известно, уже Петрарка (т. е. всего через 20–25 лет) был «услышан» в обителище Аполлона и коронован в Риме лавровым венцом.

Но какое поразительное прозрень наступающего будущего у Данте! Какое верное ощущение близкого культурного Возрождения!

ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА

Данте сознавал, что в «Комедии» он идет по лезвию ножа. Устами Вергилия он так говорит об этом:

«Немало я услышал тяжких слов
О том, что в жизни для меня настанет,
Хотя к ударам рока я готов» (Р., XVII, 22-24).

Поэту было ясно, что он пишет не в общепринятом, не знающем сомнений, правоверном духе. Он сомневается, во многом сомневается. Он даже позволяет себе спорить с каноническими «истинами». А это – не в духе общепринятого, старого, но еще не сдавшего своих позиций, не обеззубевшего времени. Его поэзия многих задает и многим не нравится. Отсюда – горькие слова, обращенные к Каччагвиде, пращур:

Я вижу, мой отец, как на меня
Несется время, чтоб я в прах свалился,
Коль я пойду, себя не охраня.

Пора, чтоб я вперед вооружился.
Дабы расставшись с краем, всех милей,
Я и других чрез песни не лишился (там же, 106-111).

В сущности, Данте понимает свою «Комедию» как акт общественной, идейной борьбы, в которой требуется и выдержка, и осторожность, и надежная духовная вооруженность. Он ведет бой. И не боится этого.

В безмерно горьком мире...

.....
Я многое узнал, чего вкусить

Не все, меня услышав, будут рады;

А если с правдой побоюсь (!) дружить,

То средь людей, которые бы звали

Наш век старинным, вряд ли буду жить (там же, 112-120).

Каччагвида подтверждает, что среди людей бессовестных правдивая «Комедия» Данте добавит ему врагов. И все-таки –

«Все, что ты видел, объяви сполна,

И пусть скребется, если кто лишавый!

Пусть речь твоя покажется дурна

На первый вкус и ляжет горьким гнетом,

Усвоясь, жизнь оздоровит она.

Твой крик пройдет, как ветер по высотам,

Клоня сильней большие деревья;

И это будет для тебя почетом» (Р., XVII, 128-135).

Более чем примечательно: по замыслу Данте гражданин Флоренции (пусть прошлых времен), нимало не сомневаясь, увидел в «Комедии» светское сочинение, направленное к тому, чтобы обнажить и осудить язвы, в которых мучается ныне живущее человечество, и содействовать оздоровлению жизни. Причем главными объектами критики являются «большие деревья» – феодально-тиранические властители и высшая иерархия церкви, включая папство. И это – не спокойное чтиво о тогдашних временах и тем более не увлекательный рассказ о приключениях в вымышленном загробном мире. Это, как выразился в поэме Каччагвида, – «крик» (значит, больше терпеть нельзя), который, как мощный вихрь, промчится по высотам, клоня сильней «большие деревья» – тогдашних хозяев жизни. Значит, автору нужно быть осторожным и уметь защищаться.

И Данте осторожен. В Чистилище на жалобы измотанных каменосителей: «я истощен!» – он с усмешкой возражает: «нельзя истощаться там, где не существует пищи для тела»; но не спешит с естественным выводом, что не может быть физических страданий там, где нет

тела. Даже спустя два столетия, когда Колумб совершит свое великое открытие Америки, прославившийся своим цинизмом папа Александр IV Борджия заявит: «Конечно, я, как человек современный, ни на минуту не могу поверить в существование ада и рая, но я сожгу на костре каждого, кто посмеет в этом усомниться». А в начале XIV века требовалась удвоенная смелость и осторожность.

Вот откуда отдельные восторженные обращения к богу, отдельные хвалы божьему суду, горько-ироничное косвенное одобрение аскетической «нищеты духа». Обратимся к тексту. В Чистилище Данте слышит вдохновенный возглас ангела:

«О род людской, чтобы взлетать рожденный!» (Ч., XII, 95).

Вслед за этим слышится напев: «Блаженны нищие духом», и Данте комментирует:

«Напев неизреченной благодати» (Ч., XII, 111).

Но Данте нигде в «Комедии» не выводит и не восхваляет людей нищих духом, не проповедует духовной нищеты.

Слова о напеве не могут быть поняты иначе, как горькая ирония или вынужденный защитительный прием автора. Говоря его же словами, – «тонкая пелена» благочестивых языковых стереотипов, отвечающих изображаемому месту и моменту. Благочестие соблюдено. А внимательный читатель, благодаря бесстрашной правдивости поэта, смог услышать уже с неба вдохновенный голос о высоком призвании человека.

ЛЮДИ – ЧЕРВИ?

Почти в середине поэмы, в IX песни Чистилища, есть пассаж, на который, как на нелепую корягу в светлом лесу, не может не натолкнуться глаз внимательного читателя. Пассаж невелик, всего три терцины, но требует объяснения. Вот они:

О христиане, гордые сердцами,

Несчастные, чьи тусклые умы

Уводят вас попятными путями!

Вам невдомек, что только черви мы,

В которых зреет мотылек нетленный,

На божий суд взлетающий из тьмы!

Чего возносится ваш дух надменный,

Коль сами вы не разнитесь ничуть

От плоти червяка несовершенной? (Ч., X, 121-129).

И это писал Данте? Данте, который устами своего любимого героя, бесстрашного Улисса обратился к людям с гордыми словами:

«Вы созданы не для животной доли,

Но к доблести и к знанию рождены» (А., XXVI, 119-120).

Нет, в приведенных терцинах не язык Данте, это язык аскетического памфлета, сочиненного папой Иннокентием III на пороге XIII века (тогда Иннокентий был еще кардиналом). Памфлет назывался «О презрении к миру, или о ничтожестве человеческого состояния», и в нем автор всеми силами старался доказать, что человек – самое худшее, самое отвратительное существо на земле: все растения и животные приносят что-нибудь полезное, человек же – только отбросы, экскременты. Человек хуже копошащегося в грязи червя. В книжке проповедовался предельный аскетизм, полное самоуничужение.

Не было ничего более чуждого, неприемлемого для Данте, чем самооплевывание человека. В его поэме нет ни самого слова «аскетизм», ни пропаганды «убиения плоти». На страницах «Комедии» этого мы не встретим даже в речах апостолов. Жестоко осуждаются человеческие пороки: жадность, зависть, коварство. Критикуются, обличаются современная церковь, папство, корыстолюбивое духовенство, но не человек вообще. Даже в Аду герой поэмы обнаруживает честных, благородных и доблестных людей. И своей «Комедией» Данте хотел способствовать улучшению жизни на земле. Он любил людей.

Откуда же взялись терцины? Объяснения надо искать в той крайне противоречивой социально-политической и идейной атмосфере, в которой рождалось грандиозное творение Данте, и в тексте самой «Комедии».

На трудной дороге подъема к горе Чистилища, «на привале», измотанные Данте и Вергилий увидели, что на них медленно надвигается какая-то необозримая мрачная масса. Оказалось, это грешники; видимо, не убийцы, не злодеи (тем место в Аду!), а просто грешники (ведь не могут же люди быть совсем безгрешными!). И каждый – на спине, на голове нес огромные, тяжеленные камни. Бросить их было нельзя. Смотреть на этих людей было страшно.

Кто легче нес, а кто тяжеле гнёт,
И так, согбенный, двигался по краю;
Но с виду терпеливейший и тот

Как бы взывал в слезах: «Изнемогаю!» (Ч., X, 136-139).

(Скажем, что через 200 лет этот сюжет вдохновил Микеланджело на создание серии скульптур «Люди с камнями», где мужчины с могучими и красивыми телами гнутся, раздавливаемые непосильно тяжелыми глыбами дикого мрамора, что давят на их головы и плечи. Некоторые пытаются сбросить проклятый камень. Но он уже врос в тело, а то уж и головы не осталось – вместо нее бесформенная глыба дикого камня – Микеланджело прекрасно понял мысль любимого поэта.)

После этой ужасной (поистине адской) сцены в Чистилище (этап «духовного возвышения» в потустороннем мире?), сцены, обнажающей жестокость и бесчеловечность божьего приговора, Данте счел необходимым прибегнуть к беспощадной иронии и поставить те три античеловечные терцины, словно выхваченные из пресловутого «трактата» Иннокентия Ш. Ни одна строка в «Комедии» Данте не позволяет подумать, что эти терцины выражают истинное отношение Данте к человеку. Поэт, вложивший в уста бесстрашного Улисса вдохновенный призыв к людям, никоим образом не мог одновременно проповедовать, что люди – черви.

Но все-таки почему аскетические терцины, унижающие человека, поставлены именно в этой главе поэмы? Порой их толкуют просто как защитительную завесу. Почему же именно здесь – как кол, вбитый посреди чистого поля? Ведь мы только что видели, какое тяжкое, гнетущее впечатление произвели на Данте – героя поэмы неисчислимые толпы грешников, которые по божьему произволу, превыше всяких сил, на плечах, на своих головах волочили неподъемные глыбы дикого камня, изнемая, сами почти обращаясь в камень. И толпа этих мучеников – людей, сваливаясь без сил, все-таки выполняла жестокий приговор всевышнего. Изнемогали, но не роптали и смиренно продолжали нести божью кару – ведь они только жалкие люди, которые грешны и не смеют перечить божьей воле.

До какой же муки, до какого самоуничтожения дошли покорные рабы божии! Или они и впрямь жалкие ничтожества, черви, пригодные только быть раздавленными нелепыми камнями и отдать богу (а зачем они ему нужны?) свои измученные души и тем выполнить свой долг?

Да, – хочет сказать им возмущенный поэт, – тогда вы не люди, вы – жалкие черви, которых безжалостно топчет божья воля.

Нет, Данте ставил человека очень высоко. Еще в трактате «Пир» он писал: «Я осмеливаюсь утверждать, что человеческое благородство, поскольку оно касается множества его плодов, превосходит благородство ангела» (14*). Почему же человеческое благородство выше ангельского? «Поскольку оно касается множества его плодов». Эти слова перечеркивают сказанное Иннокентием III. Примечательно: в XV веке гуманист Джаноццо Манетти в знаменитом трактате «О достоинстве и превосходстве человека» так же, только гораздо шире, чем Данте, будет аргументировать высокое достоинство человека прежде всего поразительной изобретательностью его мысли и величием его созидательной деятельности.

И для Манетти его трактат в защиту человека дался нелегко. Нужно представить, насколько сложнее была эта задача для Данте, писавшего на полтора столетия раньше! Он был вынужден пользоваться языком Иннокентия III, едва прикрыв его полупрозрачным флером иронии, не будучи уверен, до всех ли эта ирония дойдет. Он жил, мыслил, писал в условиях, о которых сказал очень сдержанно, но достаточно выразительно:

Я был как тот, кто притупляет жало

Желания и заявить о нем

Не смеет, чтоб оно не раздражало (Р., XXII, 25-27).

Редкое мужество с легким щитом осторожности. Данте не сомневался, что умные, чуткие люди, даже далекие потомки, его поймут и оценят.

14* Данте. Пир. IV, XIX, 6. С. 244.

«РОДИТСЯ ЧЕЛОВЕК НАД БРЕГОМ ИНДА»

В своем полете к Эмпирею главный герой поэмы оказывается в небе Юпитера. Там над ним раскинул крылья божественный орел, вознесенный небесными силами, как он вещает, «за правосудье и праведность». Понимая, что это посланец бога, Данте, не употребляя этого имени, как не упоминает его и орел, обращается к небесным силам и признается в своих религиозных сомнениях:

«...О вечные цветы

Нетленной неги...

Повейте мне, чтоб я не знал алканья,

Которым я терзаюсь так давно,

Не обретая на земле питанья!

.....
Вы знаете, как я вам внемлю строго,
И знаете сомненье, тайных мук
Моей душе принесшее столь много» (Р., XIX, 22-33).

Орел, отвечая, старается доказать бессилие и ложность человеческого разума и резюмирует:

«Свет – только тот, который воспринят
От вечной Ясности; а все иное –
Мрак, мгла телесная, телесный яд» (Р., XIX, 64-66).

А далее божественный орел учиняет поэту «разнос» за не покидающие его идеи веротерпимости:

«Ты говорил: «Родится человек
Над берегом Инда; о Христе ни слова
Он не слышал и не читал вовек;

Он был всегда, как ни судить сурово,
В делах и в мыслях к правде обращен,
Ни в жизни, ни в речах не делал злого.

И умер он без веры, не крещен.
И вот он проклят; но чего же ради?
Чем он виновен, что не верил он?» (Р., XIX, 70-78).

Орел с презрением высмеивает поэта, который «в судейском сев наряде», за сотни миль берется решать дела,

«Когда твой глаз не видит дальше пяди?»

Орла возмущает свобода человеческой мысли:

«Когда бы вас Писанье не смиряло,
Сомненьям бы не ведали числа» (там же, 79-84).

Это уже окрик. И Данте колеблется. Поэт уверяет, что из клюва святонебесной птицы звучат слова,

...Которых знойно
Желало сердце (Р., XX, 29-30),

что они были выражением

Той изначальной воли, чьи веленья
Всему, что стало, повелели стать (Р., XX, 77-78).

Это может быть понято двояко: как оправдание орлиного окрика или, напротив, – ведь орел повторил слова Данте в защиту веротерпимости. Во всяком случае, поэт не может сдержать «моего сомненья» (79) и восклицает: «Как же это?» (82), ибо его «разум мучился раздором» (87).

Однако небесный орел вещает о ничтожестве людей и их разума – да не смеют они судить божьи дела и приговоры (103). А ведь автор поэмы от Ада до Рая только тем и занимается, что судит и мертвых и живых. Противоречие очевидно. Оно не разрешается и дальше.

Орел гордится «блаженством» райских душ:

«Мы счастливы неведеньем своим:
Всех наших благ превыше это благо –
Что то, что хочет бог, и мы хотим» (Там же, 136-138).

И Данте, который объявил познание первейшим побуждением и высшим блаженством человеческой души, который восславил несокрушимость человеческой воли, не только не спорит, не возражает – он устами главного героя благодарит орла, который

...Озарил мой близорукий взгляд,

Мне подалась целительная влага (Там же, 140-141).

Но спор отнюдь не окончен. И в Раю Данте не скрывает своих вероисповедных сомнений. Приведем еще раз его призыв:

Повейте мне, чтоб я не знал алканья

Которым я терзаюсь так давно,

Не обретая на земле питанья!

.....

Вы знаете, как я вам внемлю строго,

Вы знаете сомненье, тайных мук

Моей душе принесшее столь много (Р., XIX, 25-27, 31-33).

Из дальнейшего выясняется, какие еще вопросы мучат Данте. Почему божья воля не всегда согласуется с разумом? Разве человеческий разум не в силах все познать и все понять?

Орел дает безусловно отрицательный ответ: человеческий разум не только недостаточен, он противоположен истинному знанию, он – «мрак», «телесный яд»(!).

И переходит в наступление. Он снова отвергает безупречную логику суждения о человеке, который родился «над берегом Инда». Он изобличает греховность самого подхода к вопросам религии от человека, а не от бога. Его же оппонент не отступает от человеческого, гуманистического подхода, а средневекового не приемлет.

И умер он без веры, не крещен.

И вот он проклят; но чего же ради?

Чем он виновен, что не верил он?

Логика неодолимая. И в рамках логики орлу нечего ответить. Он переходит, как выше замечено, к оскорблениям:

«Кто ты, чтобы в судейском сев наряде,

За много сотен миль решать дела,

Когда твой глаз не видит дальше пяди?»

Иначе говоря, ты – человек и знай свое место. Все решает божья воля. Если человек берется судить божьи дела, он судья самозванный. Все устанавливает «благая воля» бога.

«То справедливо, что созвучно с ней».

Для сомнений, вопросов, суждений места не оставлено, и есть узда:

«Когда бы вас Писанье не смиряло,
Сомненьям бы не ведали числа» (Р., XIX, 70-88).

Это уже не окрик, не завет, не завешание бога людям, не кодекс высокой совести и чести. Писание толкуется как непререкаемый свод правил безусловного смирения. Никакого места для размышления, обсуждения и, уж конечно, – никакой критики.

Данте не спорит, не возражает; он молчит. И смысл этого молчания вдумчивый читатель не может не понять. Ведь, собственно, Данте заставил орла (и где? – в Раю!) изложить идею, отрицающую святая святых церковной идеологии – догмат об исключительности спасительной силы христианства. Нет, Данте придерживался другого мнения: не место рождения, не культ, не догматы и предписания, а только дела и помыслы человека определяют его достоинство. Религия, принудительная сила церкви отодвинуты, по крайней мере, на второй план. На первый вышел сам человек. От своих убеждений Данте не отступил. В этом «споре» со священным орлом Данте, по сути дела, в высших владениях бога продекларировал великую идею веротерпимости. Эта идея открывала и дверь в просторы Ренессанса и не утратила своего значения до наших дней.

ХРИСТИАНЕ ДО ХРИСТИАНСТВА?

Убежденный в том, что человек, его моральные достоинства выше декларируемого вероисповедания, Данте обращается к дохристианским временам и к ярким личностям предхристианской эпохи. И здесь он находит образцы высокой нравственности. Своей бескорыстностью пленил поэта знаменитый полководец Римской республики Фабриций (III в. до н. э.):

...Праведный Фабриций,
Ты бедностью безгрешной посрамил
Порок, обогащаемый сторицей (Ч., XX, 25-27).

В бескорыстии, бедности Данте видит проявления высоких добродетелей души, как христианина, так и язычника. Благородное внимание римского императора Траяна, оказавшего просимую помощь бедной женщине, Данте показывает как христианский поступок (Ч., X, 73-93).

Данте усматривает и других «предшественников» христианства. Скажем, у Вергилия в «Энеиде» Данте нашел Рифея-троянца, личность, видимо, вымышленную, но человека доброго, честного, порядочного, участника Троянской войны, т. е. жившего более чем за тысячу лет до возникновения христианства. Так Данте превратил легендарного Рифея в тайного христианина задолго до Христа (см.: Р., XX, 118-129). Вымысел служил определенной цели: Данте хотел размыть возведенную церковными историками непроходимую грань между Римом христианским и дохристианским. Это вытекало из убеждения поэта, что не конфессии определяют лицо эпох, только человеческая доблесть формирует и реализует высокие нравственные идеалы и творения.

Несомненно, перед нами иное, не каноническое, не августиновское, не церковное понимание христианства. Данте, очевидно, был убежден, что в религии главное не каноны и правила культа, а нравственное совершенствование, доступное человеку независимо от канонов к культа. У Данте и литературный вымысел служил аргументом в пользу веротерпимости и утверждению принципа: нравственность выше религиозной конфессии. В этих идеях, очень актуальных уже в то время, выразилось свободомыслие великого поэта. То, что он написал, явилось дерзким вызовом католическому правоверию, разжигаемой церковью религиозной нетерпимости. Судить не по вероисповеданию, а по человеческой нравственности дел и помыслов данной личности мог только гуманист.

Вернемся к поэме. Услышав из клюва священного орла (корешок еще у Вергилия) басню о сверхдобродетельном чуть ли не христианине за полторы тысяча лет до Христа, «разум Данте мучился раздором» (Р., XX, 87), и он не мог не воскликнуть: «Как же это?» (Р., XX, 82).

Здесь автор «Комедии» снова воспользовался одним из своих излюбленных приемов – вкладывать собственные мысли в уста идейных противников или же, подхватив чуждую мысль, истолковать ее в противоположном смысле, как аргумент в свою пользу. Поэтому, встречая в «Комедии» авторское одобрение, не следует торопиться с выводом об авторском согласии и пропускать мимо внимания чуть прикрытую флером серьезности тонкую дантовскую иронию.

Яркий пример – «славословие» (из того же клюва священного орла) императору Константину, который

«Стремясь к добру, хоть это к злу вело,

Стал греком, пастыря даря землею.

Теперь он знает, как родивший зло

Похвальным делом – принят в сонм счастливый,

Хоть дело это гибель в мир внесло» (Р., XX, 56-60).

Явный выпад Данте против «Константинова дара», по которому император Константин, перенесши свою столицу в Византий, светскую власть над западной половиной Империи передал римскому папе (Данте еще не знал, что этот «Дар» – папская фальшивка); за и против «сил небесных», взвешивающих на божественных весах абсолютную ценность добра и зла. В данном случае – относительно так называемого «Константинова дара».

ПРАВОВЕРНЫЙ ДИКТАТ ИЛИ СВОБОДА МЫСЛИ?

Борьба Данте против уничтожителей человеческого разума и ненасытной жажды познания (главным образом отраженная в спорах главного героя с орлом) идет почти непрерывно, и каждый раз поэт заставляет своего противника отступить, переводя речь от строгого порицания религиозных сомнений и вольнодумства к критике (порой и острой и широкой) земных жестоких, корыстных, лживых и несправедливых порядков. Эта критика земных, в первую очередь политических, феодально-тиранических порядков перемещала спор в область политики, где пагубность «небесного» управления землей и людьми обнаруживалась наиболее очевидно.

Исходя из тех же принципов, Данте не отдал Саладина на растерзание адским палачам, а ввел этого иноверца и победителя крестоносцев в при-адский, свободный от мук Лимб. Едва ли это согласовывалось с правоверием церкви. В ее глазах Данте был еретиком.

Очевидно, Данте подходил к людям, судил о них иначе, чем церковь. В V веке Августин писал: каким бы добрым и справедливым ни был человек, но если он не входит в общину христианской церкви, душе его дорога – только в ад; и столетиями это считалось аксиомой. Мудрецу начинавшейся новой эпохи важно было не вероисповедание человека, а его личность, его нравственность, его отношение к другим людям, его деятельность, творчество, то хорошее и долговечное, что он сделал для людей, – то, что гуманисты обозначат одним решающим понятием – доблесть.

Изобретение адского, но свободного от мук Лимба – не единственное произвольное нововведение Данте в потустороннем мире. Своею волей поэт с самого начала возводит в ранг блаженных, святых возлюбленную Беатриче Портинари (см.: А., II, 52-133), и в этой роли она проходит через всю поэму, вплоть до «Белой розы» – вершины Рая, где восседает у ног Богоматери,

На троне, ей сужденном по заслугам (Р., XXXI, 69).

Своею же волей Данте вводит в Рай пращура Каччагвиду. Устами прапрадеда Данте причисляет к лику святых не только его самого, но и его мать (Р., XVI, 35).

Но поэт идет дальше. Без каких-либо доказательств Данте объявляет древнеримского поэта I века н. э. Публия Стация, придворного поэта императора Домициана, тайным христианином и делает его поборником христианского правоверия (см.: Ч., XVI, XVII-XXXIII).

Очевидно, автор «забыл» или, вернее, вопреки церковному вероучению, не верил, что высшее блаженство человека может быть достигнуто только на небесах, в раю, и не благодаря совершенству человека, а лишь как результат его покорности церкви и неуклонного соблюдения ее требований.

Все дело в том, что Данте душою был всецело на земле и был убежден, что при правильном политическом мироустройстве блаженство полного духовного развития возможно и должно быть достигнуто на Земле. Его идеал сугубо посюсторонен. А что творится на Земле, он знал прекрасно и убедительно это показал людям. Именно поэтому Данте не может не быть критичным в отношении якобы правящего миром небесного Промысла.

Достаточно ясно Данте дает понять, что не верит в догмат о «первородном грехе». Устами «божественной» Беатриче поэт утверждает:

«Цвет доброй воли в смертном сердце жив;

Но ливней беспрестанные потоки

Родят уродцев из хороших слив» (Р., XXVII, 124- 126).

То есть моральные уродства людей вызваны не «первородным грехом», а трудными, нечеловеческими условиями жизни. Какая ересь, с точки зрения церкви! В людях – добрая воля? Решающая роль принадлежит социально-политическим условиям?! Да, у Данте, и такой опытный политик, как Марко Ломбардо, убежден, что

«...дурное управленья

Виною тому, что мир такой плохой,

А не природы вашей извращенья» (Ч., XVI, 103-105).

Данте возлагает надежды на человеческий разум. Священный орел, в речи которого Данте вкладывает средневеково-церковные убеждения, ни во что не ставит человеческий разум; истинный разум – только в боге:

«Свет – только тот, который воспринят

От вечной Ясности; а все иное –

Мрак, мгла телесная, телесный яд» (Р., XIX, 64-66).

И орел не скрывает того, что это говорится в назидание Данте, против его сомнений и заблуждений:

«Отныне правосудие живое

Тебе раскрыл я и вопрос пресек,

Не оставлявший мысль твою в покое» (Р., XIX, 67-69).

Инакомыслие – свободомыслие зафиксировано и отброшено. Противоположность церковного отношения к человеческому разуму и знанию и позиции Данте в этом важнейшем вопросе выражена с предельной ясностью. И что бы ортодоксальное ни бросил поэт где-то в тексте, – это, как правило, защитительная дань традиции. Несовместимость дантовой и церковной, правоверной позиций остается несомненной.

Данте-герой поэмы то и дело высказывает или замалчивает свои сомнения в правоверии. А Беатриче постоянно старается опровергнуть своего оппонента схоластическими софизмами томистской теологии. После долгой речи Беатриче по проблеме свободы воли – послушной и непослушной воле бога он как будто полностью соглашается с нею и готов правду человеческого разума всецело подчинять воле божества:

Я вижу, что вовек не утолен

Наш разум, если Правдой непреложной,

Вне коей правды нет, не озарен.

.....

Иначе все стремления ничтожны (Р., V, 124-129).

Но тут же круто поворачивает:

От них у края истины встает

Росток сомненья; так природа властно

С холма на холм ведет нас до высот (Там же, 130-132).

Поэт, видимо, не знал, что почти буквально повторял слова Абельяра, своего идейного предка начала XII века: «Всякое познание начинается с сомнения». Созвучие очень многозначительное. Не менее важно и то, что Данте, только что уступив теологии, вновь возвращается к природе, которая властно (а ведь это не бог!) ведет человека к поэтапному познанию истины.

«ЧТО СКАЖУТ ПЕРСЫ ВАШИМ КОРОЛЯМ?»

В «разговоре» со священным орлом главный герой сумел повернуть мысль своего оппонента против него же самого. В речи орла происходит крутой поворот. Он только что, торжествуя, говорил об исключительной силе христианства, а теперь повел речь о том, что немало людей только именуются христианами, что их дела «родят презренье в эфиопе». И, более того,

«Что скажут персы вашим королям,

Когда листы раскроются для взора,

Где полностью записан весь их срам?

Там узрят, средь Альбертова позора,

Как пражская земля разорена,

О чем перо уже помянет скоро;

Там узрят, как над Сеной жизнь скудна.

С тех пор как стал поддельщиком металла

Тот, кто умрет от шкуры кабана; (15*)

Там узрят, как гордыня обуяла

Шотландца с англичанином, как им

В своих границах слишком тесно стало» (Р., XIX, 112-123).

Орел обличает французского короля Филиппа IV, широко практиковавшего «порчу монеты», что страшно удорожало жизнь в стране, обличает королей Англии и Шотландии, ведущих непрерывные взаимные войны, королей кастильского и чешского, неаполитанского короля Карла Анжуйского, сицилийского короля Фридриха II. Достается

по заслугам королям арагонскому и болгарскому, норвежскому, португальскому и сербскому и «лютому зверю» Генриху III Лузиньяну, терзающему города острова Кипр (см.: Р., XIX, 112-123). В сравнительно короткой, но до предела насыщенной обличительной речи безжалостной политической порке подвергнуты чуть ли не все сколько-нибудь значительные правители феодальной Западной Европы. Они именовали себя правоверными христианами, но творили злые дела, которые «родят презренье в эфиопе» (Р., XIX, 109).

И все это, накипевшее в сознании, поэт ловко вложил в уста «священного орла», в речах которого должна была бы оправдываться христианско-феодалная политическая действительность; ведь тот же орел уверял, что Благая воля из начала дней

«От благодати своей не отступала.

То – справедливо, что созвучно с ней» (Р., XIX, 84-88).

XIX песнь Рая – яркий пример того, как великолепно Данте умел вкладывать беспощадные слова ненависти к царящему в мире тиранству в уста оппонентов своего главного героя.

В нелегком споре с орлом он, этот главный герой, победил. Он заставил своего «священного» оппонента от теологии обратиться к земле, к земной политике. И, сколько бы раз орел ни повторял: «... навеки свят Предвечный суд» (Р., XX, 52-53), правда жизни опровергает благую волю Провидения.

Но, при всей уничтожающей критике позорной политики королей, князей – владык средневековой Европы, главным центром XIX песни «Рая» остается провозглашенный Данте (пусть даже через «опровергающий» клюв орла) манифест ВЕРОТЕРПИМОСТИ. Пятнадцать веков назад неистовый Августин провозгласил, что даже самый хороший человек, не делавший зла, не избежит Ада, если он не был сочленом христианской общины (вне церкви нет спасения!). В 2000 году глава римско-католической церкви папа Иоанн-Павел II заявил, что каждый хороший, порядочный человек, к какой бы религии он ни принадлежал, верил или не верил в бога, – спасет свою душу. Данте пришел к этому выводу на 700 лет ранее.

Свободомыслие и веротерпимость и поныне остаются актуальными, а порой болезненными общественными вопросами, нередко крайне обостряющими взаимоотношения народов. На пороге XIV века Данте первым имел смелость отказаться от догмата о единospасающей силе христианской религии и отстаивать идею веротерпимости, преследуемую как ересь, но призывающую залечить кровоточащую язву религиозной нетерпимости. Его монолог, вложенный в уста враждебного ему священного орла: «Родится человек над берегом Инда...», явился вызовом средневековой вероисповедной нетерпимости как знамени вражды народов.

Перо Данте развернуло перед читателем целую политическую панораму Европы конца XIII века. Неприглядную, отталкивающую, но правдивую. Все это – не выдумка каких-то пасквилянтов. Это основанная на непреложных фактах уничтожающая политическая речь поэта-патриота – первого настоящего политического поэта уходящего Средневековья и наступающего Возрождения – Данте Алигьери, умело вложенная в клюв имперского божественного орла.

Как видим, Данте имел все основания, начиная XIX песнь «Рая», предпослать ей следующую терцину:

И то, что мне изобразить осталось,
Ни в звуках речи, ни в чертах чернил,
Ни в снах мечты вовек не воплощалось (Р., XIX, 7-9).

Данте смело и открыто признает свои сомнения и несогласия с официальным правоверием; признается, сколько тайных мук принесли его душе эти сомнения. И два несогласия выступают на первый план: неприятие тезиса об исключительности и особой спасающей силе христианства; того, что человеческое познание – «мрак, мгла телесная, телесный яд».

Уже отмечалось, что спор о веротерпимости и человеческом познании был перемещен Данте в область политики, где его орел, оперируя фактами, доказывал жалкое, отвратительное состояние феодально-королевско-захватнической системы, но вместе с тем убедительно продемонстрировал неспособность «небесных сил» «благословенно» и разумно управлять Землей.

До Данте такой неприглядной и такой правдивой картины политической жизни средневековой Европы не создавал никто.

15* Французский король Филипп IV, погибший на охоте.

БЛАЖЕНСТВО РАЯ

Рай – едва ли не самая сложная и противоречивая область фантастического запредельного мира. Это обиталище душ, прошедших очищение, обиталище самых совершенных. Но кого встречает Данте в прирайских звездных небесах? Как писал Де Санктис, «райской жизнью наслаждаются души, прошедшие постепенное одухотворение человека». Но ни в Аду, ни в Чистилище никакого одухотворения, духовного возвышения не происходит. Каких же доблестных людей встречает Данте на своем планетарном звездном пути в Эмпирей? Взятые на небо и высоко одобряются души дев, которые ушли в монастыри, но, по воле родителей

возвращенные в семьи, стараются сподобиться возвращения к монашеской жизни, чуждой мирских интересов, – за то и взяты богом на планету Венеру. Вот Данте встречает на той же «звезде» Кунницу де Романо, сестру падуанского тирана Эдзелино IV; она прославилась выдающимся распутством, но перед смертью покаялась и была взята на Небо, на ту же «звезду» любвеобильных. Нравственно и эстетически такие райские персонажи далеко уступают лучшим образам первых двух кантик.

Оказавшись наконец в небесном Раю, Данте полон ликования:

О радость! О восторг невыразимый!

О жизнь, где все – любовь, и все – покой! (Р., XXVII, 7-8).

Покой, мир! – то, о чем всегда мечтал Данте.

Вот и Беатриче, увлекая Данте в полет к вершине Рая – в Эмпирей, уверяет:

«Мы вознеслись в чистейший свет небесный,

...где все – любовь,

Любовь к добру, дарящая отраду,

Отраду слаще всех, пьянящих кровь» (Р., XXX, 40-42).

Но божественная Беатриче тут же продолжает:

«Здесь райских войск увидишь ты громаду,

И ту, и эту рать; из них одна

Такой, как в день суда, предстанет взгляду» (Р., XXX, 40-40).

Война и суд? Любовь и рать? И это – мир? И это – покой? И это – любовь? Любовь к добру? Чудовищно. Или это – ирония поэта?

Данте недоумевает. Он обращается к блаженной Пиккарде:

Но расскажи: вы все, кто счастлив тут,

Взыскуете ли высшего предела,
Где большой кругозор и дружба ждут?

Естественный вопрос мыслящего человека, но Пиккарда улыбается его наивности:

«Брат нашу волю утолил во всем
Закон любви, лишь то желать велящий,
Что есть у нас, не мысля об ином.

Когда б мы славы восхотели вящей,
Пришлось бы нашу волю разлучить
С верховной волей, нас внизу держащей.

.....

Ведь тем-то и блаженно наше esse,
Что божья воля руководит им
И наша с нею не в противовесе.

И так как в этом царстве мы стоим
По ступеням, то счастливы народы
И царь, чью волю вольно мы вершим» (Р., III, 70-84).

Легендарный троянец Рифей, сочиненный Вергилием как «правдивейший и правдолюбивейший среди тевкров», а Данте превращенный в христианина за тысячу лет до возникновения христианства, со своей стороны разъясняет поэту принципы райской жизни. Напомним еще раз его слова:

«Мы счастливы неведеньим своим;
Всех наших благ превыше это благо –
Что то, что хочет бог, и мы хотим» (Р., XX, 136-138).

Значит, собственной воли у них нет, и они не чувствуют в ней потребности. И незнание, невежество их вполне удовлетворяет. Нет, такой «идеал» не мог удовлетворить Данте. Его идеал, опирающийся на суверенную волю свободной личности, устремленной к познанию, не мог не «стоять в противовесе» к безусловно подчиняющей себе божьей воле.

Читателю уже ясно, что идеал человека, выработанный автором «Комедии», идеал, устремленный к неустанному познанию, к активной деятельности, к плодотворному творчеству, никоим образом не мог согласоваться с «райским блаженством» рабов божиих.

В Раю личность стерта. Никаких высоких побуждений, никакой воли к свободе, к творчеству, к подвигу. Человеческое начало исчерпано. Рай залит немислимо красивыми потоками света. Все охвачено волнами, кругами, переливами манящих, сказочно-многоцветных, непрерывно меняющихся полос, колец, радуг. И – потоки сказочной, ласкающей слух переливчатой музыки. Купаясь в этой феерии красок и звуков, непрерывно наслаждаются души блаженных. Этим полон Рай. Непрерывные пляски с постоянными славословиями богу завершают совершенство этой обители блаженства. (Особенно ярко эта фантастическая феерия обрисована в XV песни Рая).

Но людей, их воли, высокой целеустремленности и тем более творчества – нет. Поэтому сказочная феерия Рая остается холодной и пустой.

Любовь в Раю декларируется постоянно, но только как любовь к богу. В этой любви, быть может, слышится благодарность тех, кому удалось попасть в ранг блаженных, но нет тепла, нет горячего душевного порыва, без чего настоящей любви не бывает.

Если же говорить о горячей, сердечной любви, то таковая тоже мелькает в Раю, но только единственный раз и ненадолго – любовь Данте к Беатриче. Это горячее чувство возникло не в Раю, не в небесах. Оно родилось на Земле и с Земли принесено Данте. А в Раю оно – нежеланная гостья. Ее здесь нужно прятать. И, тем не менее, то и дело она вырывается на поверхность и яркой искрой прорывает холодно-феерический фон, иногда – церковно-политические споры или псевдонаучные схоластические лекции.

И Данте не может удержать изливания своего влюбленного сердца:

Влюбленный дух, который всякий час,
Стремился пламенно к своей богине,
Как никогда ждал взора милых глаз;

Все, чем природа или кисть доныне
Пленяла взор, чтоб уловлять сердца
Иль в смертном теле или на картине,

Казалось бы ничтожным до конца

Пред дивной радостью, что мне блеснула,

Чуть я увидел свет ее лица (Р., XXVII, 88-96; см. также:

Р., XXXI, 14-36).

Такой личной, сердечной любви рай не знает и не чувствует в ней потребности. Она была бы здесь только помехой. Ведь здесь признается одна любовь – к богу. А реализуется она в безусловной покорности да в постоянном славопении.

В Раю апостол Иоанн экзаменует Данте в его любви к богу. Поэт уверяет апостола в этой любви, но это уверение носит умозрительный характер и лишено сколько-нибудь горячего чувства. Это – рассудочное переложение религиозных догматов, лишённое сердечного чувства. Это – холодные декларации, несопоставимые с полными жизни и чувства порывами любви к Беатриче. Когда Иоанн спрашивает поэта, какие побуждения пробудили в нем любовь к богу, Данте отвечает:

...Чрез философские учения

И через то, что свыше внушено,

Я той любви принял напечатленья (Р., XXVI, 25-28).

Ни слова сердечного, эмоционального восхищения.

В схоластической лекции, преподанной Данте божественной Беатриче, утверждается, что

«...Блаженство возникает

От зренья, не от любви...» (Р., XXVIII, 109-110).

Действительно, дантовский Рай полон радужных, феерических кругов и переливов. Но не любви. Блаженные души наслаждаются феерическими перелетами, но никаких проявлений любви между ними не наблюдается. Они, видимо, совершенно равнодушны друг к другу, так что признание Беатриче довольно верно выражает «божественное совершенство» Рая. О нравственном сознании – ни слова. Никакой чистоты души блаженных читатель уловить не может. Между ними нет никакого человеческого общения. Проблема познания снята, она им совершенно чужда.

В Эмпирее души блаженных летают и вьются над Райской розой, «где их любви всевечный дом» (Р., XXXI, 12). И далее:

Пока они так пели и играли.

Им улыбалась Красота, дая

Отраду всем, чьи очи к ней взирали (Р., XXXI, 133-135).

Есть некое подобие любви в Раю: благоволение высших и именитых лиц христианского пантеона к рядовым блаженным. Большого они и не желают. Благоволение избранных заменяет любовь. О любви к людям Земли нет и речи.

Не удивительно, что, казалось бы, продолжая восхищаться этой картиной, поэт прерывает свое хваление Рая возгласом:

Трехликий свет, ты, что одной звездой

Им в очи блещешь, умиротворяя,

Склони свой взор над нашею грозой! (Р., XXXI, 28-30).

Над миром-то гроза. Гроза жадности, зависти, коварства, всевластной несправедливости, раздоров, войн! И феерия Рая начинает меркнуть в глазах поэта.

То я, из тлена в свет небесной славы,

В мир вечности из времени вступив,

Из стен Фьоренцы в мудрый град и здравый,

Какой смущенья испытал прилив!

Душой меж ним и радостью раздвоен,

Я был охотно глух и молчалив (Р., XXXI, 37-42).

Это «глух» – к такой-то благодати! Какое неприятие и какая смелость! Художник, создавший картину райской идиллии по официальным церковным канонам, не мог примириться с кричащим контрастом, с тем, что одновременно творится на земле. И какое равнодушие этого «царства любви» к самим же себе – равнодушие к той буре (*procella*), которая бушует на земле! И Данте снова погружается в неустрашимую бездну сомнений.

Смысл этих сомнений глубок, но ясен: нравственное сознание поэта не приемлет беспечно блаженствующего и резвящегося Рая, когда на Земле, над человечеством свирепствуют

бури войн, раздоров, заговоров, предательства, несправедливости. Равнодушный ко всему этому Рай лишается морального оправдания.

В смятении, пытаясь разрешить свои сомнения, Данте ищет глазами Беатриче. Но ее нет. Вместо нее небесными силами поэту послан новый путеводитель – святой старец мистик Бернард Клервоский. Нужно отметить, что облик Бернарда освещен у Данте, по меньшей мере, односторонне. Мистиком он действительно был, но только несведущему мог он показаться тем,

...Кто, окруженный миром зла,

жил, созерцая, в неземном покое (Р., XXXI, 110-111).

Бернард Клервоский отнюдь не был пассивным созерцателем. Он создал большой, богатый и сильный монашеский Цистерцианский орден, он без внешнего шума вмешивался в дела папства, фактически определял отвод или избрание той или иной личности на римский престол, и он же явился главным гонителем Абельяра, родоначальника рационально-критического направления в средневековой философии. Именно Бернард организовал травлю Абельяра, добился жестокого, бесчеловечного его уничтожения. Только недостаточным знанием истории XII века можно объяснить относящуюся к Бернарду Клервоскому терцину Данте:

Дышали добротою безмятежной

Взор и лицо, и он так ласков был,

Как только может быть родитель нежный (Р., XXXI, 61-63).

Вознесшись вместе с Данте на вершину небесного царства – в Эмпирей, Бернард разъясняет поэту, что здесь – «чистейший свет небесный»; здесь на вершине «Белой розы» восседают строго расчлененные по достоинству «Патриции империи небесной» (Р., XXXII, 40-42). (Очевидно, по образу и подобию земному, только доведенному до абсолюта?).

Действительно, в Эмпирее (как рисует его Данте) масса ярчайшего света. В нем купаются, плещутся, взлетают и перелетают в радужных переливах феерии души блаженных. Но любви, любви к добру, любви к человеку нет и там. Парадоксально, но там, где, казалось бы, должна царить высшая духовность, господствует бездуховность. Но, если вдуматься, это вполне понятно: там, где нет деятельности, нет целеустремленной воли, нет жажды познания, ищущей мысли, творческой деятельности, там и для духовности нет необходимой почвы.

Нет, такой Рай не мог быть идеалом Данте. Существование, где властвует праздность, бездеятельность, безмыслие, не могло удовлетворить того, кто «высшее совершенство души» видел в познании и в нем же полагал «наше высшее блаженство». Он едва ли мог верить в блаженство там, где всякому сомнению и всякому познанию поставлен предел.

Где в Раю высокая одухотворенность человека? Ни ярких характеров, ни высоких помыслов, ни возвышающей деятельности. Если даже это только место блаженства, то, при всей фееричности, как бедно и однообразно это блаженство выглядит! Ни произвольных веселых танцев, ни вольных песен, ни радости общения. Ни шуток, ни смеха. Песни строго однообразны: «Осанна» и другие монотонные славословия богу. Никакой творческой инициативы, никаких высоких порывов (что может быть выше высшей вершины блаженства!), никаких нравственных усилий. Для стремлений, исканий, творчества здесь нет места.

Там, где должно царить духовное просветление, нет ни одной фигуры, какая могла бы сравниться с высокой просветленностью и одухотворением Одиссея, упрятого (богами – Богом) в Ад.

Рай не безмолвен. То и дело его наполняют сладкозвучные песни блаженных, поющих «Славу» отцу и сыну и святому духу. И поэт не мог избежать сладкого очарования этих звуков. Он, напомним, восклицает:

О радость! О восторг невыразимый!

О жизнь, где все – любовь, и все покой! (Р., XXVII, 7-8).

А не ирония ли это?

Но на сцену выступает апостол Петр, по преданию, первый глава римской церкви, и предупреждает, что речь его не будет сладкой:

«Все переменит цвет в соборе этом» (Р., XXVII, 21).

С кипучим негодованием он рассказывает, в какой упадок пришел престол римского понтифика, какие «горы кровавой грязи» возвел на нем папа Бонифаций VIII при поддержке французского короля. От папского престола он переходит к католической церкви в целом. Какой упадок!

«В одежде пастырей – волков грызливых

На всех лугах мы видим среди ягнят» (Р., XXVII, 55).

Вот вам реальное состояние духовенства, – ведь это говорил сам апостол Петр. И еще – о падении церкви:

«...О доброе начало,

В какой конечный впало ты разврат» (Р., XXVII, 59-60).

И почти бунтарский призыв к богу:

«О божий суд, восстань на нечестивых!» (Р., XXVII, 57).

Но, быть может, самое примечательное в райской речи апостола – это ее концовка, обращение к Данте, который мы уже имели случай привести в другой связи:

«И ты, мой сын, сойдя к земной судьбе

Под смертным грузом, смелыми устами

Скажи о том, что я сказал тебе!» (Р., XXVII, 64-66).

Эмпирей, вершина божьего могущества, чтобы справиться с позорным разложением церкви, просит помощи у земли, у людей. Кто же кого творит? Кто кем командует? Кто от кого зависит? И вот вам мир и покой во всевластных небесах.

Можно ли сомневаться, что поэту, писавшему эти строки, эти вопросы были ясны, и именно он устами полумифического апостола звал своих современников сделать то, что было не по силам совершить всемогущим силам небесным.

Критика ожиревшей церкви и освящаемого ею порядка проходит красной нитью через райские речи почти всех выдающихся святителей, выступающих в царстве небесном, царстве «любви, покоя и мира». Аналогично завершает свою речь и Петр Дамьяни. И так же в последней строке – почти негодующее требование к богу:

«Терпенье божье, скоро ль час расплаты!» (Р., XXI, 135).

И это восклицает (в Раю!) один из виднейших святителей средневековой церкви, ближайший сподвижник неистового Гильдебранда – папы Григория VII!

Но еще примечательнее то, что этот возглас святителя не остается одиноким. На него слетелись толпы блаженных и, окружив оратора, испустили такой громогласный крик, что Данте был оглушен (Р., XXI, 139-142). Так в Раю прогремел возмущенный голос народа (как ни странно звучат эти слова в данном контексте) против ожиревшей церкви, равнодушной к народным страданиям. У Данте даже райские блаженные, знающие только мир, покой и наслаждение феерией сказочных светов, не могли не выразить своего возмущения позорным падением церкви.

ДАНТЕ И ИОАХИМ

Когда в Раю дантовской «Комедии» к поэту спускается дух его прапрадеда Каччагвиды и, несказанно обрадованный встречей, начинает говорить со своим далеким потомком, тот сначала его не понимает, а затем объясняет, почему:

Он не нарочно мглой себя облек,

Но поневоле: взлет его суждений

Для цели смертных слишком был высок (Р., XV, 40-42).

Это следует отнести и к самому автору и к его великой поэме. Когда Данте задумал изобразить свое фантастическое путешествие в потусторонний мир, он, несомненно, представлял себе, какую трудную задачу он перед собой поставил. И главное заключалось не в ужасах Ада (ужасов он насмотрелся еще на Земле) и не в невообразимом блаженстве Рая, каковое нужно было сочинить. Главное состояло в том, как обо всем этом сказать живым людям, и так сказать, чтобы люди поняли, что они сами живут в аду, и вместе с тем сказать так, чтобы, поняв это, они не были бы растерзаны сильными мира сего, не стали добычей инквизиторских фурий.

Вот почему Данте писал:

Мы истину, похожую на ложь,

Должны хранить замкнутыми устами,

Иначе срам безвинно наживешь (А., XV, 124-127).

Данте оправдывает наказание зла божьим разумом:

О Высший Разум, как искусен ты
Горе и долу, и в жерле проклятом,
И сколько покажешь правоты! (А., XIX, 10-12).

Но вместе с тем: «род людской, чтобы взлетать рожденный» (Ч., XII, 95). А чуть ниже – пение толпы грешников Чистилища «Блаженны нищие духом».

Сомнения не покидают главного героя комедии. Томистская душеспасительная схоластика помогает мало. В Земном раю Данте признается Беатриче, что он позабыл многое из ее богословских лекций и наставлений. Беатриче на это:

«Само твое забвенье – приговор
Виновной воле, устремленной мимо» (Ч., XXXII, 98-99).

Поэт забыл небесное, потому что целиком был поглощен земным – земными кошмарами и помыслами о том, как вызволить человечество из моря его бедствий. Тут проявляется присущая сознанию Данте посюсторонность и вызревающее в нем свободомыслие. Богоугодные советы и предписания не помогают вызволить поколения живых из тины царящего зла – зависти, ревности, несправедливости, беззакония и произвола. Требовались радикальные политические решения.

«И если мир шатается сейчас,
Причиной – вы» (Ч., XVI, 82-83).

Эти мудрые слова Марко Ломбардо, очень созвучные с политическим мышлением самого Данте, теперь почти полностью захватили его сознание.

А Марко добавил:

«Ты видишь, что дурное управленья
Виной тому, что мир такой плохой,
А не природы вашей извращение» (там же, 103-105).

Данте было ясно, «первородный грех» – только отговорка церкви. Но чем заменить дурное управление? На глазах у Данте сама история перечеркнула утопию всемирной монархии. И поэт-мыслитель снова возводит взгляд к небесам, однако вовсе не в каноническом духе.

Один немецкий историк довольно метко выразился: Средневековье дало миру двух оригинальных мыслителей: Августина и Иоахима. Но Августина знают почти все, Иоахима же – только узкие специалисты. Попытаемся понять, почему.

Иоахим родился около 1135 года на крайнем юге Италии, в Калабрии, видимо, в деревне: «Смолоду я был земледельцем», – писал он впоследствии. Где он научился латыни, что читал, мы не знаем. Только известно, что юношей он начал выступать перед народом в соседнем городке Катанцаро. Это светским лицам не разрешалось. Иоахима схватили и в ближайшем цистерцианском монастыре постригли в монахи.

Видимо, твердый характер и значительная богословская начитанность вскоре вывели его в аббаты этой обители. Но через некоторое время Иоахим попросил снять с него сан и обязанности аббата: эти обязанности, объяснил он, заставляют его заниматься светскими делами и отрывают от богословских занятий. Его все-таки не отпустили, и он бежал из монастыря (видимо, с группой сторонников) в горы Калабрии, где основал монастырь Сан-Джованни-ин-Фьоре, устав которого утвердил папа. Но – с одним условием: все сочинения, которые напишет Иоахим, должны представляться для контроля папскому престолу.

А в своих сочинениях Иоахим развивал ту мысль, что три лица христианской троицы действуют не только сообща, но и порознь – в историческом порядке. Сначала была эра бога-отца – эра рабства, ибо лучшего тогда люди не могли воспринять. Затем наступила эра бога-сына. Рабство уступило место ученичеству, послушанию, дисциплине. Это закреплено Новым заветом. Но теперь и она подошла к своему завершению. Заканчивается и эра письменного Евангелия, его должно заменить «вечное Евангелие», заложенное в сердцах людей. Наступает эра мира и правды. Отпадет необходимость в обрядах, таинствах и иносказаниях: истина раскроется сама собой и будет доступна всем людям. Тогда-то, писал Иоахим, осуществляются все «обетования», т. е. обещания священных книг, и люди будут не только любоваться красотой листьев и цветов, но и наслаждаться сладостью плодов, иными словами – всеми благами жизни.

Эра духа, по мысли Иоахима, должна восторжествовать в силу необходимой эволюции самого божества, но вместе с тем как вселенский радикальный переворот на земле, в котором примут участие и люди. Иоахим и сам надеялся дожить до этого момента и принять участие в борьбе.

Церковь первоначально идей Иоахима не преследовала, и он умер в 1202 году как правоверный католик (*vir catholicus*). Но когда в 1255 году парижские иоахимиты выпустили книгу «Вечное Евангелие», где были опубликованы три главных сочинения калабрийского аббата, а в дополнение большая анонимная статья с одобряющим объяснением идей Иоахима (а книга, выставленная на площади перед собором Нотр-Дам, была молниеносно распродана), церковь забеспокоилась. В городке Ананьи, в Италии, была создана инквизиционная комиссия. В большом «Протоколе» комиссии были отмечены

многочисленные еретические положения этой книги. Но, странным образом, общего осуждающего вывода комиссии нет. Собственно, такой вывод был сделан: несколько строк в конце «Протокола», тщательнейшим образом соскобленных с пергамента, свидетельствуют об этом неопровержимо. Но прочесть ничего невозможно, а кто и когда начисто содрал общий вывод комиссии, остается загадкой.

В итоге картина получилась достаточно сложная. Иоахим не был осужден как еретик и умер как правоверный «вир католикус». Но сторонников иоахимизма церковь преследовала; и, тем не менее, идеи иоахимизма оказали существенное влияние на развитие ордена францисканцев (спиритуалов). Это название радикальное крыло францисканцев получило именно потому, что, восприняв хилиастические идеи Иоахима, они верили в скорое наступление на земле «царства мира и правды» – «эры Святого Духа» – Spiriti Sancti. В эпоху Реформации сочинениями Иоахима зачитывался Томас Мюнцер, и даже в XVII веке в идейной жизни Западной Европы сказывается влияние иоахимизма.

Иоахим в своих сочинениях не употребляет слова «тысячелетний», греческого «хилиос» – тысяча и не ограничивает продолжительности эры духа как «царства мира и правды» на земле (или смутно: «до конца света»), но по сути иоахимизм был учением хилиастического толка. Хилиазм возник во времена раннего христианства и жестоко преследовался церковью: вероятно, по этой причине Иоахим избегает употребления термина. Но в сущности иоахимизм явился новой, более сложной формой хилиазма. При всей фантастичности иоахимизм был своеобразной религиозной формой протеста против тяжкого феодального гнета, постоянных войн и усобиц. И веры в чудесное избавление – теперь уже с известным участием в борьбе и самого народа.

Трудно согласиться с мнением, будто «Комедия» Данте или только кантика «Ад» написаны в апокалиптическом духе (16*). Апокалипсис целиком пропитан религиозным пессимизмом. Он исходит из убеждения в неисправимости мира. Только с его полным уничтожением возможно – и не на земле, а на небесах, и только из особых, беспощадно отобранных на «Страшном суде» сверхсвятых людей – создать (непременно вне Земли) новый, «правильный» мир. Катастрофа «конца света» – это основная идея всего Апокалипсиса.

Данте в целом оставался в рамках религиозного мирозерцания, хотя его религиозность была уже глубоко подточена новыми, протогуманистическими и ранними собственно гуманистическими идеями. Но пессимистом Данте не был, о «конце света» в огромной поэме – ни одного упоминания, а его «Вавилонская блудница» была не символом «конца света», а символом крайней, непримиримой, уничтожающей критики существующей церкви. Великий поэт остался глух к Апокалипсису, но интересовался идеями Иоахима Флорского. Видя всю мерзость, всю несправедливость повседневной жизни Италии XIII–XIV веков перед лицом краха идеала всемирной монархии, Данте готов был поверить в возможность иоахимитского вселенского переворота, который изгонит из мира зло и позволит осуществить на Земле царство мира и правды.

Идея религиозная, но отнюдь не правоверная. Еще в V веке «отец церкви» Августин писал: «Бог устроил так, чтобы в мире добрые были перемешаны со злыми и жили под их властью, покада не придет снова Христос с лопатой в руке и, отвеяв зерно от плевелов, оставит только добрых и учинит благое устройство. До тех пор добрые должны терпеть господство злых. Если же кто-нибудь станет тебе доказывать противоположное и уверять в возможности на земле царства одних добрых, обличай его как еретика и беги от него как от чумы».

Смелость иоакимитской идеи очень импонировала Данте. Разумеется, это была иллюзия, но иллюзия бунтарская, отрицающая существующий миропорядок, и, во всяком случае, увлечение ею не позволяет рассматривать Данте как послушного сына церкви. Свои симпатии к идеям Иоахима Данте выразил достаточно ясно.

В XXI песни «Рая» Петр Дамьяни в конце своей правоверной речи обрушивается с ожесточенной филиппикой на современное ожиревшее, обросшее роскошью католическое высшее духовенство. На эти обличительные слова святителя слетелась огромная толпа блаженных, и они разразились таким оглушительным криком одобрения, который буквально оглушил и обескуражил поэта. Беатриче объяснила Данту, что в этом крике

«Провозглашалось мщенье, чей приход

Ты сам еще увидишь смертным взором» (Р., XXII, 14-15).

Нельзя не видеть, что иоакимитскую идею вселенского переворота, очищающего Землю от зла, Данте принимал полностью и рассматривал как акт мщения народа прогнившей церкви и оберегаемому ею миропорядку. При этом – в ближайшем будущем, при жизни тогдашних поколений, как столетием раньше писал Иоаким, мечтавший лично принять участие в этой борьбе за правду и справедливость.

В Раю с хвалебными, а то и с обличительными речами выступают наиболее известные церковные деятели Средневековья. О миноритах, их успехах, а затем и постыдном упадке ордена говорит сначала Аквинат, а затем генерал ордена в конце XIII в. Бонавентура. А завершается длинная речь Бонавентуры неожиданным открытием:

«...А здесь, в двенадцатом

Огне сияет вещей Иоаким,

Который был в Калабрии аббатом» (Р., XII, 139-141).

Бонавентура никогда не был иоакимитом и не скрывал своего неприятия учения калабрийского мыслителя. Но перед нами не смелая метаморфоза мистика Бонавентуры, а

очередной и весьма важный акт смелости Данте, «подставившего» великого еретика в ряд канонических святых. И – убедительное свидетельство склонности Данте к хилиастическому учению Иоахима.

16* См.: Бэлза И. На полях "Божественной комедии" // Дантовские чтения. М., 1971. С. 37

К ВСЕВЛАСТНОЙ ПРИРОДЕ

Сложен, противоречив, да и не безопасен был путь Данте от пронизанного сомнениями правоверия к пантеизму, к начаткам натурализма, к реабилитации человеческого тела, к убеждению в свободе человеческой воли, осознанию силы человеческих убеждений, добытых разумом и опытом, к убеждению в суверенности человеческой личности, к первым ступеням, ведущим в полный воздуха и простора дворец природы и гуманизма.

Конечно, этот путь начался раньше создания «Комедии», о чем убедительно говорят ранние трактаты Данте, особенно «Пир». И к «Комедии» он приступил не робким учеником, а мужем, уже закаленным в битвах, в горячих и далеко не безопасных политических сражениях в беспокойной флорентийской коммуне. И незаурядным поэтом. И серьезным мыслителем, который уже во многом усомнился, многое отверг, многое новое уже возвел на пьедестал.

Бесстрашное своеволие в адском Лимбе, выдвижение и отстаивание новой, актуальной и плодотворной идеи веротерпимости, ростки пробивающегося свободомыслия свидетельствуют о влиянии на Данте флорентийских кружков материалистического направления – эпикурейцев, к которым он примыкал, и аверроистов, да и прямого атеизма, которого придерживался близкий друг автора «Комедии» – Гвидо Кавальканти.

Маятник ищущей мысли Данте раскачивался в достаточно широкой амплитуде: от теизма через платонизм, пантеизм до натурализма и апофеоза всемогущей и всетворящей природы. Ведь Данте устами Карла-Мартелла Анжуйского (см. выше), ни словом не упоминая бога, утверждает, что путь улучшения мира и человека целиком зависит от следования природе. Причем природа не поставлена рядом или выше бога, она сама правит и ведет – и именно она должна быть компасом человечества (Р., VIII, 142-144):

«И если б мир, основы обзрев,
Внедренные природой, шел за нею,
Он стал бы лучше, в людях преуспев».

И высшая оценка тела:

«Каждая из разных сил вступает
В связь с драгоценным телом (Р., 11, 139-140).

Затем – полный апофеоз тела (!):

«Ликующей природой рождена»(!)

Влитая сила светится сквозь тело,
Как радость сквозь зрачок излучена.

.....

В ней то начало, что творит всецело,
По мере благодати и блеск и муть» (Р., II, 142-148).

«Космическая» речь Беатриче не отличается логической последовательностью, но нельзя не заметить, что она зигзагообразно ведет от теологической догматики к высочайшей оценке тела (что с теологической догматикой никак не вяжется), а клокочущая в телах жизнь оказывается не результатом внесения свыше божественной души, а рождается «ликующей природой».

Так дантовская теология (Беатриче) вынуждена прийти к «еретическому» выводу, что чудесная жизненная сила порождена не божеством, а «ликующей природой», и в этой-то природной силе и заключено творящее начало. (Хотя и здесь опять-таки втиснута оговорка – «по мере благодати»; очевидно – свыше).

Человек должен следовать природе, ее задаткам, ее требованиям. «Божий почин», независимый от природы и командующий ею, совершенно забыт.

Это мысли Данте. Он вкладывает их в уста души, на земле принадлежавшей авторитетному человеку. Как писалось выше, Данте применяет такой прием и для вящей убедительности, и, несомненно, для самозащиты. Линия причинности в сознании поэта все больше и четче отклоняется в сторону природы. Натуралистическая тенденция начинает побеждать.

Не отход ли здесь от божественного креационизма и канонического теоцентризма? Но как он труден, как труден переход к материалистическому, по своей сути, антропоцентризму. Да простят всезнающие потомки извилистость путей, какими их великий предок – не астроном, а поэт – выбирался (в первые годы XIV века!) из теологической догматики Средневековья к началам естественнонаучного воззрения на мир.

Данте называет земной мир «первослужбой природы» (Р., X, 28), а солнце – «отцом всего, в чем смертна жизнь» (Р., XXII, 6). Следовательно, все живущее порождено солнцем. Через два столетия Леонардо да Винчи будет доказывать, что именно солнце является источником жизни на Земле. В уста Беатриче Данте вкладывает смелое утверждение о независимом самодвижении живой природы:

«Все естества.....

.....

плывут к различным берегам

Великим морем бытия, стремимы

Своим позывом, что ведет их сам» (Р., II, 110-114).

Итак, «тварь» обладает властью идти своим путем, независимо от «первотолчка» (здесь – корешок оправдания человеческой воли). Более того, тело, презираемое религией, Беатриче называет «драгоценным» (Р., II, 140). И – далее позволим себе удовольствие (и надо думать не без пользы) повторить на редкость яркие слова источника: устами Беатриче излагается мысль Данте:

«Ликующей природой рождена,

влитая сила светится сквозь тело,

Как радость сквозь зрачок излучена.

.....

В ней – то начало, что творит всецело» (Р., II, 142-147)

Здесь Данте заставляет Беатриче превзойти самое себя. Оказывается, что жизненная сила – «душа», что «светится сквозь тело», рождается природой (а не богом!), и именно природное начало есть всецело определяющая сила творения. Тайна творения жизни от бога передана природе.

Но путь Данте от религиозного, провиденциального объяснения мира и его явлений к естественному объяснению, к натурализму был не прям и не легкий. Вот его героями пройдено Чистилище, дальше – Земной рай. Но его отделяет священный поток. По ту сторону потока – Беатриче,

Так речь ко мне направив острием (Ч., XXXI, 2),

уличает Данте в его неправовверных сомнениях, настаивает на его признании и покаянии:

«Скажи, скажи, права ли я! Признаний
Мои улики требуют во всем» (там же, 5-6).

Данте испытывает «внутренние терзания» и потом, сквозь слезы, признается:

..... Обманчиво маня,
Мои шаги влекла тщета земная,
Когда ваш облик скрылся от меня (там же, 34-36).

Что речь идет о светском знании, о философии, уводящей от канонов религии, явствует из слов Беатриче:

«..... Таясь иль отрицая,
Ты обмануть не мог бы Судию.
.....
Но если кто признал вину свою...» (там же, 37-40),

тот может рассчитывать на прощение. И все же Беатриче стыдит Данте как заблудшего (см.: Там же, 43-44).

В космическом полете Беатриче поучает Данте:

«Брат! Ангелы и чистая страна,
Где ты сейчас, – я так бы изложила, –
В их совершенстве созданы сполна.

А те стихии, что ты назвал было,
И сложенное ими естество,
Образовала созданная сила.

Сотворены само их вещество
И сила тех творящих излучений,
Что льют светила, движась вокруг него.

Душа животных и душа растений
Из свойственной среды извлечены
Лучами и движеньем звездной сени» (Р., VII, 130-141).

Итак, в поэме Данте ищет объяснения сущего в действии природных сил – стихий. Беатриче, напротив, уверяет, что все создано Творцом, а не стихиями природы, которая сама есть «созданная сила». Но и сама теология сбивается с позиций креационизма. Оказывается, души (жизнь) животных и растений извлечены из их естественной среды лучами и движеньем звезд, каковые ведь тоже составляют часть природы. Ясно, кто в сознании Данте, да и в какой-то мере в сознании его мыслящих современников, природа все больше начинает отделяться от бога. В Раю блаженная Пиккарда, восхваляя божью волю, утверждает, что в ней стекается все:

«...Все, что творит она (т. е. божья воля. – С. С.),
И все, что создано трудом природы» (Р., III, 86-87).

Природа оказывается, если не равновеликой божеству, то во всяком случае самостоятельной творческой силой мира.

В полете Данте и Беатриче к Венере их спутник, блаженный Карл-Мартелл Анжуйский (XII век), развивает мысль о том, что способности людей различны от природы и каждый должен служить обществу, так сказать, на своем месте, независимо от его генеалогии.

«В одном родится Ксеркс, в другом – Солон,
В ином – Мельхиседек, в ином – родитель
Того, кто пал, на крыльях вознесен» (Дедал) (Р., VIII, 124-126).

Это еще одно проявление дантовского, в сущности гуманистического, антисловного индивидуализма.

И далее Карл-Мартелл продолжает: качества человека зависят от природы, а не от родовитости. Здесь уже природа выступает как отрицание феодальной мерки достоинства

человека по «знатности» его происхождения (Данте не важно, что сам Карл-Мартелл происходил из Анжуйского королевского рода):

«Круговорот природы, впечатлитель

Мирского воска (17*), свой блюдет устав

Но он не поглядит, где чья обитель» (Р., VIII, 127-129).

И задатки и законы природы должны быть компасом не только для личности, но и для всего общества.

И каждый человек, и общество должны следовать законам, задаткам, требованиям природы. Вот путь улучшения мира. «Божий почин», о котором было упомянул Карл-Мартелл, совершенно забыт. Данте и здесь прибегнул к излюбленному приему: и для оживления текста (диалог вместо монолога) он часть своих мыслей (вместо Данте-героя) передавал устами других персонажей, прототипы которых были ему духовно близки и на земле пользовались авторитетом, как тот же Карл-Мартелл Анжуйский, рано умерший и в «блаженные» произведенный, вероятнее всего, самим Данте.

Данте, устами Карла-Мартелла Анжуйского, продолжал, переходя к политическим вопросам:

«Вы тащите к церковному елею

Такого, кто родился меч нести,

А царство отдаете казнодею (18*);

И так ваш след сбивается с пути» (Р., VIII, 145-148).

Иными словами, место человека в обществе должно определяться не его происхождением, знатностью, а его природными способностями.

Позволим себе повториться:

«И мир основы обзрев,

Внедренные природой, шел за нею,

Он стал бы лучше, в людях преуспев» (там же, 142-144).

Вывод ясен: политика должна согласовываться с природой, с людьми, с их способностями и моральными данными, а не со знатностью и т. п. Типичный гуманистическо-индивидуалистический подход: чтобы было хорошее управление, нужно воспитывать и отбирать лучших правителей, независимо от их сословий и «знатности».

Правда, в этот дантовский натурализм в устах Карла-Мартелла Анжуйского врывается спиритуалистическая нота:

«Рожденная природа заедино

С рождающими шла бы их путем,

Когда б не сила божьего почина» (там же, 133-135).

Но примечательно: бог уже выступает не как созидаящая, а как внешняя сила, вмешивающаяся в союз человека с природой и нарушающая его. Природа, в сознании Данте, еще не вполне одолела Провидение, но уже начинает его одолевать.

Данте горячо любил природу и ее творящую силу, ее творения. Где бы он ни был, он подмечал и радовался не только птицам, цветам, но и зеленому ростку среди скудной пустоши. И не только на Земле. Его герой, оказавшись (пусть в своей фантазии) в бесплодном Чистилище, своим метким и любовным оком подметил уголок, заросший травой и ароматными цветами.

«Природа здесь не только расцветала,

Но как бы некий неспостижный сплав

Из сотен ароматов создавала» (Ч., VII, 79-81).

Оказывается, и в потусторонних владениях природа являет свою творческую силу.

Примечательно, что бог даже не упомянут. При всем, казалось бы, соблюдении правоверной мифологии Данте производит реабилитацию природы (ликующая природа!), земной красоты и даже человеческой плоти: «драгоценное тело».

Природа – загадка. Но она же – и учитель. Вникни в ее уроки. Не ищи разгадок в вымышленном мире вне естества. Упорно, снова и снова, разумом и опытом вопрошай природу, и она «с холма на холм» раскроет тебе новые и новые свои тайны.

Натурализм побеждал.

Более того, он начинал прокладывать себе дорогу и в социально-политической сфере. Еще не порывая последовательно с религией, он выливался в различные формы пантеизма.

17* В оригинале *sega mortal*, что по контексту (ст. 124-126, 130-132), видимо, точнее было бы перевести «воска смертных» или «человеческого воска». Речь идет о зависимости человеческой личности от того, что заложила в нее природа, а не от рода («чья обитель»).

18* Имеется в виду неаполитанский король Роберт (XIV в.), страстно любивший писать проповеди (написал около 300). Думается, в переводе вместо непонятого слова «казнодею» лучше бы поставить «пустомеле» или «пустодею».

БЕЗ СТРАХА БОЖИЯ

Чувство страха вовсе не было чуждо главному герою «Комедии». Поэта охватывает страх при чтении роковой надписи на воротах Ада. Его охватывает ужас, когда он слышит рассказ Франчески да Римини, видит ее общую с Паоло муку (хотя здесь больше человеколюбия, чем страха). Он ужасается (хотя и здесь больше человеческой боли, чем страха), видя как вывернуты назад головы у наказуемых прорицателей. Данте не корчит из себя героя и не стыдится признать, что напуган, даже охвачен ужасом, – после рассказа Франчески он падает в обморок.

Однако, как ни странно, священная формула «страх божий» мелькает в поэме только один раз. Наблюдая переправу грешных душ в лодке через Ахерон на адский берег, герой поэмы предрекает эту роковую процедуру всем, «в ком божий страх угас» (А. III, 106-108).

Как же это понимать? Да испытывал ли Данте страх божий, обязательный для всякого верующего?

Если вдуматься, о каком страхе божьем у Данте можно говорить, когда его герой, едва перешагнув порог Ада и никого не спросив, поселяет в свободном от адских мук Лимбе поэтов, ученых, героических полководцев языческой античности и современников, средневековых ученых и мыслителей – иноверцев-мусульман, включая победителя крестоносцев. В дальнейшем, время от времени хваля бога, Данте то и дело осуждает его приговоры и, совершенно минуя бога, причисляет к лику святых симпатичных ему людей, в том числе и отъявленных еретиков. Страху божьего у Данте не было. И только потому он смог создать такую поэму.

УЧЕНИК ЭПИКУРЕЙЦЕВ

Мировоззрение Данте сложно, и, чтобы получить о нем сколько-то цельное представление, к нему нужно подходить с разных сторон. В шестом круге Ада, проникнув в цитадель Преисподней город Дит, Данте и Вергилий выходят на поле открытых саркофагов, раскаленных огнем, из которых слышатся стоны. Вергилий поясняет, что здесь мучаются ересиархи и их ученики-еретики, их здесь много в глубине земли (см.: А., IX, 100-133). Вергилий продолжает:

«Здесь кладбище для веривших когда-то,
Как Эпикур и все, кто вместе с ним,
Что души с плотью гибнут без возврата» (А., X, 13-15).

Очевидно: еретики-эпикурейцы живо интересуют Данте. Но ведь это вопрос о возможности самого существования Ада, да и всего потустороннего царства, существования которого эпикурейцы не признавали!

Но еще примечательнее продолжение речи Вергилия: Вергилий спросил Данте: что его встревожило? Данте ответил ему, но ответ поэт от читателя утаил. Ответ был таков, что Вергилий его предостерег:

«Храни, как слышал, правду роковую
Твоей судьбы» (А., X, 122-126).

Все это убеждает, что Данте был близок к эпикурейскому отрицанию загробной жизни души и, значит, самого загробного мира. Ему было о чем тревожиться и что умалчивать – не только в вымышленном потустороннем мире, но и в мире реальном – на земле.

Невесел и многозначителен ответ Данте Вергилию:

«Мой добрый вождь, иное слово
Я берегу, в душе его храня,
Чтоб заповедь твою блюсти сурово» (А., X, 19-21).

Таковы отдельные штрихи той исторической обстановки, в которой писалась «священная» «Комедия». Можно ли правильно понять ее, раскрыть пронизывающие ее противоречия, игнорируя эти редкие, но тем более драгоценные признания поэта?

И как тут не вспомнить, не сопоставить написанные лет через 40–50 горькие строки из письма Петрарки к другу, видимо, в ответ на его предостережения: «Умалчивать я уже научился, научусь и вычеркивать... Быть может, меня еще несколько лет потерпят среди живых...»

А «заповедь» Вергилия, видимо, следует понимать шире, вспомнив его стремительные, энергичные действия по сокрытию лица Данте от глаз Горгоны. И снова, и снова:

«О вы, разумные, взгляните сами,
И всякий наставленья да поймет,
Сокрытое под странными стихами!»

Среди «странных стихов» специально следует обратить внимание и на такие:

«Здесь ты найдешь ответ речам твоим
И утоленья помысла другого,
Который в сердце у тебя таим» (А., X, 16-18).

Иные комментаторы полагают, что под «утоленьем помысла другого» Вергилий подразумевает желание Данте встретиться с Фаринатой дельи Уберти. Но почему этот помысел должен был «в сердце у тебя таим»? Ведь еще в VI песни Ада Данте без всякой утайки спрашивал Чакко, где находятся те выдающиеся, славнейшие флорентийцы, «чей разум правдой был богат?». Он называет пять (видимо, наиболее им уважаемых) имен, среди них – и Фаринату. Так что же поэту приходилось «таить в сердце»? Очевидно, то главное, что объединяло названных людей и что вызывало симпатии к ним Данте (хотя политически они могли принадлежать к противоположным лагерям), симпатии поэта к ним как философам.

Судя по поведению Фаринаты в Аду и по его беседе с Данте, а также по короткому разговору поэта с Кавальканте Кавальканти (отцом Гвидо Кавальканти) – это были члены кружка образованных эпикурейцев, который сложился во Флоренции в XIII веке, чьи воззрения, очевидно, разделял и Данте, раз, как он говорит, их «разум правдой был богат». Поэт даже допускает, что этих еретических мыслителей (или, по крайней мере, кого-нибудь из них) следует искать не в Аду, а в Раю:

«Их нежит небо или травит Ад?» (А., VI, 84).

Так что было что «таить в сердце». Тогда становится понятным, почему слова Фаринаты

«... Здесь больше тысячи во рву;

И Федерик Второй лег в яму эту,

И кардинал ; лишь этих назову» (А., X, 118-120).

повергают Данте «в тревогу от угроз» (А., X, 122).

Не в благодушно-розовой, безоблачной атмосфере рождалось гуманистическое мировоззрение, пробивая себе дорогу к Ренессансу.

НА ПУТИ К СВОБОДОМЫСЛИЮ

«Я вышел пред зарей...» (Ч., VIII, 58).

Сложен был путь Данте от критики официального правоверия к религиозному скептицизму и начаткам натурализма, к утверждению свободы человеческой воли и человеческих убеждений, добытых разумом, знаниями и опытом, к начаткам ренессансного индивидуализма. Несомненно, путь этот начался раньше «Комедии» – в его талантливых, смелых, ярких трактатах. Они содержали глубокие идеи для решения ряда важных вопросов жизни общества... Но, очевидно, автор почувствовал потребность постановки общественных проблем в более широких масштабах.

Непрост был скачок ума и таланта поэта от ранних (ярких!) трактатов к грандиозной «Комедии», от первых сомнений к пантеизму, к осознанию ценности свободной человеческой личности. Все это требовало преодоления еще не вполне изжитых, старых, религиозно-догматических представлений и методов мышления. Естественно поэтому, что «Комедия» полна глубоких противоречий. Чтобы ее правильно понять, нужно раскрыть борющиеся в ней импульсы и порывы и выявить ведущие тенденции, которыми, в конечном счете, и определяется историческое – не только поэтическое, но прежде всего идейное и общественное значение произведения.

Факты свидетельствуют, что, зачиная своей грандиозной поэмой итальянское Возрождение, Данте никому не подражал (да и подражать было некому). Новое создавала и диктовала жизнь. И оно рождалось не в мелких поправочках к старому, не в деталях, а в исполинских творениях, какие не охватишь глазом.

Несомненно, автор идейно уже достаточно созрел для решения колоссальной задачи, которую он отважился на себя взять. Но выступить открытым фронтом против старых, изживших себя идеалов, открыто развернуть новые нравственные принципы человека и его новые воззрения на мир и на самого себя было невозможно (уже во Флоренции в ходе политической борьбы Данте был осужден на сожжение). И поэт, во многом вставший на гуманистические позиции, избирает иной, очень трудный путь. Не отвергая канонического мирозерцания, освященного именем бога, Данте, признавая свои сомнения и, быть может, заблуждения, взваливает на свои плечи невероятную задачу: обойти все три части христианского «загробного царства» – Ад, Чистилище и Рай, дабы найти пути исправления земных порядков.

Решение это далось поэту нелегко.

Это очевидно из поведения его героя. Уже тогда, когда вопрос о путешествии в загробное царство вместе с Вергилием был решен, Данте охватывает страх, что он обезумеет от того, что там увидит. Он готов отказаться от смелого замысла, но он сам же, его разум, персонифицированный в Вергилии, решительно отводит робость и страх:

«Нельзя, чтоб страх повелевал уму;
Иначе мы отходим от свершений,
Как зверь, когда мерещится ему» (А., II, 46-48).

Достаточно выразительная терцина: страх – препятствие к действию; там, где разум принял решение, для страха не должно оставаться места. Но, кроме того, последняя строка содержит в себе намек: страх, который охватил было Данте, – призрачный страх, ужасы подземного мира лишь мерещатся ему. Сравнение со зверем выводит страх за пределы человеческого. Ведь свободомыслие и начинается с освобождения от «страха божия». Данте совершил это фантастическое путешествие, время от времени воздавая хвалу богу, но при этом перемежая ее с упреками, с самовольным изменением предусмотренных христианско-церковной догматикой наказаний, с настоятельными призывами к богу устранить на Земле царящие зло и несправедливость. Жарче всего Данте нападает на прогнившую в роскоши церковь, ставшую «Вавилонской блудницей». Очень часто эта критика звучит из уст Вергилия, своевольно санкционированной поэтом мирянки Беатриче и даже пребывающих в Раю святых, например, Бонавентуры. Почти незаметно, методом «подстановки», Данте вводит в Рай нескольких известных еретиков: как было показано, наряду с Сигером Брабантским в Раю оказывается и Иоахим Флорский, чье хилиастическое пророчество о скором «божьем вихре», который очистит землю от зла и установит эру Св. духа – царство мира и правды на Земле, пришлось по душе поэту. И его главный герой, и Беатриче не раз восторженно приветствуют эти пророчества.

Данте отлично понимал, что он идет по лезвию ножа. В поэме пращур Каччагвиды предупреждает потомка-поэта о грозящих ему опасностях. Данте старался быть максимально осторожным, постоянно прибегал к иносказаниям, «к странным стихам», к едва прикрытой (а иногда – и к тщательно закамуфлированной) иронии, но от своих идей не отступал.

Данте хорошо запомнил слова Карла-Мартелла Анжуйского:

«Тех, чьи дела величьем пресловуты,
Вторая жизнь за первой ждет» (Р., IX, 41-42).

И он не сомневался, что его будут читать и через столетия. Но он знал, как непросто дается эта слава. Напомним заключительную терцину знаменитого разговора поэта с его пращуром Каччагвидой:

«А если с правдой побоюсь дружить,
То среди людей, которые бы звали
Наш век старинным, вряд ли буду жить» (Р., XVII, 106-120).

Мысль Данте обращена в будущее. Это очень ярко проявилось в выдвижении поэтом идеи веротерпимости, крайне актуальной в то время и, к сожалению, не потерявшей своей актуальности и поныне. Данте горячо отстаивал эту идею в борьбе с церковно-ретроградными силами и даже своей волей частично осуществил ее в потустороннем царстве бога. Он был убежден, что эта великая идея в близком будущем победит и на Земле,

«уравновешивало» (или, точнее, оправдывало) беспросветность земного бытия еще худшими муками после смерти. Нужно было во всеуслышание осудить зло вымышленного загробного мира, чтобы еще решительнее осудить жизнь, питающуюся злом. Нужна была правда. Ее-то, под покровом сказочного вымысла, Данте и показал людям как реальность их повседневной жизни.

Так пером бесстрашного поэта пробивал себе дорогу наступающий Ренессанс. Как Данте обещал своему пращуру Каччагвиде, он «дружил с правдой», хотя отлично понимал, что его правдивая, значит, непременно критическая позиция придется не по вкусу многим «хозяевам жизни».

Это, при всей ее значимости, только одна сторона великого творения Данте. Она не должна заслонить второй, очень важной стороны. На мрачном, в сущности трагическом фоне Данте изваял чарующие даже в их бедствиях, такие светлые образы, как Франческа да Римини, таких негибавших богоборцев, как Фарината дельи Уберти, такого провозвестника близкого Возрождения, неудержимого поборника знания, бесстрашно рвущегося к новым открытиям, как негибавший Улисс. В поэме Данте едва ли не впервые в европейской литературе Ренессанса реализм выступает не только как критическая сила, но и как сила созидательная и вдохновляющая

ТОРЖЕСТВО РЕАЛИЗМА

Содержание поэмы Данте образует вымышленное путешествие автора по фантастическому «загробному миру» – по Аду, Чистилищу и Раю – областям мифологическим, чуждым реальности. К чему стремился автор? Может быть, он хотел увести сознание читателя в мистический мир «потустороннего»? Конечно, так может легко показаться, если скользить по поверхности строк. Но если вдуматься?

Поэт сам дал достаточно ясный ответ на этот вопрос. Когда на «возвратном пути» Данте приближается к Земле, он признает, что чувствует себя как человек, который просыпается после долгого сна, и что его фантазия иссякла. И вот он снова на Земле, в небе над которой ходят привычные светила. Данте воспользовался общепринятой мифологией той эпохи и того общества, в котором он жил, как общепонятным фоном, как особой средой, вынесенной за пределы повседневности, где он мог шире и свободней развернуть панораму общественно-политической жизни Италии, да и всей почти Европы его времени, и свободней развернуть свою критику.

Фантастическую «небесную» форму Данте наполнил реальным содержанием. В Аду, в его обитателях, в их поступках и взглядах как бы сфокусированы те пороки, которые постоянно терзают жизнь людей на земле: жадность, ревность, зависть, обман, жестокость, предательство, властолюбие, тирания, безжалостность, убийства, разжигание раздоров и войн. Эти пороки не выдуманы поэтом, не декларируются абстрактно –они воплощены в конкретных людях и в их конкретных злодеяниях. В итоге у читателя складывалась цельная, очень близкая к жизни, реалистическая волнующая картина общественных и нравственных отношений в Италии, и не только Италии.

На протяжении «Комедии» реализм неоднозначен. Наиболее ярко и полно он проявляет себя в Аду, персонажи, ситуации и ориентация которого более, чем где-либо, близки к реальной действительности современной Данте Италии, да и Западной Европы той эпохи. Реализм ярко проявляется не только в изображении того, что отвергается поэтом, но и в том, что, осужденное богом, восславляется поэтом: античные и даже мусульманские поэты, мудрецы, смелые реформаторы, отважные и благородные полководцы, неутомимые искатели знания, открыватели новых земель.

Реализм проявляется и в Чистилище, хотя слабее и, главным образом, косвенно – через речи отдельных лиц. Но не только. Бесконечное, гнетущее душу шествие людей, сверх всяких сил несущих на своих плечах и головах неподъемные глыбы дикого камня, – словно символическое воплощение земной жизни рядовых, бедных людей феодальной эпохи. Символично, но как будто вырвано из самой жизни. Меньше всего реализма в Раю. Отдельные, порою весьма выразительные штрихи, живописующие жалкий упадок и отталкивающее разложение церкви, прорываются и здесь в речах церковных святителей, например мистика Бонавентуры, или такого прожженного предателя и кровопийцы, как Фульк Марсельский. Но в целом преобладает абстрактно-фантастическое, декларативно-холодное изображение бессодержательного «райского блаженства», абсолютно чуждого реальной действительности.

Однако и сюда врывается протест против ожирения и разложения церкви – в речах отдельных святителей и даже в оглушительных криках возмущения негодующих блаженных (хотя их статус не допускает никаких проявлений гневливости), в их требованиях решительного вмешательства бога в несправедливые порядки на Земле, а, как рассказывает Данте, обитатели Рая собираются для этого толпами.

Но Рай, утопающий в своей фееричности, остается наиболее холодной и бледной частью поэмы. И это не удивительно: церковной ортодоксией Рай намеренно помещен дальше всего от Земли, от живых людей, от их проблем, от их страданий и стремлений; блаженные поставлены в условия полной беззаботности, а безусловное подчинение божьей воле (это первейшая обязанность блаженных) обезличивает их. Правда, как свидетельствует Данте, ветры возмущения с далекой земли все больше долетают и до них, и порой даже в этой, привилегированной среде пробуждают громopodobные общие крики протеста.

Напротив, Ад ближе к мирской действительности – и, так сказать, «географически», и по «содержанию». Он ближе и понятнее людям. Он сфокусированное зеркало земной жизни – человеческой жестокости, страданий и исканий. Вот почему здесь художественный гений Данте творит с максимальной выразительностью. Вот почему, как это ни парадоксально, именно Ад (частично к этому примыкает и Чистилище) является и «оптическим» и этическим (пусть по принципу «наоборот») центром «Комедии». Именно в Аду Данте почерпал (создал!) ту поразительную галерею человеческих (изуродованно-человеческих) типов, которые и ужасают, и отталкивают, и, как ни странно, как ни дико на первый взгляд,

воспитывают, – да, своим отталкивающим примером – воспитывают, порождают в душе неодолимое отвращение ко злу и несправедливости в любом их проявлении.

Такой широчайшей и такой осязаемо конкретной картины зла и несправедливости, затопивших средневековую Италию, – да, можно сказать, и всю Европу, – до Данте еще не создавал никто. Никто до Данте и не пытался так широко и так до боли правдиво, на конкретных фактах показать людям ужас той жизни, которой они живут. Бесстрашно подняв занавес вымышленного «загробного мира», великий поэт показал людям горькую правду их реальной жизни. Так, сбрасывая пеленки общепринятых вымышленных сказок, рождался могучий, необоримый реализм.

И это был реализм не пассивный, не описательный, а новый – активный, гуманистический реализм, звавший за собой, побуждающий человека непрерывными нравственными усилиями и творческой деятельностью пробуждать в себе Человека.

СОК ЗАМЫСЛА

После переворота 1301–1302 гг., когда «черные гвельфы» захватили власть во Флоренции, а «белые гвельфы» подверглись репрессиям, Данте был занесен в список лиц, подлежащих изгнанию (его в это время не было в городе). Дом его был разрушен. А вскоре к этому приговору был добавлен новый (столь же необоснованный): в случае возвращения во Флоренцию Данте подлежит сожжению. Данте сделался скитальцем. Ему пришлось узнать

«...Как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням» (Р., XVII, 58-60).

Но нашлись люди. Первыми пригласили и приютили поэта правители Вероны (в Ломбардии, синьоры делла Скала). А затем – и графы Полента, правившие в Равенне. Гвидо да Полента был племянником Франчески да Римини.

В Вероне Данте особенно близко, дружески сошелся с ее правителем Кан Гранде делла Скала. Тот просил поэта присылать ему для прочтения каждую новонаписанную главу («песнь») «Комедии». Данте, проживавший тогда в Равенне, прислал правителю Вероны последнюю песнь «Рая», замыкающую «Комедию», и просил высказать свое мнение. Кан Гранде ответил примерно так: песнь хороша, как очень хороша и вся поэма, но скажи мне, в чем смысл всей «Комедии», для чего ты ее написал?

И Данте ответил кратко, но достаточно определенно: цель произведения «вырвать живущих в этой жизни из состояния бедствия и привести к состоянию счастья».

В научной литературе неоднократно подлинность этой переписки ставилась под сомнение. На наш взгляд, убедительных показаний для таких сомнений не существует, а при гиперкритическом подходе в подложности может быть заподозрена по крайней мере половина исторических документов и переписки Средневековья.

Но допустим, что такой переписки не существовало, и, главное, Данте не писал такого ответа. Так что ж? Он уже ответил на этот вопрос. – В своей «Комедии». Она писалась не для развлечения публики и не для того, чтобы затемнить сознание людей мистическими сказками и тем отвлечь их от насущных проблем жизни, как раз наоборот. В новой,

непривычной форме Данте стремился пробудить человеческое сознание, показать людям правду их жизни. Писать правду никогда не легко, порою просто опасно. Но необходимо. Это подвиг. И этот подвиг на заре XIV века совершил Данте.

Вчитайтесь, вдумайтесь в слова Каччагвиды, умудренного жизнью пращура автора «Комедии», по поводу труда его великого потомка:

«...Кто совесть запятнал
Своей или чужой постыдной славой,
Тот слов твоих почувствует ужал.

И все-таки, без всякой лжи лукавой,
Все, что ты видел, объяви сполна,
И пусть скребется, если кто лишавый!
Пусть речь твоя покажется дурна
На первый вкус и ляжет горьким гнетом, –
Усвоясь, жизнь оздоровит она» (Р., XVII, 121-152).

Вот, значит, к чему стремился, во имя чего неустанно работал поэт. Ужасающие пропасти Ада, полные жутких пыток, мучительная истома Чистилища, феерически радужный Рай, полный «блаженных», но лишенный людей – человеческих личностей с их стремлениями, волей, жаждой знания, людей, совершающих открытия, в сущности, пустой Рай – все это так непохоже на земную жизнь. Но, если вдуматься...

В девятом круге Ада (Коцит), где казнятся предатели, обманувшие доверившихся им, граф Уголино, возглавлявший Пизанскую республику, с остервенением грызет затылок пизанского архиепископа Руджиери.

Как хлеб грызет голодный, стерженя,
Так верхний зубы нижнему вонзал
Туда, где мозг смыкаются и шея (А., XXXII, 127-129).

Ужасно и отвратительно. Но – на то ведь и Ад. А что произошло в действительности? Выше уже была рассказана жуткая трагедия «Голодной башни», где по воле пизанского архиепископа абсолютным голодом были умерщвлены доведенные до каннибализма граф Уголино, два его сына и два его внука (самые младшие).

Естественно, возникает вопрос: что же ужасней: адское наказание (грызение затылка предателя) или то немислимое, что совершилось на самом деле, на реальной земле, в «Голодной башне»? Думается, ответ ясен. Тогда ясен ответ и на другой вопрос: чего же хотел достичь автор «Комедии» своим загробным репортажем? – Данте хотел, чтобы люди, его современники, поняли, что они живут в Аду и что дальше так жить нельзя.

Через два столетия, уже на вершине Ренессанса, великий Леонардо воскликнет: «О жалкие люди, раскройте же ваши глаза!»

Данте, с помощью своего фантастического путешествия; «возвысился над повседневной былью» (А. II, 105), для того чтобы оттуда, из потусторонья, яснее и убедительнее показать людям всю нетерпимость их наличного жизненного положения и помочь им выйти из него. Вот куда уходят глубокие корни дантовского реализма, и вот что в кратких, но емких словах автор «Комедии» выразил в своем лаконичном ответе на письмо Кан Гранде делла Скала.

На все тот же сакраментальный вопрос: зачем это писалось? – Данте, устами Беатриче, дал четкий ответ в тексте Комедии:

«Для пользы мира, где добро гонимо,
.....
Все опиши, что взору было зримо» (Ч., XXXII, 103-105).

Обратим внимание: автор не замечает, что, говоря это, его Беатриче нарушает свою «святую» отрешенность от мира, что и в Земном раю она помышляет о благе земного, человеческого мира. Потому что автор эпопеи, от начала до конца, остается посясторонним, земным человеком, страждущим страданиями человечества и мучительно ищущим избавления людей Земли от их бедствий.

И свое путешествие по загробью, по тайным областям бога, путешествие фантастическое, но далеко не безопасное, Данте совершил не из праздного любопытства, а для того, чтобы глубже раскрыть наиболее острые проблемы земного бытия человечества. И очень верно ответил на вопрос Кана Гранде.

ФАНТАЗИЯ

Подходя к завершению своей поэмы, Данте пишет:

Но мчится время сна, и здесь пристало
Поставить точку... (Р., XXXII, 139-140).

Поэт признает, что все странствия по загробью, полеты в небесах и на планеты, встречи с плохими – и с хорошими людьми прошлых времен – все это сон. О себе он говорит как о человеке, который только что видел сон, видение (Р., XXX, 58-63). Заканчивая «Комедию», Данте прямо говорит о фантастичности его путешествия и тех картин, какие смело и необычайно ярко изобразило его воображение: «Здесь истощилась сила моей высокой фантазии» (*fantasia*) (см.: Р., XXXIII, 142). – У переводчика, великолепного переводчика, это выражено гораздо поэтичнее, но, к сожалению, почему-то выпало слово «фантазия», очень важное слово оригинала.

И поэт круто поворачивает к реальной действительности, которая влечет его к себе неудержимо:

Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан ровный ход,
Любовь (19*), что движет солнце и светила (Р., XXIII, 143-145).

Любовь здесь – не обозначение бога, а того неведомого, что потом осмыслят научно и назовут «законом всемирного тяготения», что взаимно связывает небесные тела и придает им гармонию их движения.

Именно к ней – к Земле рвется неутолимая страсть (*desio*) Данте. И в страшных пропастях Ада, и карабкаясь по откосам Чистилища, и ослепляемый феерией Рая, он ни на минуту не забывал о Земле и о нелепой и несправедливой жизни на этой родной, милой планете («милый мир!»). Именно во имя нее и блага ее жителей – человечества он отправился в свое фантастическое, опасное, но вместе с тем очень правдивое путешествие и теперь, отлично зная, как тут, на Земле, несладко, счастлив на эту планету вернуться. Ведь выход из Ада, потом из Чистилища и, наконец, из Рая поэт заканчивает почти одними и теми же словами. Он счастлив вновь узреть светила, которые видны с Земли и, как тогда думали, вращаются вокруг нее.

19* В оригинале «любовь» (*amore*) – со строчной буквы, т. е. речь идет не о боге.

КТО ЖЕ ГЕРОЙ ПОЭМЫ?

В таком сложном, многогранном произведении, как «Комедия» Данте, поэме, охватывающей и Землю, и Небо, ответить на этот вопрос не так-то просто. Бог? Но он как лицо, как персона на сцене не появляется. Святители, известные церковные деятели XII-XIII веков появляются эпизодически, рассказывают о своих заслугах перед церковью, временами современную церковь подвергают нелицеприятной критике; иногда даже призывают бога покончить с происходящим безобразием; иногда выступают в роли путеводителей Данте, но – не более того. Кто же тогда?

Остаются люди. В Раю их, собственно, нет. Там – святые или сверхсвятые, они выше простых человеческих разговоров. Затем это множество просто «блаженных», которые либо поют, либо танцуют и кувыркаются в радужных переливах феерического многоцветья. Ни в прямом, ни в переносном смысле героев здесь нет. В Раю – одна выразительная человеческая личность – Каччагвида. Но она почти целиком поглощена восхвалением прошлого родной Флоренции и сожалением об ее упадке. Но пращур поэта высоко ценит вдохновенное творение своего гениального потомка, понимает силу и общественное значение «Комедии» и дает Данте мудрые советы осторожности.

Несколько больше дает Чистилище, где можно встретить единичных людей с вовсе не безликими биографиями, может быть, даже умных людей. Но они либо поглощены карабканием на высокую гору, либо задыхаются под непосильной тяжестью глыб дикого камня, которые обязаны перетаскивать с места на место. Они – терпят.

Стражи божьего всевластия, нерушимого провиденциализма упрятали в Чистилище одного из умнейших политиков эпохи – знаменитого Марко Ломбардо. Данте с горячим сочувствием воспринял и пренебрежительное отношение Марка к астрологии, и его честный и глубокий ответ на недоумения поэта:

«И если мир шатается сейчас,
Причиной – вы!.....»

.....
На то и нужен, как узда, закон» (Ч., XVI, 82-83, 94).

Но где же путь к этому закону? Кто его установит?

Людей больше всего в Аду. Разумеется, это в основном преступники: убийцы, грабители, разжигатели раздоров и войн, обманщики, интриганы, лихоимцы, святокупцы и другая подобная публика.

Есть в Аду и хорошие люди, например, Франческа и Паоло. Но это – жертвы, не борцы.

Быть может, Брунетто Латини? Но он со своим «Сокровищем» (Сводом научных сведений XII века) остался лишь выразительным реликтом ушедшего «Возрождения XII столетия».

Есть в Аду и другая категория наказуемых – это те, кто непослушен божьей воле, позволяет себе сомневаться в богодухновенных истинах Писания, мыслить по-своему и даже отрицать непреложные истины веры.

Вот Фарината дельи Уберти, флорентиец. Бесстрашный воин, хотя и гибеллин. Когда приглашенные гибеллинами немецкие рыцари, будучи не в силах истребить своемыслие и свободомыслие флорентийцев, предложили вообще уничтожить Флоренцию, стереть ее с лица земли, Фарината в полном рыцарском вооружении, шагнув вперед, сказал: «Первый,

кто попытается это сделать, будет, прежде всего, иметь дело со мной». И ни одна рука не шелохнулась. Фарината спас Флоренцию.

Но Фарината был эпикурейцем. Во Флоренции в XII–XIII веках сложился кружок эпикурейцев, которые отрицали бессмертие и утверждали: умирает тело – умирает и душа. Фарината отрицал существование загробного мира. А потому, как утверждала церковь, после смерти Фарината был отправлен в Ад и навеки брошен в пылающую яму. Но и там он отказывался признать существование Преисподней. Огромным усилием приподняв тяжелую каменную крышку своего огненного саркофага,

...он, и чело и грудь вздымая властно,
Казалось, Ад с презреньем озирает (А., X, 35-36).

Это уже мятежное отрицание божьего приговора. Пусть навеки закроется его огненная яма!

Да, приговор божьего суда страшен. Но какова воля человека, разум которого говорит ясно: никакой преисподней не существует, ад – это только вымысел. Разум сильнее религиозных вымыслов. Перед нами руководимый разумом герой. И Данте восхищается Фаринатой.

От языческого Зевса христианский бог унаследовал немало узников Ада, казнимых за противодействие божьей воле. Среди них – Капаней – один из семи древних царей, осаждавших против воли Зевса город Фивы. Взобравшись на крепостную стену и считая себя победителем, Капаней бросил гордый вызов Зевсу, за что был повержен молнией Зевса. В Аду, под палящим огнем, проливным дождем, Капаней, несмотря на пытки огнем и водой, смеялся над Кронидом и кричал:

«Каким я жил, таким и в смерти буду!» (А., XVI, 51).

Это уже полное пренебрежение волей божества. Более того, это уже явное богоборчество. Божьей воле противопоставлен твердый характер непокорного богу человека.

И, наконец, Улисс. Это тоже мученик Ада, унаследованный христианским богом от того же Зевса, языческого бога. Древние римляне видели в Улиссе (Одиссее) вместе с его другом Диомедом главных виновников падения и разрушения Трои, а в троянцах римляне видели своих предков. Улиссу ставили в вину вовлечение в войну Ахиллеса, что привело к его гибели. Одиссея и Диомеда винили в похищении крупнейшей в Трое статуи Афины-Паллады, которая, как считали, защищала город. Но самым губительным изобретением улиссовой хитрости считалось построение огромного деревянного коня, брюхо которого было набито воинами осаждавших; эта конно-десантная операция и решила исход осады Трои, исход войны. А Улисс, чьими ходатайствами, мы не знаем, вместе с Диомедом оказались в глухих подземельях Аида. Там их оставил и христианский бог. Но теперь уж за новые, непростительные «грехи»: Улиссом овладела неутолимая жажда познания мира. А это уже ересь. Пусть ее уничтожит вечное раскаленное подземелье! Но упрямый в адскую расселину, Улисс продолжает звать людей к доблести, не к животному существованию, а к ненасытной жажде знания, к новым открытиям и победам разума. Речь Улисса – это подлинная кульминация «Комедии» Данте. Это высокая заслуга Алигьери как первого итальянского гуманиста.

Что же касается трансатлантического плавания, то жизнь порою подбрасывает гению такие подсказки, какие только гений умеет правильно понять и оценить. Мало кто знает, что в 1291 году (за 200 лет до Колумба и Васко да Гамы) два генуэзца – братья Вивальди на корабле вышли через Гибралтар в Атлантический океан, поставив задачей открыть морской

путь в Индию, и поплыли на юг вдоль западного берега Африки. Застигнутый сильным штормом, корабль потонул, и в Италии мало кто обратил внимание на этот эпизод.

Данте, очевидно, – обратил. И в этом трагическом эпизоде сумел увидеть искру великих открытий будущего. Ведь, как явствует из той же речи Улисса, Данте смутно предполагал в просторах океана наличие каких-то «новых стран» (А., XXV, 137). Оптимизм не покидал Данта. Открытие Колумба для него не явилось бы неожиданностью.

«ВЫ К ДОБЛЕСТИ И К ЗНАНЬЮ РОЖДЕНЫ»

Вот речь Улисса:

«Ни нежность к сыну, ни перед отцом
Священный страх, ни долг любви спокойной
Близ Пенелопы с радостным челом

Не возмogli смирить мой голод знойный
Изведать мира дальний кругозор
И все, чем дурны люди и достойны.

И я в морской отважился простор,
На малом судне выйдя одиноко
С моей дружиной, верной с давних пор.

Войдя в пролив, в том дальнем месте света,
Где Геркулес воздвиг свои межи,

Чтобы пловец не преступал запрета» (А., XXVI, 94-109).

Но мужество и жажда познания мира оказались сильнее запретов. Однако в «дружине» были и колебания и нерешительность: нарушить запрет, выйти в открытый Океан – не шутка! И тогда Улисс развернул перед соратниками свой знаменитый, хотя и очень краткий, манифест человека и его первейших жизненных обязанностей:

«О братья,.....

Тот малый срок, пока еще не спят

Земные чувства, их остаток скудный
Отдайте постиженью новизны,
Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!
Подумайте о том, чьи вы сыны:
Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанью рождены» (А., XXVI, 112-120).

Малый корабль с его пловцами погиб в бурных волнах Атлантики. Но какая отвага! Какая неутолимая жажда познания! Какое пренебрежение к божьим запретам! Какое провидение будущего!

И какой вдохновенный, уничтожающий ответ на грязный, античеловеческий пасквиль папы Иннокентия III. Это как колокол, призывающий людей к их великому жизненному долгу. Это первый гимн рождающегося гуманизма. Это истинный голос Данте – бесспорно главного героя «Комедии».

ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ «КОМЕДИЯ»?

В своем поэтическом творении Данте не ослабил (для удобства публики) того нечеловеческого напряжения всех духовных сил, какого потребовало от него его фантастическое, но нравственно тяжелое путешествие по избранному им «потустороннему» миру. Перед читателями он развернул широчайшую панораму «загробья», полную физических и нравственных мук, страдания и сострадания, страха, сомнений, гнева и протеста. Вывел на сцену не только отвратительных злодеев, тиранов, предателей и безропотных «рабов божьих», но и смелых искателей правды, свободы и человеческого достоинства и героически бесстрашных богоборцев. Их не много, но они заслоняют толпу раболовных и блаженных своим безволием. Именно эти герои привлекают внимание и симпатии читателя и пробуждают в нем дух, гордость за человека.

Перед нами прежде всего героическая эпопея, которая не может не потрясти читателя. Такова она по своему дерзкому замыслу, по целой плеяде героических образов и, конечно же, по подлинной героичности ее главного героя – ее автора.

И вместе с тем это эпопея сатирическая – бесстрашное осмеяние «волков грызливых» – лицемерных, жадных и преступных «духовных пастырей» эпохи, именем доброго бога хозяйничавших в «стаде овец». А рядом с ними – вереница современных Данте жадных, лживых, бесчестных светских тиранических правителей Италии, да и всей Европы, – такая широкая, критическая, сатирическая политическая панорама средневековой – феодальной Европы, какой до Данте еще не создавал никто. Вот почему эта фантастическая поэма итальянского поэта XIV века знаменует собой первое и великое торжество рождавшегося литературного реализма – реализма Возрождения.

Но почему все-таки Данте назвал свою грандиозную эпопею «Комедией»? Недоумевали и современники поэта, да и до сих пор многие дантологи (быть может, даже большинство), высоко ценя прославленную поэму Данте, не признают литературной правомерности того названия, которое дал своему детищу поэт. Уже в XVIII веке разгорелись и до сих пор не затихают типологические споры: к какому роду литературы должно отнести произведение великого флорентийца? Проницательный критик Гаспар Гоцци видел в поэме Данте сочетание эпоса, трагедии, сатиры и лирики. Но не находил в ней ничего комического. Только трагедия и сатира! Однако разве сатира не включает в себя иронию, насмешки, даже осмеяния? В XIX веке Гегель видел в поэме Данте эпопею, Шеллинг – беспрецедентное смешение всех видов литературы. Но никто не видел в поэме ничего комического, и никто из крупных историков и теоретиков литературы не относит к творению Данте понятие комедии. На Валерия Брюсова поэма Данте производила «трагическое впечатление» – и не без основания, но для комедии здесь места не оставалось. Ромен Роллан, боготворивший Данте, одним из первых увидел органическую связь «Божественной комедии» Данте с «Человеческой комедией» Бальзака. Как отмечает М. А. Тахо-Годи, вслед за Данте Бальзак осмелился показать комедию или трагикомедию человеческой жизни (20*).

И в самом деле: провалы и пропасти Ада, полные крови жертв тиранических правителей; другие – полные никогда не оттаивающего льда или вечно пылающего пламени, люди (души), замороженные под коркой льда, души в вечно пылающих саркофагах, души, пронизанные змеями и превращаемые в пепел и вновь превращенные в тела, люди с повернутыми назад головами, шествующие ягодицами вперед. Ужас. И – ни одного комического эпизода. И – не только в Аду. В Чистилище сердце сжимается при воображении толп людей, обязанных постоянно переносить с места на место, на голове и на плечах, огромные, совершенно непосильные для человека камни.

В Раю нет мук, «там только мир, покой и любовь». Но какие гневные, обличительные речи по адресу церкви, папства и мирской неправды! Какие призывы-требования к богу исправить прогнившую церковь, обрушиться на мирскую несправедливость! Обличают известнейшие святые церкви. Их речи подхватывают огромные толпы блаженных, так что Данте, как он пишет, едва не упал и едва не оглох... И – ни йоты смеха.

Так где же комедия? Данте отмалчивался. И, наконец, ответил: в определении литературной классификации своего произведения он исходил из классической (античной) схемы: трагедия должна быть написана «высоким» (громоподобным) стилем, – этого, по мнению Данте, у него нет. Значит, не трагедия. Комедия, по классическим принципам, пишется в «низком» (бытовом?) стиле; этого у Данте, правда, тоже не много, почти нет. Поэма написана, по мнению ее автора, в «среднем» стиле, а потому вернее всего отнести поэму к «среднему» стилю, и значит, к комедиям. Не всех это удовлетворило, но ведь у поэмы счастливый, во всяком случае, спокойный конец.

Нам трудно с этим согласиться. Пусть классическую трагедию Нового времени создаст только Шекспир, то, что создал Данте, несомненно, тоже трагедия, трагедия другого типа и масштабности, но трагедия, если угодно – еще более трагическая, чем последующие, классические. Здесь еще нет глубочайшего психологизма Гамлета, но Данте развернул перед читателями потрясающую картину трагедии европейского человечества, картину, заставляющую мыслить и понять трагизм положения человека в тираническом феодально-церковном обществе и трагизм развития человеческого общества в данную эпоху исторического развития, трагизм совесть раздирающего противоречия между благами «небесными» идеалами любви, братства и гармонии и ужасом «реализации» этих идеалов. Великая заслуга Данте перед человечеством состоит в том, что он показал флорентийцам, итальянцам, всему человечеству, что они живут в Аду.

Беатриче однажды в Раю упрекнула Данте:

«Не на Земле ты, как считал превратно,
Но молния, покинув свой предел,
Не мчится так, как ты к нему обратно» (Р., I, 91-93).

Этот упрек – скорее похвала. Данте был глубоко посюсторонним, земным человеком: все, что он узнавал в космических полетах с Беатриче, он примерял к потребностям и нуждам земного человечества.

Тональность заключительных строк всей поэмы:

Здесь изнемог моей фантазии полет,
Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан ровный ход,

Любовь, что движет солнце и светила (21*) (Р., XXXIII, 142-145),

– может быть определена как сдержанно-мажорная. Поэт осуществил путешествие фантастическое (не только в переносном, но и в прямом смысле). Многому он подивился, многому ужаснулся, в ряде случаев вмешивался в божьи приговоры и кое-что порой весьма существенно исправлял. Но больше страдал. И он возвращается домой, на родину – на Землю, над которой светит солнце, с которой видны и Луна, и бесчисленные звезды. Каждый раз, когда над ним раскрывалось это чудо – безбрежный шатер небес, усеянный неисчислимыми светилами, которые соединил, связал друг с другом в многообразном, но

едином и правильном движении некий закон взаимного тяготения, который не назовешь иначе как Законом любви, – душа поэта ликовала.

Как же возликовала она теперь, когда такое трудное путешествие (пусть даже вымышленное) завершилось, когда он снова на родной планете и его разум, и его воля тоже подключены к ритмичному ходу космического движения, называемого Законом любви. (Обратим внимание: при этом – ни одного слова благодарности Всевышнему).

Ну, что ж, вот счастливый конец, и значит, перед нами комедия? Только на первый взгляд. Данте всей душой любил Землю, этот «Милый мир». Но он знал и его изнанку. А его запредельное путешествие еще более обнажило язвы земной жизни. Ведь он и отправился в свое немыслимое путешествие и вернулся из него с тем, чтобы с большей убежденностью сказать людям: так дальше жить нельзя! Значит, на Земле его ждало не безоблачное умиротворение, а горячая идейная борьба, – ведь он же ее и начал своею бесподобной, бурной поэмой. Так что возвращение домой было радостью, но не всеразрешающим счастливым концом. На земле, в родной Флоренции, Данте – «белому гвельфу» – уже давно грозил костер, а Данте – автору «еретической» «Комедии» – после его смерти инквизиция грозила сожжением его бранных останков.

Комедия не получилась. Так поэт морочил головы современникам? Нет, он написал согражданам, современникам правду, правду их злой, жестокой, несправедливой жизни. Но скажите, мог ли он эту правду высказать здесь, среди живых, когда, к примеру, соперник мог схватить своего соперника и вместе с детьми и внуками засадить в глухую башню и уморить всех абсолютным голодом – вплоть до людоедства, как это сделал Руджиери, архиепископ пизанский, представитель верхнего слоя церковной иерархии? И подобным преступлениям и злодеяниям не было конца.

Данте знал, что «дружить с правдой» опасно, но дружбе этой он оставался верен. Если живым правду говорить нельзя, так мертвым можно – там хоть второй раз не убьют.

Но дело не только в этом. Как ни странно, из загробья, из царства мертвых, жизнь живых видится гораздо яснее, чем под небом. Как это ни парадоксально, там больше свободы. Нужно только, чтобы чисто было протерто зеркальное стекло между загробьем и жизнью. Ну и, разумеется, чтобы чище была совесть пишущего. И тогда из подземелья живая жизнь видится яснее, просвечивается насквозь. Вот и показывай через это подземное зеркало живым о мертвых – честно, без утайки, без предвзятостей и подправок, на какие живые падки.

В том-то и величие Данте, что он (хоть «во сне») не побоялся спуститься в преисподнюю и оттуда, через зеркальное, правдивое стекло показать от имени мертвых – живым, в каком аду они живут и каковы они сами, птицы высокого полета. Данте понял: чтобы пробудить совесть живых, нужно показать им жизнь мертвых, ушедших, – с помощью волшебного исторического зеркала. Печально, но ведь смешно.

И, наконец, нельзя исключать еще одного и самого смелого, можно сказать, «взрывного» смысла названия, которое дал своей поэме Данте. Как известно, Данте никогда не называл свою комедию божественной, но один раз называет ее «священной комедией». «Священная комедия»? Каково словосочетание?! Разве что-нибудь священное, именующее себя благим, добрым, любвеобильным, может быть смешным? Может быть жестоким, – отвечает Данте своей поэмой, а потому – нелепым, трагически смешным в своих претензиях на высочайшую любовь..

Было от чего злобствовать «любвеобильным» слугам господним... Пройдет пять столетий, и на другом историческом этапе, но вращаясь вокруг сходных социальных проблем, мысль гениального Бальзака, боготворившего Данте, потечет сходным (но отнюдь не подражательским) руслом и побудит его объединить группу его лучших романов почти дантовским названием: «Человеческая комедия». (Спор с Данте здесь чисто внешний и лишь кажущийся: в XIX веке «Комедию» Данте все еще называли «Божественной комедией»).

Персонажи Бальзака живут мечтами об обогащении и вступлении в «приличное общество», где они будут приняты как «порядочные» люди, может быть, и как важные персоны, а для этого, сохраняя внешне приличный вид, карабкаются наверх по спинам, а то и по головам нижестоящих и слабых.

И то и другое – трагично. Но разве при этом не смешно? Название «Комедия» напрашивается само собой. Бальзак прекрасно понял Данте и с полным правом воспользовался великолепной литературной находкой старинного флорентийца.

За пятьсот лет многое изменилось до неузнаваемости. Отпала необходимость в фантастических полетах и даже в «странных стихах». Но тайны человеческого сердца, его скрытых страстей и жажды успеха, богатства и власти во что бы то ни стало – не исчезли. И только такой великий человековед, каким был Бальзак, мог раскрыть действие этих тайных пружин человеческой, мещанской, буржуазной души – их величие и их ничтожество, их трагизм и их комизм.

Бальзак подхватил мысль Данте, глубоко раскрыл великий замысел поэта, давшего своей грандиозной, порою – громоподобной поэме скромное, а в сущности проницательнейшее название – «Комедия».

Не случайно и не по ошибке уже после смерти поэта инквизиция дважды высылала отряды монахов и рыцарей к замку графов Полента – похитить саркофаг Данте, чтобы сжечь на костре останки этого «еретика». И дважды рыцарские отряды Гвидо Полента (племянника Франчески да Римини) обращали в бегство святых налетчиков и спасали честь Италии, породившей великого Данте.

Горькое, но очень верное название дал своей поэтической эпопее Данте. Он раскрыл и трагизм и комизм человеческой жизни под ферулой церкви, каковую, человек же и создал. И остается только удивляться, как исследователи, разглядевшие в дантовой поэме сатиру, могли отрицать наличие в ней комизма. Разве настоящая сатира возможна без насмешки, без комизма? Почитайте Ювенала, почитайте Гоголя.

Великий поэт XIV века, не претендуя на «божественность» своего творения, мудро назвал его «Комедией», «Священной комедией». Было от чего злобствовать стражам нерушимой веры. В этом названии сказалось не только тонкое и точное литературное чутье, здесь проявилось бесстрашное свободомыслие Данте.

20* См.: Елина Н. Г. Проблемы художественного своеобразия поэзии Дан-те // Дантовские чтения. 1968. С. 74.; Брюсов В. Я. Данте – путешественник по загробью // Там же. С. 229; Тахо-Годи М. А. Ромен Роллан и Данте // Там же. С. 193.

21*Уточнение перевода первой строки терцины С. М. Стама.

